

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»
Северо-Кавказский филиал**

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
И КРИМИНАЛИСТИКИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(22 декабря 2020 г.)**

Сборник статей

Краснодар
2021

УДК 343.1:343.9
ББК 67.410.2:67.52
Т33

Ответственный редактор:

***Бородинова Т.Г.** – заведующий кафедрой
уголовно-процессуального права СКФ ФГБОУВО «РГУП»,
доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Кубани*

Т33 Теоретические и практические проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики в современном мире : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (22 декабря 2020 г.). Сборник статей / Отв. ред. Т.Г. Бородинова; СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2021. – 214 с.

ISBN 978-5-91718-654-2

Настоящий сборник научных работ создан на основе материалов Всероссийской научно-практической конференции, проведенной 22 декабря 2020 года кафедрой уголовно-процессуального права СКФ ФГБОУВО «РГУП». Основная тематика научных статей определена с учетом актуальности проблем в области уголовно-процессуального права, уголовного права и криминалистики, охватывающих вопросы обеспечения прав граждан в различных формах и стадиях уголовного судопроизводства.

Сборник адресуется преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов и всем, кто интересуется современными проблемами уголовного судопроизводства. Материалы публикуются в авторской редакции.

ББК 67.410.2:67.52
УДК 343.1:343.9

ISBN 978-5-91718-654-2

© Коллектив авторов, 2021
© Оформление ООО «Издательский
Дом – Юг», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Бородинова Т.Г.

Современная «многоступенчатая» система кассации
по уголовным делам 7

Васечкина А.В.

Спорные вопросы электронных доказательств
в уголовном процессе 12

Верстов В.В., Верстова М.В.

Психологические особенности допроса обвиняемого
(подозреваемого) в условиях конфликтной ситуации 19

Гаевой А.И.

Право на обжалование следователем, руководителем
следственного органа, требований прокурора
об устранении нарушений федерального законодательства,
допущенных в ходе предварительного следствия:
конфликт интересов неизбежен 22

Гладышева О.В.

Обеспечение прав предпринимателей
в уголовном судопроизводстве: актуальные проблемы
и пути их решения 27

Головин М.В.

Организация первоначального этапа
расследования преступлений, связанных
с уклонением от уплаты налогов с юридических лиц 35

Губко И.В.

Процессуальный статус присяжного заседателя и особенности
его реализации в уголовном судопроизводстве 44

Гусев А.В.

Правовые и научные проблемы оценки результатов
судебных экспертиз 50

Досаева Г.С.

Уголовный проступок как вид освобождения
от уголовной ответственности 57

Казаринов И.А. Социально-правовое содержание правил действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации	64
Колесникова Л.Г. Основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования, влекущие право на реабилитацию, в уголовно-процессуальном законодательстве стран ближнего зарубежья	73
Кольчурин А.Г., Смирнов М.В. Некоторые особенности установления механизма совершения дорожно-транспортных преступлений	78
Костенко Р.В. Третье правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе	81
Крипиневич С.С. К вопросу об обеспечении прав участников уголовного судопроизводства в досудебных стадиях производства по уголовным делам	88
Лукожев Х.М., Чич Ж.Т. Взаимодействие прокурора и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам	94
Милованов П.П. Субъекты дознания: уточнение терминологии	103
Науменко О.А. Актуальные проблемы в расследовании преступлений, совершаемых посредством сети интернет	109
Никитина С.В. Актуальные проблемы доказательственной деятельности суда в досудебных стадиях уголовного судопроизводства	113
Петрикин В.Ю. Процессуальные особенности использования защитником результатов оперативно-розыскной деятельности	119

Петрикина А.А.	
Перспектива существования института частного обвинения в уголовном судопроизводстве РФ	122
Плетнев В.В.	
Порядок признания доказательств недопустимыми	125
Полухин В.М.	
Проблемы обеспечения разумного срока досудебного производства по уголовным делам	135
Помазов В.В., Грицаев С.И.	
Интенсификация расследования на основе применения информационных технологий	140
Ротар А.И.	
Особенности реализации права на доступ к правосудию обвиняемым	146
Рудакова С.В.	
Институт обжалования в отечественном уголовно-процессуальном праве: генезис и тенденции развития	155
Садикова Ю.В.	
Актуальные проблемы рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей	165
Семенцов В.А.	
Участие прокурора в следственных действиях в досудебном производстве: за и против	173
Ставило С.П.	
Категоризация преступлений: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные особенности, проблемы законодательной регламентации и правоприменения	180
Стрельникова К.В.	
Особенности примирения сторон при производстве по уголовным делам частного обвинения	185
Тарасов А.В.	
Фиксация преступных действий посредством цифровых технологии при расследовании преступлений	191

Цацуро В.А.

Обстоятельства, подлежащие установлению судом
при принятии решения о производстве
следственного действия в досудебных стадиях
уголовного процесса 196

Чиковани М.А., Есина А.С.

К вопросу о процессуальном статусе лиц, участвующих
в доследственной проверке 203

Шпак Н.М.

Тактические приемы проведения очной ставки 209

*Бородинова Т.Г.,
д-р юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой
уголовно-процессуального права,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»*

СОВРЕМЕННАЯ «МНОГОСТУПЕНЧАТАЯ» СИСТЕМА КАССАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Право на судебную защиту остается лишь декларацией, если оно не имеет соответствующей системы гарантий его реализации. В судебной системе Российской Федерации с этой целью создана многоэтапная система проверки и пересмотра судебных решений, включающая различные формы и виды судебной защиты.

Одним из видов судебной защиты является возможность обращения граждан в суд кассационной инстанции, в случаях, когда они полагают, что вступивший в законную силу судебный акт по уголовному делу не отвечает требованиям законности. Как показывает анализ современных законодательных изменений в уголовном судопроизводстве, именно кассационный порядок пересмотра итоговых судебных решений по уголовным делам подвергся наибольшему реформированию. Такое пристальное внимание законодателя к кассации говорит о серьезном значении, предаваемом ей в системе судебного механизма обеспечения правосудности судебных решений.

Кассационное производство, будучи включенным в систему уголовного процесса, как одна из самостоятельных стадий, характеризуется внутренней, достаточно сложной системой построения, как с организационной, так и с процессуальной точки зрения. Вот на этих вопросах остановимся более подробно в настоящей публикации.

В качестве нормативной основы современного видоизменения кассационного производства по уголовным делам выступили различные федеральные законы, затрагивающие не только уголовно-процессуальное, но и судоустройственное законодательное

регулирование¹. Что, в совокупности, позволило создать в судебной системе и в системе уголовного судопроизводства обновленную модель кассации по уголовным делам. Об эффективности нововведения уже неоднократно говорилось руководителями Верховного Суда РФ², отмечалось это и в научной литературе³.

Прежде всего, как важнейший момент следует отметить тот факт, что в судебную систему Российской Федерации были включены новые судебные учреждения в виде кассационных судов общей юрисдикции. Как следует из их названия, они дополнили систему судов общей юрисдикции, условно заняв место между областными и равными им по уровню судами общей юрисдикции и Верховным Судом РФ. Это место отражает и процессуальную весомость судебных решений кассационных судов, которые, по отношению к мировым судьям, судам районных, областных и равных им по уровню судам заняли позицию вышестоящего суда, наделенного правом судебного контроля (в различном виде и степени).

По отношению к Верховному Суду РФ, кассационные суды общей юрисдикции, безусловно, занимают позицию подчиненной инстанции. Непосредственный судебный контроль за их процессуально-правовой деятельностью возлагается на соответствующую Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ.

Ценность учреждения новых кассационных инстанций, с точки зрения укрепления независимости их деятельности,

¹ См.: О внесении изменений в федеральный конституционный закон «О судебной системе российской федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303437 (дата обращения 12.11.2020); О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 11 окт. 2018 г. № 361-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308720 (дата обращения 12.11.2020).

² Верховный Суд подвел итоги работы судов за 2020 год: Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL : <http://www.supcourt.ru/>(дата обращения 27.11.2021).

³ См., например, Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (ч. I) // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 136–137; Колоколов Н.А. «Новая кассация»: реформа продолжается // Уголовное судопроизводство. – 2019. – №1. – С. 3–6.

связывается с тем, что они располагаются в определенном условном судебном округе, не связанном с административно-территориальным делением государства, и фактически «оторваны» от органов исполнительной власти субъектов России. Кроме того, исключены случаи личных взаимоотношений судей кассационных судов с коллегами из нижестоящих областных и равных им по уровню судов.

В то же время, работа кассационных судов не стала «бесконтрольной» со стороны судебной власти. Судебными коллегиями по уголовным делам Верховного Суда РФ осуществляется постоянный мониторинг деятельности новых кассационных судов, осуществляемых в процессе как непосредственного пересмотра судебных решений кассационных судов общей юрисдикции в режиме «второй кассации», так и в результате изучения и обобщения практики данных судов, отражаемой в справках-обобщениях, которые затем обсуждаются в судебском коллективе кассационных судов, с целью принятия мер по устранению замечаний.

Например, анализируя причины отмены судебных решений нижестоящих судов Четвертым кассационным судом общей юрисдикции с момента его образования и за первое полугодие 2020 года, Верховный Суд РФ, в итоге пришел к выводу о том, что в основном, качество работы данного суда соответствует требованиям главы 47.1 УПК РФ, но есть и некоторые упущения при отправлении правосудия.

В частности, Верховный Суд РФ обращает внимание на следующие единичные случаи нарушения норм процессуального права: кассационный суд сослался на обстоятельства дела, которые не были установлены судом первой инстанции; кассационный суд ошибся в части рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания; не поставив под сомнение законность доказательств, на основании которых подсудимым было предъявлено обвинение, кассационный суд дал собственную оценку этим доказательствам, отличающуюся от оценки суда первой инстанции, который рассмотрел дело в особом порядке принятия судебного решения и др.

Как можно видеть, от судебных ошибок не застрахована ни одна кассационная инстанция. Тем оправданнее выглядит установленная иерархия ведомственного судебного контроля, не

направленного на умаление судебной независимости, а имеющего своей целью дополнительную возможность выявления и устранения судебных ошибок, с целью недопущения исполнения неправосудных приговоров.

Нормативные видоизменения кассационной стадии привели к формированию новой модели многоступенчатой кассации. В настоящее время кассация по уголовным делам представляется в виде трехступенчатого кассационного производства, включившего различные уровни судебной власти. Первой ступенью кассационного производства является кассационный суд общей юрисдикции (условно – «первая кассация»), второй ступенью выступает Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ (условно – «вторая кассация»).

Дополнительной гарантией обеспечения законности судебных актов является возможность обращения к Председателю Верховного Суда РФ в порядке п. 5 ст. 401.10 УПК РФ, обжалуя отказ в приеме их кассационного обращения. Это третья контрольная ступень кассация.

Каждая ступень в системе кассационного обжалования и пересмотра итоговых судебных решений по уголовным делам характеризуется своими процессуальными средствами («выборочная» и «сплошная кассация»), применение которых зависит от вида обжалуемого решения. Следует отметить и обязательность учета последовательности прохождения каждой нижестоящей ступени перед обращением в последующую.

Дифференцированный порядок кассационного производства привел к различной степени гарантий права на пересмотр приговоров, постановленных судами различных уровней. Так, приговоры мировых и районных судов могут быть обжалованы в двух кассационных инстанциях: в судебной коллегии по уголовным делам кассационного суда общей юрисдикции и в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ.

Приговоры же областных и равных им по уровню судов могут быть обжалованы только в одной кассационной инстанции: в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. В итоге, обжалование и пересмотр приговоров районных и мировых судей обеспечены большими процессуальными гарантиями, по сравнению с приговорами, постановленными областными и равными им по уровню судами.

В этом смысле мы остались на позициях «дореформенной» модели кассационного производства, при которой по уголовным делам о менее тяжких преступлениях предусматривалось больше возможностей обжалования, чем по более сложным уголовным делам об особо тяжких преступлениях¹. Считаем, что данная ситуация должна быть изменена в сторону унификации реализации права на обжалование и пересмотр приговоров, постановленных всеми уровнями судов. Полагаем, что это возможно осуществить при условии передачи полномочий по кассационному пересмотру приговоров от Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в судебные коллегии кассационных судов общей юрисдикции. А Верховному Суду РФ оставить право судебного контроля в порядке выборочной кассации над всеми видами итоговых решений нижестоящих кассационных инстанций.

В заключении, в призме существующей многоступенчатой системы кассационного производства по уголовным делам, обратим внимание на вопрос об исчислении срока кассационного обжалования. Как известно, после длительного обсуждения на различных законодательных уровнях, 24 февраля 2021 года вступил в силу федеральный закон, установивший шестимесячный срок кассационного обжалования, с правом его восстановления². В ст. 401.3 УПК РФ этот срок определен в целом для всего кассационного обжалования. Но как его учитывать в условиях существования трех ступеней кассационного обжалования? На этот вопрос в названной статье ответа не содержится. Ведь можно предположить, что шесть месяцев могут истечь с момента обжалования и рассмотрения кассационного обращения в суде первой кассационной ступени (в кассационном суде общей юрисдикции). Как быть заинтересованным лицам далее? Возобновляется ли течение шестимесячного срока кассационного обжалования для следующей ступени кассационного обжалования (Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ)?

Полагаем, что логичным будет предоставление шестимесячного срока кассационного обжалования для каждой кассационной

¹ Головки Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 7.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.02.2021 № 15-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377637

инстанции. Очевидно, что статья 401.3 УПК РФ, требует доработки в этом вопросе.

Оценка многоступенчатой системы кассационного производства, в совокупности с другими видами системы пересмотра приговоров, демонстрирует возможность многократного пересмотра приговора и подчеркивает приоритет права граждан на законное и справедливое судебное решение над такими принципами как правовая определенность и стабильность судебного решения, вступившего в законную силу. Полагаем, что в условиях реальной угрозы судебных ошибок – это верная позиция.

*Васечкина А.В.,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет имени И.Т. Трубилина»*

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Пандемия принесла ряд видов мошенничества, связанные с применением цифровых технологий, компьютера. Расследование киберпреступления не сводится к тому, чтобы изъять компьютер и получить все доказательства сразу. При задержании подозреваемых в киберпреступлениях правоохранительные органы допускают ошибки.

В связи с самоизоляцией и увеличением объема онлайн-торговли и услуг участились и случаи мошенничества в сети. В первую очередь в период пандемии мы видели рост телефонного и интернет-мошенничества, использование новых схем социальной инженерии. Сама суть мошенничества с годами не меняется, а вот формат и схемы – телефонный звонок от соцработников, продажа пропусков или рассылка сообщений о штрафах за нарушение карантина – меняются постоянно. Инфоповоды, которыми пользуются мошенники, чуть ли не опережают повестку СМИ. И коронавирус с этой точки зрения им отлично подходит. Поэтому стало больше кейсов, связанных с COVID-19.

Например, в конце марта – начале апреля, когда столичные власти ужесточили требования к самоизоляции и ограничили передвижения по городу, появились мошеннические сервисы: сайты, Telegram-каналы, VK- и Instagram-аккаунты, предлагающие купить справки-пропуска на период карантина по цене от 3 тыс. до 5,5 тыс. руб.

Далее, фишинг-рассылки на тему коронавируса: различные письма с предложениями тестов, лечения, а также звонки и пр. Человеку может прийти СМС с информацией о якобы результатах его теста на COVID-19. В тексте сообщения ему предлагают перейти в некий личный кабинет, чтобы он мог просмотреть результат теста. Это будет ссылка на фишинговый ресурс, при переходе на который на компьютер или смартфон скачивается вирус.

Активизировались схемы с фейковой курьерской доставкой товаров, заказанных через интернет. Злоумышленники создавали на популярных сервисах бесплатных объявлений так называемые лоты-приманки – объявления о продаже товаров (фотоаппаратов, ноутбуков, смартфонов и т.д.) по цене намного ниже рыночной. Потом присылали покупателю ссылку на фейковую страницу курьерского сервиса и просили перевести деньги за товар и доставку. По такой схеме работают десятки преступных групп, и за три месяца карантина их заработки выросли с 3,5 млн руб. в феврале до 9 млн в апреле.

Что касается корпоративного сектора, то в этой сфере произошло увеличение количества угроз, связанных с масштабным переходом сотрудников компаний на удаленную работу – это опасные письма, замаскированные под информационные и коммерческие рассылки о COVID-19, которые содержали вредоносные рассылки, программы-шпионы (spyware), это и бэкдоры, и программы-шифровальщики.

К этому списку можно отнести и ряд фактов незащищенного направления информации, необходимой для входа в информационные системы, посредством электронной почты или сообщений в мессенджерах, пересылки файлов, содержащих персональные данные и другую конфиденциальную информацию. Это легко объясняется: персонал стал работать с домашних компьютеров за рамками корпоративной инфраструктуры и безопасности, при этом имея доступ в сеть организации. Понятно, что домашний

компьютер защищен значительно хуже. Киберпреступники могут использовать его для доступа в корпоративную сеть с помощью тех же рассылок писем с вирусами.

То есть участились случаи проникновения в сети компаний, краж и блокировки данных и затем шантажа или продажи конкурентам.

По угрозам компании – это не только вымогательство, но и компрометация информации, а также кража денег. Могут быть украдены клиентские базы, договоры, конфиденциальные переписки, документы по итогам общения на совете директоров и т.д.

Кража денег была и остается в приоритете: это списание средств со счетов организаций, самих банков и их филиалов, платежных систем. Речь не идет о том, что трое школьников со своих компьютеров проникают в банковские системы. Сейчас все намного сложнее. Это комплексные целенаправленные атаки, которые готовятся, скажем так, под конкретное финансовое учреждение или крупную компанию, то есть уникальные в каждом случае. Ими занимаются организованные группы, инвестируя в подготовку и реализацию значительные бюджеты. У таких групп распределены роли: физическая защита, техническая часть, социальная инженерия.

Причем, человек, консультирующий такую группу, может исполнять разные функции. Может просто помочь и предоставить информацию о структуре сети организации: где и какие установлены серверы, компьютеры, их предназначение, какие хосты и сервисы использует целевой объект атаки. Так злоумышленники узнают, куда им нужно попасть, чтобы получить доступ к управлению деньгами либо данными. Вторая роль – когда инсайдер предоставляет пароли от учетной записи администратора. Обеспечив себе доступ к учетной записи компьютера менеджера банка и дальше двигаясь по сети, получая все более и более привилегированные доступы, в итоге можно дойти до нужного рабочего места (компьютера), чтобы совершить преступление.

Но надо понимать, что банки и иные корпорации – это довольно сложные системы с замкнутым контуром сети и, для того чтобы совершить мошенническую операцию, необходимо разбираться в том, каким образом работает банк, каким образом проводятся транзакции и т.д. То есть представлять всю картину

электронных процессов. Поэтому зачастую инсайдеры выступают как просто консультанты, а иногда они могут вовсе не знать, что консультируют злоумышленников.

Атаки на компании могут готовиться тщательно: это не только конкретная организация, но и, допустим, конкретный департамент внутри организации. Например, мошенники могут создать некую фейковую компанию и разместить вакансию консультанта с зарплатой 1,5 млн руб. в месяц под проект на три месяца. Могут послать предложения конкретным лицам, чтобы переманить или привлечь на время. Человек приходит, не понимая, что он потенциально работает на злоумышленников, и рассказывает, что он делает в компании. Есть и случаи, когда нанятый человек занимается целенаправленным взломом, думая, что делает легитимный пентест. В этом случае труднее доказать, что человек был соучастником преступления. Следователь и прокурор не могут быть освобождены от обязанности собирать, исследовать и оценивать не только изобличающие обвиняемого, но и оправдывающие его доказательства¹.

Следует отметить, что, как и в рамках расследования классического преступления, доказательство киберпреступления строится на ошибках злоумышленников. Людям свойственно ошибаться. Скажем, мошенник работает удаленно, использует VPN-сервисы и прочие средства анонимизации, но в какой-то момент VPN перестает работать из-за какой-то ошибки. И тут ненадолго становится виден его реальный IP-адрес. Еще вариант. Злоумышленник знает, как не оставлять следов своего проникновения в сеть. Но какие-то кусочки данных, которые он недооценил, мелкие штрихи могут привести к нему, например через его прошлое, когда он только начинал свою преступную карьеру и был не так внимателен. Это могут быть почерк, никнейм, лексикон и другие данные.

Основная сложность расследования в том, что надо правильно найти, интерпретировать и оформить данные. Кроме того, если это кейсы международные, то быстрому расследованию могут мешать бюрократические процедуры, от которых никуда не уйти.

¹ Васечкина А.В. Состязательность и равноправие стороны: спорные вопросы применения на практике Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 12(168). – С. 130.

В уголовных делах криминалисты участвуют как в оперативно-розыскных мероприятиях, так и в следственных действиях. Являясь специфическим видом деятельности, расследование преступлений требует от следователя наличия профессиональных качеств¹. Например, важнейшее значение имеет обыск или обследование помещения, откуда работает злоумышленник. Правоохранительные органы обязаны привлекать IT-экспертов при изъятии и исследовании электронных носителей. Это необходимо начиная от момента захода в помещение и заканчивая изъятием оборудования. Для этого существует несколько техник, главная цель – зайти таким образом, чтобы злоумышленник не смог уничтожить или зашифровать объекты, представляющие интерес для расследования. Ведь сейчас есть средства, которые могут уничтожить информацию на носителях очень быстро. Пока силовики будут ломать дверь в помещение, может пройти 20–30 минут, в течение которых данные можно потерять. Вспомним историю с братьями Попелышами², когда полицейский спецназ выпиливал металлическую дверь квартиры, где жили братья-хакеры. Один из них в панике пытался смыть в туалете полмиллиона рублей, флешки и сим-карты, но забил канализацию. Кроме усиленной железной двери, у братьев на случай облавы была электромагнитная пушка для размагничивания жестких дисков. Если пушка сработает, прочесть данные будет невозможно.

При изъятии электронных носителей вывод о возможной утрате или изменении информации делает только специалист, который участвует в следственном действии³. Ошибки правоохранители могут допустить при изъятии носителя информации и дальнейшей его передаче на экспертизу. При исследовании может

¹ Васечкина А.В. Нравственные основы предварительного расследования / А.В. Васечкина // В сборнике: Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 35.

² Апелляционным определением Мосгорсуда от 06.03.2019 по делу № 10-600/2019 приговор отменен, дело возвращено в Генпрокуратуру с оставлением меры пресечения в виде заключения под стражу. В суд дело не возвращалось.

³ Игольникова А.В. Судебный контроль за производством обыска с изъятием компьютерной информации / А.В. Игольникова, А.В. Васечкина // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год. Ответственный за выпуск А.Г. Кощаев. – 2019. – С. 1190.

выясниться, что в объект были внесены изменения без санкций следствия. Например, в протоколе указано одно время, а по факту, когда объект попадает на исследование, видим даты внесения изменений, которые появились после изъятия. В этом случае объект может стать непригодным для дальнейшего использования в рамках уголовного процесса и у защиты появятся основания указать на эти недостатки. Выявленные процессуальные ошибки следователя (дознателя), эксперта и других участников уголовного процесса часто используется адвокатами и является эффективным способом защиты¹.

В заключение хотелось бы отметить, что расследование киберпреступления не сводится к тому, чтобы изъять компьютер и получить все доказательства сразу. К сожалению, у многих следователей и адвокатов, особенно у тех, кто ранее работал в правоохранительных органах, сохранилось понимание перечня объектов исследования, которые были в 90-х. Сейчас количество объектов исследования, источников информации гораздо шире.

По мнению следователя, для того чтобы раскрыть мошенничество, связанное с фальсификацией договора, по которому выставили требования к компании, достаточно провести его экспертизу на предмет давности, чтобы установить, что появилось на бумаге раньше: текст или подписи на документе. Но он упускает из виду, что можно выстроить цепочку того, как этот документ вообще появился согласно электронным данным. Для этого понадобится компьютерная экспертиза. Устанавливаем процесс документооборота в компании, отслеживаем весь путь формирования документа (хронологию): кем он создан, когда и где, кто и когда его изменял, кто согласовывал, где распечатан конечный вариант. Что было взято за основу и какие метаданные при этом зафиксированы. Эти данные нужно сопоставить с перепиской между участниками процесса формирования документа, из которой можно увидеть действия всех заинтересованных лиц. То есть «бумажная» экспертиза подкрепляется компьютерным исследованием. Это дает возможность получить максимально объективную картину обстоятельств дела.

¹ Васечкина А.В. Недостатки технических способов фиксации хода и результатов осмотра места происшествия следователем (дознателем) / А.В. Васечкина // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 72-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2016–2017. – С. 626.

Выводы после сопоставления данных могут быть в пользу версии как обвинения, так и защиты. Поэтому очень важно знать, где искать данные, что именно искать, как их правильно интерпретировать и оформить.

Представляется, что понятие электронных доказательств требует определенной формулировки в УПК РФ, а также необходим алгоритм действий, который бы детализировать способы сбора, хранения, исследования, оценки электронных доказательств. Функция доказывания в уголовном судопроизводстве всегда являлась значимой частью для всего уголовного процесса¹.

В научной среде также ставится вопрос о необходимости ввести в УПК РФ такие виды следственных действий, как:

- осмотр сетевых информационных ресурсов²;
- удаленное подключение к компьютеру в процессе его работы³;
- выемка электронных носителей информации⁴;
- копирование электронной информации⁵;
- арест электронно-почтовой корреспонденции⁶.

Кроме того, речь идет о целесообразности назначения и проведения комплексных компьютерно-технических и фоноскопических экспертиз цифровых фонограмм⁷.

Полагаем, что регламентация вышеуказанных электронных доказательств будет способствовать допустимости, достоверности доказательств, а также эффективной защите прав человека и основных свобод.

¹ Васечкина А.В. Ориентиры процесса доказывания в уголовном судопроизводстве на современном этапе / А.В. Васечкина // В сборнике: Социально-экономический ежегодник. – Краснодар, 2014. – С. 130.

² Добровлянина О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации / О.В. Добровлянина // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2.

³ Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. – М. : Юристъ, 1995. – С.128.

⁴ Мамулян А.С. Англо-русский полный юридический словарь / А.С. Мамулян, С.Ю. Кашкин. – М., 1993.

⁵ Першин А.Н. Осмотр сетевых информационных ресурсов – новый вид следственного действия? / А.Н. Першин // Российский следователь. – 2020. № 1.

⁶ Овсянников Д.В. Электронное копирование информации в системе средств уголовно-процессуального доказывания / Д.В. Овсянников // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – № 2(3).

⁷ Основы теории электронных доказательств : монография / Под ред. д-ра. юрид. наук С.В. Зуева. – М. : Юрлитинформ, 2019. – С. 400.

Верстов В.В.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры криминалистики
и правовой информатики,
ФГБОУ ВО «КубГУ»

Верстова М.В.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры криминалистики
и правовой информатики,
ФГБОУ ВО «КубГУ»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Допрос – это наиболее распространенное и сложное в тактическом плане следственное действие, целью которого является получение и фиксация показаний о искомых фактах. Допрос – это процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела¹. Допрос относится к одному из обязательных следственных действий и самым распространенным способом получения необходимой информации в контексте расследования в рамках раскрытия любого вида преступления.

Целью допроса обвиняемого (подозреваемого) является получение достоверной и объективной криминалистически значимой информации, поэтому рекомендуется использовать тактические приемы и психологические знания. Редкий допрос подозреваемого (обвиняемого) проходит в бесконфликтной форме. Это объясняется нежеланием допрашиваемого лица сообщать следователю правдивые показания, а также боязнь разоблачения и ответственности за совершенное преступление.

Под конфликтом обычно понимают противостояние между собеседниками, имеющими разные точки зрения на какую-то

¹ Аверьянова Т.В. Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р.С. Белкина. – М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2000. – С. 610.

проблемную ситуацию. Буквально конфликт (от лат.) – это столкновение.

Таким образом, конфликтная ситуация в ходе допроса – это противостояние между следователем и допрашиваемым лицом, возникающее в процессе получения доказательственной информации.

Каждый человек на своем опыте знает, что такое конфликт и, по возможности, старается избегать или уменьшить варианты коммуникаций в конфликтной форме. Рассматривая ситуацию допроса, следует отметить, что конфликт часто используется подследственными лицами как возможность запутать следователя, скрыть информацию, спровоцировать на недопустимые действия, с тем чтобы впоследствии подорвать доверие к следователю и результатам расследования у суда.

Важно понимать, что конфликтная ситуация в ходе допроса является естественным явлением ввиду того, что происходит столкновение разнонаправленных интересов между следователем, который нацелен на получение информации и подследственным, желающим ее скрыть или исказить. Поэтому, имея необходимые знания и владея навыками управления конфликтом, можно извлечь процессуальную выгоду. Лицу, осуществляющего допрос необходимо ориентироваться и уметь выбирать тактические приемы работы с целью полноценной реализации допроса как следственного действия.

Готовясь к производству допроса, который предположительно будет протекать в конфликтной ситуации, следователю надлежит определить, какая из существующих тактик предъявления доказательств будет наиболее эффективной, чему способствует исследование личности допрашиваемого. Осуществляя подготовку к допросу, следователь должен продумать не только общие тактические приемы, но и особые психологические, применение которых дает возможность получить необходимую информацию в приемлемой для обеих сторон форме. Другими словами, следователь должен предусмотреть возможный конфликтный вариант допроса, а также уметь применять подходящие тактические и психологические приемы для перевода конфликтной ситуации в бесконфликтную.

Рассмотрим некоторые тактические и психологические приемы и рекомендации в конфликтной ситуации допроса:

- осуществлять тщательную подготовку к допросу, составлять письменный план допроса, изучить материалы уголовного дела;
- составить психологический портрет подозреваемого (обвиняемого);
- определить и учитывать темперамент и характер допрашиваемого лица;
- продумать приемы для установления психологического контакта;
- не реагировать на провокации со стороны допрашиваемого лица;
- уметь распознавать ложь и владеть приемами противодействия лжи. Косвенные признаки, которые могут «подсказать» наличие лжи: пересыхание рта, частое облизывание губ, надувание вен, усиленная пульсация на голове и шее, ерзание на стуле и т.д.;
- наблюдать за поведением допрашиваемого лица и обращать внимание на невербальные стороны общения: мимику, жесты, интонацию, тембр и громкость, положение рук и ног, позу. Так, к примеру, если допрашиваемый курит во время допроса, то по направлению струи дыма можно определить, правдивость или ложность показаний;
- создать у допрашиваемого лица впечатление о большей или меньшей осведомленности следователя об обстоятельствах совершенного преступления;
- своевременно переключать внимание допрашиваемого на иные вопросы, детали, которые не имеют отношения к конфликту;
- применять метод косвенного допроса, формулируя вопросы и маскируя истинные обстоятельства.

Подводя итоги необходимо еще раз подчеркнуть, что следователь должен заранее уметь прогнозировать возможность протекания допроса в конфликтной ситуации, тщательно готовиться к производству данного следственного действия, подбирать тактические и психологические приемы, для эффективного разоблачения ложных показаний. Нелишним будет подробно фиксировать ход допроса и контролировать свои действия, сдерживать эмоции, чтобы не вызывать конфликт.

*Гаевой А.И.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»*

**ПРАВО НА ОБЖАЛОВАНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ,
РУКОВОДИТЕЛЕМ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА,
ТРЕБОВАНИЙ ПРОКУРОРА ОБ УСТРАНЕНИИ
НАРУШЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
ДОПУЩЕННЫХ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
СЛЕДСТВИЯ: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ НЕИЗБЕЖЕН**

Надо признать, что результатом реформ, проводимых в последние 20 лет в уголовном судопроизводстве России, стало лишение прокурора, как одного из наиболее значимых участников стороны обвинения, его нераздельной «прокурорской власти»¹. В одночасье он лишился значительной части своих полномочий, в связи с перераспределением их, преимущественно в пользу руководителя следственного органа. Отныне, он не только не осуществляет процессуальное руководство и контроль за предварительным следствием по уголовным делам, но и что, самое важное стала разрушаться непоколебимость его прокурорских требований, следователем, в части устранения допущенных последним нарушений федерального законодательства при осуществлении предварительного следствия (п. 5 ч. 2 ст. 38, ч. 5 ст. 39 УПК РФ). Следователь, в случае несогласия с решениями прокурора: об отмене постановления о возбуждении уголовного дела; о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия; изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков, в порядке требований п. 4 ст. 221 УПК РФ, вправе их обжаловать с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору. Такого

¹ См.: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017).

рода преференции на законодательном уровне для следователя, как то, расширение его процессуальной самостоятельности, многие ученые, да и практики, восприняли с восторгом, в надежде на то, они будут способствовать не только повышению качества и объективности расследования уголовных дел, но и, позволит уменьшить количество острых проблем, имеющих место во взаимоотношениях, между прокурором и следователем; между прокурором и руководителем следственного органа.

Однако, как показывает практика, этого не случилось, наоборот, они обострились даже в тех вопросах, в которых ранее, казалось бы, никаких противоречий не наблюдалось.

Предоставляя следователю право не соглашаться с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных им при осуществлении предварительного следствия, законодатель, без сомнения, разрушил веру в непоколебимость и объективность решений прокурора. Такое положение вещей, как нам представляется не только, ставит под сомнение авторитет прокурора, но и, запускает процесс разбалансирования всей системы механизма сдержек и противовесов, существующий между всеми ветвями государственной власти, где прокурору отводилась и по-прежнему отводится – роль некоего баланса. С другой стороны, следственно-судебной практике современной России, известны случаи, возникновения межведомственного конфликта, на самом высоком уровне – руководителя Следственного комитета РФ и Генерального Прокурора РФ.

Предметом межведомственного конфликта, как следует из различных источников, стало расхождение во мнениях относительно определения достаточности оснований для возбуждения уголовного дела (дела «Об игорном бизнесе»), а в последствии и полноты его расследования при утверждении прокурором обвинительного заключения¹.

Результаты расследования данного уголовного дела, как нельзя ярко продемонстрировали неспособность существующего порядка разрешения конфликта интересов, закрепленного в п. 6 ч. 3 ст. 37 УПК РФ, где окончательное решение в споре, является исключительным правом Генерального прокурора РФ.

¹ См.: Егоров И. Прокуроры в игре. Российская газета – Федеральный выпуск № 31(5407) от 15.02.2011. – URL : <https://rg.ru>

В этой связи, считаем, что предусмотренный Законом порядок обжалования руководителем следственного органа и следователем, требований и решений прокурора, не исключает возникновения конфликта интересов. А сами решения вышестоящего прокурора, направленные на его устранение, не могут быть беспристрастными и объективными. В связи с чем полагаем, что единственным правильным выходом из создавшейся ситуации, стал бы судебный порядок разрешения спора между органами предварительного следствия и прокурором. Тем более что началу применения судебного порядка разрешения споров между органами предварительного следствия и прокурором, законодателем уже положен в ст. 214.1 УПК РФ, где предусмотрен судебный порядок получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

Надо заметить, что мы не единственные, кто обращает внимание юридической общественности на существование данной проблемы во взаимоотношениях между прокурором и следователем. Так, А.М. Багмет и Ю.А. Цветков, рассуждая о «Сильном следствии и его противнике», не только приходят к выводу введения в УПК судебного порядка разрешения спора прокурора и следователя, но и предлагают в связи с разрешением конфликта, наделить последнего правом осуществления поддержания государственного обвинения в суде, ссылаясь при этом на существовавший опыт в дореволюционной России. Так, Правительствующий Сенат в 1913 г. постановил, что в случае разногласий между прокурором и следователем по таким важным вопросам, как, например, вопрос о возбуждении уголовного преследования, следователь вправе был передать дело вместе со своими возражениями в суд, которому и надлежало разрешить эти разногласия¹.

Известна позиция по данному вопросу и Председателя СК России А.И. Бастрыкина, который считает, что «... следователи должны иметь право обжаловать незаконные решения прокуроров в суде ...»².

¹ Багмет А.М. Сильное следствие и его противники / А.М. Багмет, Ю.А. Цветков // Lex Russica. – 2015. – № 4. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/silnoe-sledstvie-i-ego-protivniki> (дата обращения 16.02.2021).

² Цит. по: Багмет А.М. Как устранить споры о недостатках следствия между следователем и прокурором / А.М. Багмет, Н.В. Османова // Уголовный процесс. – 2018 – № 11. – С. 70–76.

Было бы несправедливо, с нашей стороны не указать иную противоположную точку зрения на существование данной проблемы. А у нее есть много сторонников, которые весьма аргументировано отстаивают свою мнение. Так, бывший Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка, выступая с докладом в Верхней палате Федерального Собрания, выразил крайне негативное отношение к этой идее: «... я категорический противник этого дела «...» задача следователей – расследовать уголовные дела, а не обжаловать действия прокурора ...»¹.

Надо заметить, среди ученых на данную проблему существует и еще одна альтернативная точка зрения, где следователя рассматривают даже не как обвинителя, а как объективного исследователя², который занимается только собиранием доказательств и представлением их прокурору, который в свою очередь, должен по мнению этих авторов предъявлять обвинение на основании собранной совокупности доказательств и принимать решение по направлению уголовного дела в суд.

Не вдаваясь в долгие дискуссии по данному вопросу, хотелось бы заметить, что идею с расширением полномочий руководителя следственного органа – предоставлением ему права утверждать обвинительное заключение, мы не поддерживаем, как и не поддерживаем предоставления права следователю или руководителю следственного органа в условиях разрешения конфликта с прокурором, поддерживать государственное обвинение.

Мы не разделяем мнения и тех авторов, которые считают, что следователь, являясь участником стороны обвинения, перестает быть беспристрастным и объективным. Ответ на данный вопрос напрашивается исходя из требований уголовно-процессуального закона, в частности ст. 73 УПК РФ, где в рамках процесса доказывания по уголовному делу, следователь, обязан собирая и исследуя доказательства, устанавливать причастность или непричастность конкретного лица к совершению преступления, и исходя из собранной совокупности доказательств, принимать решение об

¹ Цит. по: Багмет А.М. Как устранить споры о недостатках следствия между следователем и прокурором / А.М. Багмет, Н.В. Османова // Уголовный процесс. – 2018 – № 11. – С. 77.

² См. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. – М. : 1961. – С. 47–48. Об исследовательской функции следователя говорили А.М. Ларин и другие авторы.

осуществлении уголовного преследования их, путем привлечения в качестве обвиняемых. Иными словами, как совершенно справедливо, замечает В.А. Лазарева, «... следователь не сочетает уголовное преследование с всесторонним и полным исследованием, а полно, всесторонне и объективно исследуя обстоятельства дела, осуществляет уголовное преследование...»¹.

Возвращаясь к рассматриваемым проблемам, хотелось бы заметить, что несмотря на то, что право обжалование должностных лиц и органов в уголовном судопроизводстве признается принципом, Закон не рассматривает следователя, как субъекта обжалования действий и решений прокурора в судебном порядке, как это, например, могут сделать, тот же потерпевший и другие участники процесса (ст. 125 УПК РФ).

Исходя из содержания, п. 6 ч. 2.1, п. 10 ч. 2.1 ст. 39, п. 4 п. 2.1 ст. 221 УПК РФ, следователь, руководитель следственного органа, вправе обжаловать решения прокурора, вынесенные им в порядке ст. 221 УПК РФ, а также его требования об устранении нарушений федерального законодательства, входе производства предварительного следствия по уголовному делу (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), однако из-за отсутствия необходимой детализации самой процедуры обжалования в Законе, возникающие в связи с этим правоотношения не укладываются в общую схему обжалования. Видимо поэтому следователь и не рассматривается Законом в качестве субъекта судебного обжалования.

Отвечая на вопрос, каков должен быть порядок разрешения конфликта, возникающего между прокурором и следователем? Хотелось бы сразу обозначить, что эта задача в одночасье, в рамках данной статьи решена быть не может. И тем не менее, в нашем представлении, спор должен решаться следующим образом: суд, наделенный правом толкования норм права, обязан, в случае обращения следователя или прокурора по данным вопросам, дать правовую оценку действиям следователя или прокурора.

Если суд, например, признает действия следователя незаконными, то, он выносит соответствующее судебное решение и

¹ Лазарева В.А. Предварительное расследование как форма уголовного преследования / В.А. Лазарева // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия: Матер. Всероссийск. научн.-практ. конф. – М. : Акад. Управления МВД России, 2010. – Ч. 1 – С. 217.

направляет его руководителю следственного органа для исполнения. Если же суд признает действия следователя законными и обоснованными, то выносит соответствующее решение и направляет его надзирающему прокурору для исполнения.

Надо признать, что такого рода решения сторонами могут быть обжалованы в вышестоящих судебных инстанциях, вплоть до Верховного Суда РФ, а по вопросам соответствия тех или иных положений федерального законодательства Конституции РФ, в Конституционный суд РФ.

Решение вопроса о подсудности рассмотрения ходатайств руководителя следственного органа и прокурора в связи с оспариванием тех или иных вопросов в данном случае должен решаться на общих основаниях с учетом существующего порядка определения подсудности рассматриваемых уголовных дел.

Как нам представляется, окончательное решение в такого рода межведомственных спорах, должен ставить Верховный Суд РФ, а по вопросам соблюдения Конституции РФ – Конституционный Суд РФ.

*Гладышева О.В.,
д-р юрид. наук, профессор,
заведующий кафедрой
уголовного процесса,
ФГБОУ ВО «КубГУ»*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Современные экономические условия таковы, что требуют применения радикальных мер, обеспечивающих нормальный (продуктивный) режим работы хозяйствующих субъектов. Системность экономических отношений не позволяет без ощутимых потерь «выпадать» из производственного цикла ни одному звену, обладающему устойчивыми связями с другими элементами этого цикла. Привлечение к уголовной ответственности руководителя

хозяйствующего субъекта, применение к нему, а также в отношении имущества организации мер процессуального принуждения ведет ко многим нежелательным последствиям: перебоям в поставках, в оплате труда работников, несвоевременности оплаты текущих счетов, кредитов, срывов контрактов, отказа от их заключения, увольнения работников и др. Отдаленными последствиями применения мер уголовно-процессуальной репрессии могут быть: повышение уровня безработицы, возрастание нагрузки на государственный бюджет в виде количественного роста выплат различного рода пособий, снижение налоговых поступлений, падение покупательной способности части населения.

Стремление предотвратить указанные последствия делает приоритетом государственной политики в области предпринимательства обеспечение благоприятных условий ведения бизнеса, одним из которых выступает ограждение от неосновательного уголовного преследования и необоснованного применения мер уголовно-процессуального принуждения.

В данном направлении предпринимаются многочисленные и весьма разнообразные шаги, комплексно воздействующие на все стороны общественной жизни, необходимые для развития идеи предпринимательства: принимаются законодательные и иные нормативные правовые акты, создаются государственные (федеральные и региональные) программы по поддержке малого и среднего предпринимательства, снижаются налоговая и иные виды финансовой нагрузки на начинающих предпринимателей и др.

Отдельным и весьма существенным фактором выступает правовая защищенность хозяйствующих субъектов, от чего в значительной степени зависит «инвестиционная привлекательность страны»¹.

Политическая воля руководства страны привела к постепенному изменению содержания уголовно-процессуального законодательства в части регулирования порядка досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных предпринимателями в сфере экономики. Так, за период с 2014 г. в

¹ Сычев П.Г. Правовая защита субъектов предпринимательской деятельности: проблемы уголовного судопроизводства / П.Г. Сычев // Предпринимательское право. – 2012. – № 4. – С. 32.

Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ):

– расширен перечень составов преступлений, совершенных в сфере экономики, отнесенных к категории частно-публичного обвинения¹;

– дополнены основания² и скорректирован порядок возбуждения уголовных дел и отказа в возбуждении дела³, а также порядок их прекращения о преступлениях в сфере экономики⁴;

– предусмотрено право подозреваемого с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста иметь свидания без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов подозреваемого в сфере предпринимательской деятельности⁵;

– закреплен специальный порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономики⁶;

– установлен прямой запрет законодателя на применение заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159–159.3, 159.5, 159.6,

¹ Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4258.

² Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 218-ФЗ (ред. от 30 декабря 2015 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 01 июля 2016 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4219.

³ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4799.

⁴ Федеральный закон от 08 июня 2015 г. № 140-ФЗ (ред. от 5 апреля 2016 г.) «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3367.

⁵ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4258.

⁶ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

160, 165, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ст. 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, 190–199.4 УК РФ, при отсутствии обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Масштабные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве в этой части не прошли мимо внимания ученых. Наука уголовного процесса «откликнулась» исследованиями произошедших изменений: появились научные статьи, монографии и диссертации. Основной тезис науки: в уголовном судопроизводстве развивается новая особая форма и появился специальный субъект – предприниматель. При этом специальные признаки субъекта уголовно-процессуальных отношений – предпринимателя, не приводят к применению уже традиционных особых правил судопроизводства, установленных в гл. 52 УПК РФ. Речь идет об избирательном, точечном воздействии на уголовно-процессуальную форму, в части возбуждения и окончания уголовных дел, применения мер процессуального принуждения, производства некоторых процессуальных, в том числе следственных, действий.

На этой основе сформировано две научные позиции: за развитие этой особой формы и против нее.

Здесь нужно сделать небольшое отступление и отметить, что наука уголовного процесса приступила к изучению данной проблематики только после внесения в УПК РФ указанных изменений. До этого отдельные публикации, посвященные проблемам предпринимательства и уголовного судопроизводства, носили фрагментарный и прикладной характер. В силу того, что исследования проводятся постфактум, их продуктивность оцениваем как невысокую. Закон уже действует и применяется. Ученым остается лишь обнаруживать все новые недостатки нормативного регулирования и критиковать законодателя за их наличие, высказывая при этом свои предложения, остающиеся по большей части без внимания. Это, конечно, нужное дело, стимулирующее законодателя к совершенствованию существующих правовых предписаний.

Однако в этом процессе видится существенная проблема науки уголовного процесса: утрата эвристической и прогностической функции, способности работать «на опережение», ставить перспективные вопросы на широкое обсуждение и помогать

законодателю осознавать не только текущие сиюминутные потребности, а, прежде всего, те задачи, которые предстоит решать в ближайшем или отдаленном будущем и предлагать конструктивные их решения. Тем самым предвосхищать возможные изменения законодательства, не соответствующие как его общей концепции, так и носящие несистемный характер.

Что касается ситуации с обеспечением прав предпринимателей в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, то она не стала лучше с введением указанных выше мер.

Правоприменительная практика очень быстро нашла контрмеры, выражающиеся во вменении не одного состава (по которому действует то или иное ограничение на применение репрессивных процессуальных мер), а нескольких. При этой ситуации уголовно-процессуальные преимущества предпринимателей уже не действуют. Соответственно потребность «кошмарить» бизнес по-прежнему успешно реализуется частью наших органов уголовного преследования.

Неэффективность указанных мер, приводит к выводу о необходимости применения иного методологического подхода.

Полагаем, что основная задача изменений уголовно-процессуального регулирования в отношении предпринимателей заключается в необходимости обеспечения обоснованности процессуальной репрессии, ее адресности, точечном воздействии и ограждении иных хозяйствующих субъектов от последствий ее применения. Причем, как представляется, указанные требования должны предъявляться не только по отношению к уголовным делам в экономической сфере, но и любым иным, что, в целом, исключает особое отношение к предпринимателям в уголовном судопроизводстве.

Но применительно к теме данной статьи отметим, что решение данной задачи видится в следующих шагах:

– возбуждение уголовных дел в отношении предпринимателей, а также привлечение их в качестве подозреваемых или обвиняемых должно находиться под контролем суда. Те «хитрости», которые используются на практике в виде возбуждения уголовного дела по неэкономическим статьям, по совокупности преступлений, либо не в отношении конкретного лица, а по факту, а предпринимателя привлекают уже только в качестве подозреваемого

или обвиняемого, могут быть преодолены судебным контролем, предметом которого должны стать расхождения в квалификации деяния между постановлением о возбуждении уголовного дела и последующих процессуальных решениях;

– выявление в указанной части ошибок или умышленного вменения необоснованного обвинения (подозрения) должно жестко пресекаться путем усиления ответственности должностных лиц – дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, всех тех, кто «включается» в процесс уголовного преследования в той или иной форме за последствия своих процессуальных действий и решений¹.

Применительно к этому тезису есть необходимость указать на применение гражданско-правовой ответственности следователя за неосновательно выдвигание обвинения и последующую реабилитацию обвиняемого. Можно привести примеры из судебной практики по взысканию ущерба, причиненного казне Российской Федерации в связи с выплатой сумм в порядке реабилитации.

Так, Октябрьский районный суд г. Новосибирска удовлетворил регрессный иск к следователю и взыскал с него в пользу Российской Федерации 80 тыс. руб.². А вот Советский районный суд г. Орла принял отрицательное решение по аналогичному регрессному иску³.

Критерием, который служит основанием для положительного или отрицательного судебного решения по подобным исковым требованиям служит применение к следователю мер ответственности за принятые по уголовному делу незаконные процессуальные решения, в том числе о возбуждении уголовного дела, применении мер процессуального принуждения и др. Если такого рода меры ответственности не применялись, то суды отказывают в удовлетворении регрессных исковых требований. Соответственно выявление указанных ранее ошибок и нарушений должно

¹ О чем в науке уголовного процесса уже высказывались соответствующие мнения. См., например: Семенцов В.А. Процессуальная самостоятельность следователя и его функциональное предназначение // Избранные статьи по уголовному процессу. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2013. – С. 112.

² Октябрьский районный суд г. Новосибирска. Решение от 04 сентября 2020 г. Дело № 2-3785/2020.

³ Советский районный суд г. Орла. Решение от 28 июня 2016 г. Дело № 2-1716/2016.

стать основанием для возбуждения дисциплинарного производства и решения вопроса о применении к следователю тех или иных мер ответственности либо отказу от такового при наличии обоснованности процессуального решения.

Кроме того, представляется интересным и в определенной степени полезным современный опыт формирования судебных органов, когда из-под юрисдикции судов субъектов Российской Федерации «выведены» вопросы апелляционного и кассационного пересмотра судебных решений. Тем самым сводятся к минимуму проблемы корпоративного интереса в устойчивости, возможно, и неправосудного судебного решения.

По нашему мнению, подобного же рода изменения в структуре и организации следственных органов, которые бы позволили рассматривать согласования процессуальных решений следователей, а также ходатайства непосредственных руководителей о привлечении следователей к дисциплинарной ответственности, а также решать иные насущные проблемы взаимодействия следователей с иными должностными лицами и судами, могли бы дать положительный результат. При этом полномочия непосредственного руководителя следственного органа подлежат соответствующему ограничению.

Следует повысить роль и ответственность прокуратуры за результаты (прежде всего, законность) досудебного производства. Та ситуация, которая сложилась в современных условиях, когда прокуратура лишена не только действенных надзорных полномочий¹, но и какой-либо ответственности за результаты собственной деятельности, считаем, недопустимой.

Подводя итог, сделаем основные выводы.

1. Одним из приоритетов современной государственной политики в области уголовного судопроизводства выступает создание эффективных механизмов ограждающих предпринимателей

¹ См., об этом, Семенцов В.А. О соотношении полномочий прокурора и руководителя следственного органа с процессуальной самостоятельностью следователя / В.А. Семенцов // Правовые и гуманитарные проблемы защиты прав участников уголовного процесса: материалы междунар. науч.-практ. конф. – М. : МАЭП, 2013. – С. 182–192; Органы предварительного следствия России и процессуальная самостоятельность следователя : монография / Под ред. докт. юрид. наук, проф. В.А. Семенцова. М. : Юрлитинформ, 2021. – 200 с.

от необоснованного применения к ним мер уголовно-процессуальной репрессии.

2. Ранее предпринятые меры в этом направлении не привели к ожидаемым результатам и не решают основную проблему, поскольку не препятствуют применению, в том числе необоснованному, мер процессуального принуждения к хозяйствующим субъектам (физическим и юридическим лицам).

3. Сложившаяся ситуация требует смены вектора применения усилий законодателя и создания не только частного (в адрес предпринимателей), а универсального процессуального механизма, обеспечивающего повышение качества и эффективности уголовного судопроизводства, достижения его назначения, определенного в ст. 6 УПК РФ. Необходим механизм, который в принципе, если и не устранил необоснованность уголовно-процессуальной репрессии полностью, то сведет случаи ее проявления к минимуму. Полагаем, что такого рода меры заключаются в следующем:

– необходимы структурные изменения в следственных органах и соответствующие изменения в процессуальном статусе как следователей, так и руководителей следственных органов, дознавателей и начальников подразделений и органов дознания. Эти изменения должны привести к исключению из компетенции непосредственных руководителей вопросов рассмотрения жалоб на действия следователей (дознавателей), применения к ним мер дисциплинарной ответственности. Возможно, в этой части целесообразно обратиться к опыту создания окружных апелляционных и кассационных судов и создать по аналогии такого рода звено в системе следственных органов;

– целесообразно рассмотреть вопрос о повышении ответственности следователей, дознавателей, их непосредственных руководителей за результаты уголовно-процессуальной деятельности, а прокуроров – за результаты их надзорной деятельности;

– уголовно-процессуальный закон должно предусматривать судебный контроль за обоснованностью возбуждения уголовного дела, привлечения предпринимателей в качестве подозреваемых и обвиняемых.

Головин М.В.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры криминалистики,
ФГБОУВО «КубГАУ»

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УКЛОНЕНИЕМ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ С ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Стремительное развитие современных технологий в финансовой системе усложняет процесс выявления и раскрытия преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов с юридических лиц¹. Рост числа уклонения от уплаты налогов, высокий уровень латентности данного преступления исходя из анализа следственно-судебной практики ставит проблему по их активному выявлению правоохранительными органами, в следствие чего обуславливается необходимость в разработке оптимальных криминалистических методик по их расследованию.

Во время подготовки, совершения и сокрытия следов преступления взаимодействуют сложные механизмы, что требует всестороннего их исследования². Успех всего расследования будет зависеть от организации следователем первоначального этапа расследования³. Следственная работа сотрудника правоохранительных органов по выявлению признаков налогового преступления имеет свои особенности:

¹ Ковалевская В.Е. Механизм совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа / В.Е. Ковалевская, Н.М. Шпак Ответств. за вып. А.Г. Кощаев // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год. – 2019. – С. 1201–1204.

² Раздобурдин В.В. О возможностях использования современных информационных технологий в расследовании преступлений / В.В. Раздобурдин, Н.М. Шпак; Ответств. за вып. А.Г. Кощаев // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год. – 2019. – С. 1377–1380.

³ Сергеев В.В. Организация первоначального этапа расследования преступлений, совершенных преступной группой или сообществом / В.В. Сергеев, Н.М. Шпак; Ответств. за вып. А.Г. Кощаев. // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год. 2019. – С. 1410–1413.

– обстоятельства преступления установлены судом и зафиксированы во вступившем в законную силу решении суда, а также материалах дела;

– действия (бездействие) преступного характера четко установлены в виде фактических обстоятельств, конкретно фиксирующих обстоятельства их совершения, от следователя требуется только их уголовно-правовая оценка;

– содержание налоговых правоотношений, их регламентированная законом форма установлены, в установленных границах необходимо провести лишь квалификацию вышеобозначенных действий (бездействия);

– установлены порядок и суть нарушения правовых норм в области налогообложения;

– установлена сумма причиненного неуплатой налогов ущерба;

– установлена взаимосвязь между деянием, нарушением закона и причиненным ущербом;

– определен круг лиц, чьи действия могут содержать признаки преступного деяния в сфере налогообложения;

– собран установленный законом доказательственный минимум, позволяющий произвести уголовно-правовую оценку произошедшего преступного деяния¹.

Следует выделить направления следственной деятельности в области рассмотрения поступившего сообщения информации о преступном уклонении от уплаты налогов:

– во-первых, осуществляется анализ полученных от налогового органа материалов, содержащих следы преступного уклонения от уплаты;

– во-вторых, произвести проверку по факту поступившего сообщения, в рамках которого осуществить комплекс требуемых в данной конкретной следственной ситуации мероприятий.

Сорокин В.А. в период времени с 01.01.2014 по 10.08.2016, являясь руководителем финансово-хозяйственной деятельности ООО «МГВК «Святая Елена», которое в соответствии с гл. 21 Налогового кодекса РФ являлось плательщиком НДС с

¹ Прошин В.М. Особенности повода и основания возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям. Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 2. – № 6. – С. 264.

осуществлением налогообложения по ставке 18 %, с целью получения финансовой выгоды, достоверно зная об отсутствии у ООО «МГВК «Святая Елена» реальных финансово-хозяйственных отношений с ООО «Лия», ООО «Семь футов», ООО «Трансюгрегион» и ООО «Комплекс-ЮГ», находясь в помещении ООО «МГВК «Святая Елена», расположенном по адресу: Краснодарский край, Крымский район, с. Фадеево, ул. Анапская, предоставил главному бухгалтеру ООО «МГВК «Святая Елена» Снегиревой И.А., не осведомленной о его преступных намерениях, документы (договоры, счета-фактуры, акты приема-передач и иные первичные документы), содержащие заведомо ложные сведения о финансово-хозяйственных отношениях с вышеуказанными обществами, на основании которых Снегирева И.А., внесла заведомо ложные сведения в налоговые декларации по налогу на добавленную стоимость за 1, 2, 3 и 4 кварталы 2014 года и 1, 2, 3 и 4 кварталы 2015 года, которые после подписания их исполнительным директором Сорокиным В.А. по телекоммуникационным каналам связи с электронно-цифровой подписью Сорокина В.А. направила в Межрайонную инспекцию ФНС России № 17 по Краснодарскому краю, расположенную по адресу: Краснодарский край, г. Крымск, ул. 50 лет Октября, д. 20-а, в результате чего ООО «МГВК «Святая Елена» в лице исполнительного директора Сорокина В.А. получило необоснованную налоговую выгоду в виде вычетов по НДС по взаимоотношениям с ООО «Лия» (ИНН № в сумме 4917966 руб.; ООО «Семь футов» (ИНН №) в сумме 7,5 млн руб.; ООО «Трансюгрегион» (ИНН №) в сумме 12,9 млн руб. и ООО «Комплекс-ЮГ» (ИНН №) в сумме 17,3 млн руб., а всего на общую сумму 42,7 млн руб.¹

Изъятие бухгалтерских документов может проводиться как самостоятельно, так и совместно с сотрудниками налоговой службы в ходе проведения выездных налоговых проверок². Описанные в материалах уголовного дела факты, касающиеся поступления в распоряжение следователя заключения и материалов от

¹ Приговор Крымского районного суда Краснодарского края от 22 июля 2019 г. № 1-27/2019. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/zmgmftbtmrxw> (дата обращения 01.09.2020).

² Шпак Н.М. Выявление преступлений в сфере налогообложения / Н.М. Шпак // В сборнике: Итоги научно-исследовательской работы за 2017 г. Сборник статей по материалам 73-й научно-практической конференции преподавателей. – 2018. – С. 707–708.

налогового органа, могут послужить основанием для признания выявленных и установленных обстоятельств о нарушениях налогового закона признаками предусмотренного Уголовным кодексом преступления.

Установление указанных фактов является обязательным условием для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. Кроме того, предоставление в правоохранительные органы материалов о таких нарушениях законодательства является обязанностью налогового органа с момента обнаружения факта нарушения закона¹.

Другим основанием полагать, что в данном случае имеет место преступное уклонение от уплаты налогов является неуплата в полном объеме суммы недоимки, пеней и штрафов, а также их размер. Соответствует ли указанный размер признакам преступления определяет должностное лицо налогового органа, которое руководствуется положениями Налогового кодекса (ч. 3 ст. 32 НК РФ). Таким образом, законодательно очерчен широкий круг полномочий по данному вопросу для представителей налогового органа, поскольку по существу разрешение вопроса о том, имеются ли в неуплате данного штрафа, пени или недоимки признаки преступления остается на усмотрение этих самых сотрудников налогового органа. Таким образом, сами сотрудники оказываются в неблагоприятной ситуации – в случае направления материалов в правоохранительные органы при любой сумме указанных обязательных платежей возникает проблема излишней перегрузки правоохранителей, но, с другой стороны, ненаправление таких материалов может служить основанием для подозрения в совершении должностного преступления.

Система объективного контроля за наполнением бюджета, а равно и за исполнением законодательства о налогах и сборах, включает в себя как взаимодействие налоговых и следственных органов, так и контроль со стороны следственных органов в отношении сотрудников, не направивших материалы, в которых содержатся следы преступления, связанного с неуплатой налогов.

Выделяется круг проверочных мероприятий, направленных на исследование материалов, полученных из налоговой

¹ Прошин В.М. Теория и практика расследования налоговых преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2019. – С. 228.

инспекции. По делам данной категории предварительное следствие осуществляет следователь СК РФ (ст. 151 УПК РФ), который правомочен в порядке проведения доследственной проверки для установления достаточности полученной информации о признаках преступления, предусмотренного Уголовным кодексом в ст. 199, провести квалификацию выявленных признаков и привлечь к уголовной ответственности причастных к совершению противоправного деяния лиц.

При поступлении указанных материалов в распоряжение следователя возможно возникновение нескольких ситуаций:

– когда полученные материалы достаточны и содержат в себе указание на признаки преступления, однако необходима квалификация деяния с целью формулировки основания для возбуждения уголовного дела;

– когда полученные материалы не содержат в себе четкой информации о возможных признаках преступления, вызывают сомнение следователя в их достоверности и (или) достаточности. В данном случае необходимо произвести истребование дополнительных материалов из налогового органа, назначить ревизию, провести актуальные оперативно-розыскные мероприятия;

– когда полученные материалы не содержат в себе достаточных для установления факта наличия преступного деяния данных ввиду отсутствия признаков преступления, в соответствии со ст. 144–145 УПК РФ¹.

Таким образом, особенности возбуждения уголовного дела, связанного с уклонением от уплаты налогов юридическими лицами, заключаются в необходимости производства дополнительных проверок, сотрудничестве следственных и налоговых органов, сложностях уголовно-правовой квалификации преступных деяний.

По делам об уклонении от уплаты налогов юридическими лицами установлению подлежат следующие обстоятельства:

1) касающиеся места совершения преступления. Как было рассмотрено ранее, к месту происшествия может относиться не только место нахождения юридического лица, но и место

¹ Прошин В.М. Теория и практика расследования налоговых преступлений : монография. – М. : Юрлитинформ, 2016. – С. 149.

осуществления им предпринимательской деятельности, расчетов и т.д. Таким образом информация, интересующая следствие, заключается не только в наименовании, но и в адресах (юридическом и фактическом), учредителях, дате регистрации и постановки на налоговый учет, категория налогоплательщиков, к которой данное юридическое лицо относится, реквизиты и организационно-правовая форма;

2) касающиеся сокрытия объектов налогообложения (одного или нескольких, каких, какая ставка налога к ним применялась или должна была применяться, сроки уплаты налога, сумма неуплаченных в бюджет средств);

3) касающиеся способов осуществления преступного деяния, то есть непосредственно способ уклонения от уплаты обязательных платежей (налогов). Данные способы были рассмотрены ранее;

4) касающиеся временных границ деяния (установленные налоговым органом в рамках законодательства сроки уплаты налогов, а, следовательно, время совершения преступления – крайний срок уплаты);

5) касающиеся субъективной стороны преступления (кто совершил неуплату налога, кто вел финансово-хозяйственную, бухгалтерскую документацию в организации, кто обладает полномочиями распоряжения этими документами, кто искажал данные в отчетности и т.д.);

б) касающиеся умысла (кто и с кем вступил в преступный сговор с целью уклонения от уплаты налогов, участвовали ли в этом сговоре не только сотрудники самой организации, но и сотрудники налоговых органов, в чем состояла выгода этих лиц и т.д.)¹.

Обязательным условием дальнейшего этапа расследования будет являться установление смягчающих и отягчающих обстоятельств субъекта преступления, чьи причинно-следственные явления способствовали совершению преступного деяния по уклонению от уплаты налогов юридическими лицами. Задача

¹ Криминалистика : учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.Д. Зеленского и д-ра юрид. наук, профессора Г.М. Меретукова. – СПб. : Издательство «Юридический центр», 2015. – С. 690.

следователя сводится не просто к устранению данного нарушения закона, но и в выявлении возможных сопутствующих деяний, либо деяний-следствий (например, мошенничества).

Наличие преступного сговора с сотрудниками налоговых органов в данных противоправных деяниях не редкость в наше время, поскольку уровень бюрократизации в государственных и финансовых структурах значительно возрос за последние двадцать лет. Преступникам становится намного проще осуществлять свою противоправную деятельность именно в тандеме с лицами, чья профессиональная деятельность непосредственно влияет на их способность сокрыть следы преступления. Так, имеется ряд материалов уголовных дел, в которых оперативными работниками были произведены операции по поимке преступников, пытавшихся вступить в преступный сговор с подставными сотрудниками налоговых органов. Согласно материалам, указанные лица обращались к замаскированным правоохранителям за поиском документов и штампов «номинальных» организаций, чьи реквизиты планировалось в дальнейшем использовать в преступных схемах. Как правило, такие документы искомой «номинальной» организации были получены в результате начала процесса ликвидации, либо сами организации не в состоянии платить по счетам.

Рассмотрим особенности процесса установления подлежащих доказыванию по данной категории преступлений обстоятельств. Поскольку указанные ниже элементы выделяют рассматриваемую категорию преступлений среди всех остальных финансовых преступлений, следует их разьяснительное описание начать с особенностей регламентации установленного перечня подлежащих доказыванию обстоятельств.

Так, следует уточнить, что данный перечень является открытым, то есть в качестве обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о неуплате налогов юридическими лицами, может выступать неограниченный перечень средств и обстоятельств, имеющих отношение к данному преступному деянию и возбужденному уголовному делу.

С другой стороны, еще одной особенностью является возможность налогового органа при сборе данных, которые будут использованы в роли доказательственных фактов, не учитывать

принятые уголовно-процессуальным законом требования, предъявляемые к доказательствам, если не установлены правила их оценки.

Производство налоговых экспертиз и привлечение различных специалистов также осуществляется на основании договора об оказании услуг, то есть на платной основе, за отдельную стоимость.

Отдельного внимания требуют законодательно установленные процессуальные сроки привлечения к ответственности за уклонение от уплаты налогов юридическими лицами, которые исчисляются, начиная либо со дня выявления факта преступления, либо со следующего за днем окончания налогового периода дня. Данный срок составляет три года.

Процессуальная оценка собранных фактов осуществляется в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, а именно – в соответствии с положениями об имущественных отношениях, связанных с формированием материальной выгоды. В данном случае раскрывается интегративная правовая характеристика используемого при толковании полученных данных, которые в последствии будут составлять доказательственную базу, содержания различных отраслей законодательства.

Не смотря на кажущуюся обширность полномочий налоговых органов в области выявления и анализа информации, которая может использоваться в качестве доказательственной, оперативно-розыскные мероприятия они проводить не могут – данные полномочия присущи исключительно сотрудникам правоохранительных органов в случаях, предусмотренных законом. Так законодательно очерчен широкий круг полномочий по данному вопросу для представителей налогового органа, поскольку по существу разрешение вопроса о том, имеются ли в неуплате данного штрафа, пени или недоимки признаки преступления остается на усмотрение этих самых сотрудников налогового органа.

Говоря о роли целеопределения в расследовании уголовных дел, связанных с уклонением от уплаты налогов юридическими лицами, следует подчеркнуть особенности самих целей расследования, которые заключаются не только в выявлении конкретных преступных действий по неуплате налога, но и в проверке данного

деяния на возможную смежность с иными преступлениями как данной категории, так и всей финансовой преступности¹.

Как отмечает М.В. Головин, «сущность процесса целеопределения составляет формирование образа будущего результата действия и принятие этого образа в качестве основы для практической или умственной деятельности»².

Целеопределение предшествует формированию версий по уголовному делу, и при этом корректировка поставленных целей является следствием их выбора. На первоначальном этапе расследования главной задачей следователя будет являться выявление общей версии, отвечающей общему характеру преступного деяния, и наиболее вероятных частных версий, которые будут отвечать данной конкретной следственной ситуации.

Построение версий как деятельность следователя направлена на оптимизацию процесса расследования и создание базы для планирования расследования. При уклонении юридическими лицами от уплаты налогов типичную версию картину составляют следующие, выдвигаемые о природе произошедшего предположения:

- в совершенном содержатся признаки налогового преступления;
- совершенное содержит признаки экономического преступления;
- в совершенном деянии нет признаков уклонения.

После накопления фактических данных следователь применяет соответствующий «алгоритм» по формированию версий. Построение версий как деятельность следователя направлена на оптимизацию процесса расследования и создание базы для планирования расследования.

¹ Головин М.В. Проблемы целеопределения в расследовании / М.В. Головин, Н.М. Шпак // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – С. 21.

² Головин М.В. Проблемы целеопределения в расследовании / М.В. Головин; М-во сел. хоз-ва Рос. Федерации, Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2005. – С. 20.

*Губко И.В.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Положения части 5 статьи 32 Конституции РФ наделяют граждан Российской Федерации правом участвовать в отправлении правосудия. Представители общественности, согласно части 4 статьи 123 Конституции, привлекаются к отправлению правосудия в качестве заседателей, образуя законный состав суда. Развивая демократические основы функционирования судебной системы России, интегрированность общества в деятельность по осуществлению правосудия, законодатель существенно расширил подсудность суда присяжных, одновременно сократив количество участвующих в рассмотрении присяжных заседателей и установив его в зависимости от уровня суда, разрешающего уголовное дело¹.

Стремление законодателя к укреплению представительства в отправлении правосудия в уголовном судопроизводстве продиктовано не только наличием социальной потребности в обществе, но и желанием обеспечить подсудимому возможность реализации права выбора, быть судимым судом государства в лице профессионального судьи, или судом представителей народа в лице его граждан – присяжных заседателей.

Особенности судопроизводства суда присяжных наделяют особым значением определение процессуального статуса присяжного заседателя, определение характера его процессуальной деятельности как участника коллегиального состава суда.

Современные авторы определяют коллегиальность в качестве процессуальной деятельности состава суда по рассмотрению

¹ Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 190-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с расширением применения института присяжных заседателей».

уголовного дела и вынесению процессуального решения равноправными членами коллегии судей путем совместного совещания большинством голосов, в порядке, предусмотренном УПК РФ, либо судом в лице судьи и присяжных заседателей¹. В этом, как и любом ином случае, принятие коллективных решений предполагает их предварительное открытое обсуждение, сопровождающееся наличием альтернативных вариантов, обменом мнениями и некоторыми выводами, к которым приходят участники принимающими решения. Исходя из изложенного, коллективное решение вопросов позволяет выявить не только различные мнения и точки зрения, но и в процессе их обсуждения принять наиболее правильные и авторитетные решения².

Исследуя судопроизводство с участием присяжных заседателей, хотелось бы обратить внимание на некоторую рассогласованность подхода законодателя к реализации базовых основ деятельности коллегиального состава суда – их равенства, а именно – обеспечение равной информированности участников об обстоятельствах дела и объеме имеющихся доказательств.

Основой судопроизводства с участием присяжных заседателей является разграничение компетенции между профессиональным участником состава суда и представителей общественности. Так, на присяжных возложена обязанность разрешения вопросов о фактической стороне события преступления – так называемые, «вопросы факта», тогда как к компетенции председательствующего отнесено решение «вопросов права». Специфика процедуры отражается в форме и содержании итогового судебного решения, а именно основанного на вердикте присяжных заседателей приговора суда.

Разделение полномочий по принятию итогового судебного решения между присяжными заседателями и председательствующим судьей предполагает также и разграничение в установлении обстоятельств, образующих предмет доказывания. Усложненная, двухэтапная структура судебного разбирательства, главным

¹ Фадеева Е.И. Коллегиальность состава суда в ходе судебного производства по уголовным делам : дис. – Челябинск 2014. – С. 57.

² Шорина Е.В. Коллегиальность и единоначалие в советском государственном управлении. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959. – С. 7.

образом, служит обеспечению этой задачи. Установление присяжными фактов объективной действительности будет служить основанием уголовной ответственности, поскольку исследуемые в судебном заседании факты и обстоятельства имеют уголовно-правовое значение и могут быть соотнесены с признаками конкретного преступления. В этом контексте степень информированности присяжных, наличие возможности оценивать все исследованные в судебном заседании доказательства приобретает особое значение.

При всей последовательности и логичности установленной процедуры, существуют вопросы, обусловленные неполной или недостаточной осведомленностью присяжных о фактических обстоятельствах дела, подлежащих исследованию и оценке при вынесении ими вердикта. К сожалению, существующая модель судопроизводства с участием граждан в отправлении правосудия четкого понимания и ответа на указанные вопросы не содержит, а имевшие место реформы этих проблем не затронули.

Так, предметом разрешения присяжными заседателями являются вопросы «факта», а именно предусмотренные пунктами 1, 2 и 4 части первой статьи 299 УПК РФ. При этом нормативно закреплено, что иные вопросы, не указанные в этом перечне, подлежат единоличному разрешению председательствующим. Согласно части 7 ст. 335 УПК РФ исследованию в присутствии присяжных заседателей подлежат «только те фактические обстоятельства, уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями».

Согласно положениям, изложенным в части 8 статьи 335 УПК РФ сведения о личности подсудимого, подлежат исследованию в судебном заседании лишь в той их части, которая необходима для установления признаков состава преступления и иных обстоятельств, необходимых для ответа на вопросы «факта». Дополнительно определено, что не подлежат разглашению сведения, способные сформировать у присяжных негативное отношение или предубеждение к подсудимому. Так, в п. 22 Постановления Пленума Верховного суда указано: «в силу части 8 статьи 335 УПК РФ данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в

совершении которого он обвиняется. С участием присяжных заседателей не исследуются факты прежней судимости, характеристики, справки о состоянии здоровья, о семейном положении и другие данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого»¹.

Устанавливая указанные ограничения, законодатель сосредотачивает внимание присяжных на изучении обстоятельств юридического содержания, ограничивая их доступ к сведениям личного, морально-этического и иного характера. Вместе с тем, некоторые из перечисленных сведений не подлежат однозначной трактовке в принадлежности, являясь одновременно сведениями личного содержания, имеющими юридическое значение. Указанная проблема отчасти обрела правовую оценку в определении Конституционного Суда РФ от 05 декабря 2019 г. № 3276-О по запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности ч. 2 ст. 57 и ч. 5 ст. 79, а также п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ². Речь в данном решении шла о возможности лишать обвиняемого права на суд присяжных ввиду того, что в силу особенностей уголовного дела присяжные не смогут сохранить объективность и беспристрастность. Основанием для возникших сомнений явились обстоятельства совершенного преступления, а именно: совершение убийства с особой жестокостью в исправительном учреждении, а также необходимость оглашения перед присяжными сведений об отбывании пожизненного наказания как потерпевшим, так и подсудимыми.

Конституционный Суд однозначно исключил это обстоятельство как препятствие к рассмотрению дела судом присяжных, указав, что данные о факте судимости могут быть доведены до сведения коллегии присяжных, если эта информация позволяет

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (с изменениями и дополнениями). – URL : <http://base.garant.ru/1354630/#ixzz6KB3MCT6u>

² Определение Конституционного Суда РФ от 05 декабря 2019 года по запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности части второй статьи 57 и части пятой статьи 79 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 2 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. – URL : <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision443689.pdf>

установить отдельные признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется.

В результате указанных правовых позиций Конституционного Суда РФ возможно сформулировать некоторые выводы: во-первых, пресечена попытка установить неограниченную дискрецию судей в решении вопросов о невозможности сохранения объективности коллегии присяжных по значительной категории уголовных дел и это оценочное суждение было бы невозможно опровергнуть в апелляционной и прочих инстанциях¹; и во-вторых – проблема дифференциации доказательств «факта» и доказательств «права» с позиций допустимости их оглашения перед присяжными, существует не только в теоретическом, но практическом аспекте, вследствие чего требует дополнительного научного осмысления и учета в совершенствовании действующего законодательства.

Создавая существующую концепцию разделения предмета ведения между присяжными заседателями и профессиональным судьей, законодатель исходил из ряда критериев, характеризующих представителей общественности: отсутствие юридического образования, сомнения в способности отдельных присяжных к критическому анализу полученной информации, их эмоциональную восприимчивость, поэтому ограничения в содержании представляемых им доказательств были объективны. Вместе с тем, развитие государственных и социальных институтов, возросшая информированность общественности о деятельности судов и открытость, «прозрачность» судопроизводства в целом, свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития правового регулирования и суда присяжных.

Сущность народного представительства при отправлении правосудия заключается в оценке доказательств, представленных сторонами, как раз с позиций социальных устоев общества, господствующих в нем представлений о морали, нравственности, справедливости. По сути, присяжные заседатели, не имеющие

¹ Насонов С. Суд присяжных в России: итоги 2019 г. и прогноз на предстоящий год // Адвокатская газета. 30 декабря 2019. – URL : <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-v-rossii-itogi-2019-g-i-prognoz-na-predstoyashchiy-god>

юридического образования, оценивают вопросы «факта» исследуя уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значение доказательств, предрешают назначение наказания судом, отвечая на вопрос о снисхождении к подсудимому, в условиях отсутствия полного представления о характеристике его личности.

Кроме информации, негативно характеризующей личность подсудимого, существуют еще две категории сведений, содержание которых не подлежит оглашению в присутствии присяжных заседателей. К ним относятся доказательства, признанные судом недопустимыми, а также информация, не относящаяся к фактическим обстоятельствам дела (например, сведения о судимости подсудимого, о применении незаконных методов следствия и т.д.).

На современном этапе развития уголовного судопроизводства, столь существенные различия в степени осведомленности об обстоятельствах уголовного дела между субъектами, образующими единый, как уже отмечалось выше, – коллегиальный состав суда, свидетельствуют о сомнениях в способности присяжных заседателей анализировать и оценивать все доказательства в совокупности. Отчасти это обстоятельство снижает авторитет представителей общественности, порождает сомнения в их способности выполнять процессуальные обязанности, склоняет к негативной оценке результатов их деятельности, что недопустимо в условиях главенства и приоритета вердикта при постановлении приговора.

В свете изложенных обстоятельств, необходимо исключить разделение доказательств или иной информации, исследуемой в судебном заседании в зависимости от предмета ведения, суд и присяжные должны обладать равными правами в исследовании доказательств, но оставить неизменным установленное разграничение предмета разрешения, а именно разграничение компетенции по решению вопросов «права» и вопросов «факта». Сформировав объективное представление о фактических обстоятельствах дела, исследовав представленные сторонами доказательства в их совокупности, присяжные заседатели обязаны принять решение по вопросам «факта» в пределах компетенции, установленной законом.

*Гусев А.В.,
д-р юрид. наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики,
«КРУ» МВД РФ*

ПРАВОВЫЕ И НАУЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Дальнейшее совершенствование процесса судопроизводства неразрывно связано с оптимизацией использования специальных знаний в получении и проверки доказательств. Возможности судебных экспертиз неуклонно расширяются за счет совершенствования уже разработанных методов и методик их проведения, а также по причине формирования принципиально новых научно-исследовательских подходов в изучении судебным экспертом различных обстоятельств, ставших предметом познания в процессе правоприменительной деятельности. Зачастую, именно заключения лиц, обладающих специальными знаниями, становятся основным информационным источником, необходимым для правильного разрешения различных вопросов, требующих своего изучения при осуществлении судопроизводства.

Известно, что по результатам проведенного исследования судебным экспертом составляется заключение, в котором он отражает не только ход и результаты проведенного исследования, но и полученные при этом результаты. Данное экспертное заключение, являясь потенциальным источником доказательства требует своей всесторонней и полной оценки лицом (органом), назначившим судебную экспертизу. Заключение судебного эксперта, не имея какой-либо заранее установленной доказательственной силы в судопроизводстве, оценивается с точки зрения его правового оформления, полноты, объективности и всесторонности процесса экспертного познания, изучаемых судебным экспертом в ходе проведенного им исследования фактов.

Лицу (органу), назначившему производство судебной экспертизы, предоставляются широкие процессуальные полномочия по оценке сделанного судебным экспертом заключения. К таким полномочиям следует отнести возможность проведения допроса

эксперта, выполнившего судебную экспертизу. Возможность назначения повторной экспертизы иному судебному эксперту. Проведение повторного судебно-экспертного исследования определяется необходимостью установления факта достоверности, относимости, допустимости, полноты и обоснованности полученных судебным экспертом выводов в целях доказывания¹.

В целях оценки экспертного заключения может быть также использована помощь специалиста². П.В. Бондаренко отмечает, что такие исследования проводятся специалистом для решения задачи оценки уже выполненной судебной экспертизы³. При этом предлагается расширить оценочную деятельность специалиста, предоставив ему возможность изучать не только указанные заключения эксперта, но и передавать ему для оценки иные материалы уголовного дела на предмет установления соответствия действий следователя рекомендациям криминалистической науки и норм права⁴.

В последнее время в судопроизводстве стала формироваться еще одно направление оценки сделанного судебным экспертом заключения. Несмотря на то, что в судопроизводстве отсутствует какие-либо указание на регламентацию такого вида деятельности, проведение подобного рецензирования становится нормой определения степени значимости заключения судебного эксперта в части соответствия такового принципам полноты проведенного исследования, научной обоснованности и объективности исследования. По мимо этого рецензирование проводится также с целью определения соответствия заключения судебного эксперта требованиям закона, предъявляемым к его оформлению.

Возникновение такого нового направления оценки заключения судебного эксперта обусловлено, по нашему мнению, рядом факторов объективного и субъективного характера. К

¹ См.: Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : НОРМА, 2006. – С. 656; Эскархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. – СПб. : СПбГУ, 2005. – С. 142–147.

² См.: Эскархопуло А.А. Криминалистика как область специальных познаний в расследовании преступлений / А.А. Эскархопуло // Вестник криминалистики. – М. : Спарк, 2002. – Вып. 2. – С. 25.

³ Бондаренко П.В. Повторные, «параллельные» экспертизы и «экспертизы экспертиз». – URL : <http://www.http://law.edu.ru> (дата обращения 10.10.2020).

⁴ См.: Эскархопуло А.А. Материалы уголовного дела как объект применения специальных знаний. – URL : <http://law.edu.ru> (дата обращения 10.10.2020).

субъективным факторам рассматриваемой ситуации следует отнести неготовность уполномоченного на то лица самостоятельно осуществить оценочные действия оформления и содержания заключения судебного эксперта. Некомпетентность в этом вопросе процессуальных субъектов, обязанных проводить оценку судебно-экспертного заключения, приводит к поиску ими не только установленных законом средств и методов, призванных способствовать в данном вопросе (допрос эксперта, получение заключения специалиста), но и получение информации из иных источников, которые не имеют процессуального регулирования.

Говоря о субъективности уполномоченных законом процессуальных субъектов в оценке заключения судебного эксперта, следует отметить то, что никто кроме этих лиц не имеет права давать какую-либо научную характеристику проведенного экспертного исследования. Законодателем определены конкретные процессуальные субъекты, призванные оценивать заключение судебного эксперта с точки зрения его полноты, объективности, всесторонности и оформления в соответствии требованиям закона. Однако учитывая субъективный фактор отсутствие у лица (органа), назначившего судебную экспертизу, необходимых для такой оценки навыков, научное рецензирование заключения судебного эксперта становится необходимым элементом процесса определения доказательственного значения сделанных экспертом выводов.

В качестве объективного фактора возникновения научной рецензии заключения судебного эксперта необходимо отметить дефицит времени, необходимого для оценки лицом (органом), назначившим судебную экспертизу, ее результатов. Предоставленная законодателем возможность допроса судебного эксперта, выполнившего судебную экспертизу, или использования в этих целях соответствующего специалиста, предполагает проведение определенных процессуальных действий и правовое оформление их результатов. Проще получить некий документ, рассматриваемый в качестве рецензии заключения судебного эксперта и приобщить его к материалам дела в качестве иных документов, а изложенные в такой рецензии положения взять за основу необходимости назначения повторной экспертизы. Тем самым, лицо (орган) уполномоченный назначать судебную экспертизу и оценивать ее результаты упрощает эту процедуру путем использования в своем решении по

данному вопросу выводов, сделанных соответствующим рецензентом.

Появление научных рецензий заключений судебных экспертов в практике правоохранительной и судебной деятельности побудило ученых к изучению их правовой природы. Существует точка зрения, согласно которой такое рецензирование может и должно рассматриваться в качестве процессуального действия. Как отмечает Ю.А. Тарасова: «процессуальное законодательство не содержит каких-либо ограничений по видам письменных доказательств, а положение статьи 188 ГПК РФ, ст. 55.1 АПК РФ, ст. 58 УПК РФ предусматривает возможность участие специалиста в этом процессе»¹.

Высказанная Ю.А. Тарасовой и другими учеными точка зрения о процессуальном статусе научного рецензирования экспертного заключения заслуживает внимательного изучения. С одной стороны, участие специалиста в получении письменных доказательств не ограничивается, но с другой стороны законодатель не устанавливает его возможность проведения научного рецензирования заключения судебного эксперта. Как представляется, сложившаяся ситуация может быть урегулирована прямым указанием законодателя на то, что специалист может привлекаться уполномоченным на это лицом (органом) для проведения научного рецензирования, сделанного судебным экспертом заключения. До такого решения законодателя сам термин научного рецензирования экспертного заключения и действия по его осуществлению носят непроцессуальный характер, хотя полученные при этом результаты, оформленные письменно, могут приобщаться к материалам дела.

Признавая необходимость изучения складывающейся на практике нового направления реализации специальных знаний, следует отметить то, что «научное рецензирование» предполагает оценку заключения судебного эксперта с точки зрения науки, ставшей базовой для формирования соответствующей типовой экспертной методики, в рамках которой было проведено экспертное исследование. Как известно, под рецензированием понимается процедура рассмотрения научных статей и монографий учёными-

¹ Тарасова Ю.А. Экспертиза: правила оспаривания / Ю.А. Тарасова // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 12. – С. 13.

специалистами в той же области (отсюда название в некоторых языках – «рассмотрение коллегами», «равными»: англ. peer review...), где целью становится установление точности и достоверности изложения рецензируемого материала для побуждения его автора соблюдения стандартов, принятых в конкретной области научного знания или в целом во всей науке¹. Таким образом, следует говорить о том, проведение научного рецензирования рассматривается как разновидности жанра научной литературы, имеющей функцию репрезентации научного произведения, его оценки и осмысления в общем пространстве научного знания².

Фактически научная рецензия является элементом научного знания, а, следовательно, в первую очередь, такое рецензирование должны проводить люди, имеющие непосредственное отношение к той области научного знания, которое отражается в рецензируемом произведении. В качестве рецензента судебной экспертизы может выступить человек имеющий базовую научную подготовку в области знаний, использованных при производстве судебной экспертизы, а также получивший соответствующий допуск к самостоятельному выполнению методик тех видов судебных экспертиз, рецензирование которых ему поручается.

Указанный выше подход к пониманию значения научного рецензирования вообще и научного рецензирования материалов судебной экспертизы в частности, позволяет говорить о принципиальном подходе к выбору субъектов рассматриваемого рецензирования. Нелогичным, по нашему мнению, является то, что в настоящее время научное рецензирование заключений судебных экспертов осуществляют лица, имеющие весьма отдаленное отношение к научной деятельности. Многочисленные предложения по такому рецензированию, заполонившие просторы Интернета, показывают выполнение данной услуги людьми, не имеющими широкого признания научным сообществом. Тем самым, подрывается авторитет такой рецензии, что, безусловно, отрицательно влияет на значимость изложенных в научной рецензии положений.

Исходя из сказанного, полагаем, что научная рецензия как определенный вид непроцессуального использования специальных знаний имеет место быть, но субъектом подготовки такой

¹ См.: Рецензирование. – URL : [http:// ru.wikipedia.org](http://ru.wikipedia.org) (дата обращения 10.10.2020).

² См.: Рецензия научная. – URL : https://sociolinguistics_dictionary.academic.ru (дата обращения 10.10.2020).

рецензии может быть только научный работник, имеющий ученую степень и ученое звание в той области научного знания, которое является базовым для разработки соответствующей методики производства судебной экспертизы, использованной при подготовке рецензируемого экспертного заключения. Конечно, следует признать, что не все научные работники имеют специализированную экспертную подготовку в рамках рецензируемого ими экспертного заключения. Этот факт оказывает негативное влияние на понимание ими специфичности методов применения научного знания в конкретном контексте проводимого судебно-экспертного исследования, ставшего объектом рецензирования. Исключение возможных ошибок рецензента может произойти в том случае если помимо наличия у него соответствующего научного знания рецензент будет иметь также и необходимую профессиональную подготовку в области методик производства тех судебных экспертиз, которые он берется рецензировать.

Обозначенный выше подход к научному рецензированию экспертных заключений позволит исключить непрофессионализм рецензентов, берущихся за такое столь сложное дело как научное рецензирование заключений судебных экспертов. Научная рецензия заключения судебного эксперта должна стать подлинно научным по своей сути и содержанию документом. Рецензирование экспертных заключений лицами, не имеющими отношения к научной деятельности, должно быть исключено из практики работы правоохранительных и судебных органов, поскольку, по нашему мнению, подобную рецензию не может делать эксперт, равный по своему профессиональному статусу к тому судебному эксперту, чье заключение он рецензирует. Сама научная рецензия может выступать в качестве объекта последующего изучения рецензирования, которое должно поручаться лицу, имеющему ученую степень выше, чем у того, кто провел первоначальное рецензирование судебно-экспертного заключения.

Рассмотрение возможного круга субъектов научного рецензирования не является окончательным моментом изучения проблем использования в судопроизводстве научных рецензий судебно-экспертных заключений. Поскольку теоретическая составляющая научных рецензий экспертных заключений пока еще не нашла своего должного освещения в криминалистике, позволим себе высказать свою точку зрения по этому вопросу. Считаем, что

научная рецензия выполненного судебным экспертом заключения, должна обладать следующими признаками:

1. Научная рецензия не является заключением эксперта и заключением специалиста в процессуальном смысле данных понятий.

2. Объектом исследования в ходе научного рецензирования выступают уже оформленные заключения судебных экспертов.

3. Выводы, сделанные рецензентом, должны быть обоснованы научными данными определенной области знания, использованного судебным экспертом для подготовки своего заключения.

4. Научная рецензия должна содержать информацию о полноте, всесторонности и научной обоснованности проведенного судебным экспертом исследования.

5. Мнение научного рецензента по поводу изученного судебно-экспертного заключения должно быть обосновано им не только с позиции использованных судебным экспертом знаний, но и с требованиями типовой экспертной методики, которую должен был применить судебный эксперт.

6. Научному рецензированию подлежит не факт соблюдения экспертом правовых требований по оформлению выполненного им судебно-экспертного заключения, а непосредственно сведения, касающиеся хода проведения исследования и полученных при этом результатов.

Высказанные предложения не могут полностью ответить на имеющиеся место проблемы реализации в судопроизводстве научных рецензий заключений судебных экспертов. Как все новое, появляющееся в практике работы правоохранительных и судебных органов, это явление подлежит всесторонней полной оценке учеными, изучающими данную проблематику. Только в ходе широкой дискуссии по данному вопросу будет сформулирован единый научный подход к пониманию сути научного и правового аспектов процесса рецензирования судебно-экспертных заключений. Проведение научных исследований в этой области окажет также и положительное влияние на дальнейшее эффективное применение результатов рецензирования в судопроизводстве.

*Досаева Г.С.,
д-р. юрид. наук,
заведующий кафедрой уголовного права,
РФ ФГБОУВО «РГУП»,
судья Ворошиловского районного суда,
г. Ростов-на-Дону*

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК КАК ВИД ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В зависимости от стадии реализации основания освобождения от уголовной ответственности подразделяются на: освобождающие в момент, предшествующий привлечению лица в качестве обвиняемого; освобождающие в момент, следующий за привлечением в качестве обвиняемого, но предшествующий осуждению¹.

С учетом того закреплены соответствующие основания в Общей или Особенной части УК РФ, выделяют общие и специальные виды². Глава 11 УК РФ предусматривает следующие виды освобождения от уголовной ответственности: в связи с деятельным раскаянием (ст. 75), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76), в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1), с назначением судебного штрафа (ст. 76.2), освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78). Кроме этого, в соответствии со ст. 84 УК РФ, регламентирующей вопросы применения амнистии, лицо также может быть освобождено от уголовной ответственности актом об амнистии. Как видно, освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа закреплено в статье 76.2 Общей части УК РФ, соответственно относится оно к общим видам.

Исследуя систему оснований освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве Я.М. Матвеева предлагает следующую классификацию материально-правовых

¹ См.: Сизов А.А. Некоторые аспекты освобождения от уголовной ответственности по российскому законодательству / А.А. Сизов, Р.Ф. Шахбазов, Л.А. Назаренко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 5. – С. 819.

² См.: Князьков А.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях (гл. 22 УК РФ): вопросы дифференциации и законодательной техники : дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2017. – С. 107.

оснований освобождения от уголовной ответственности, «основанную на совокупности субъективных и объективных факторов, уменьшающих или устраняющих степень общественной опасности преступления и (или) преступника:

1) позитивное постпреступное поведение, выраженное в добровольном активном выполнении виновным лицом определенных действий;

2) особые обстоятельства совершения преступления, относящиеся к личности преступника, наличие которых свидетельствует о его уменьшенной общественной опасности и делает нецелесообразным применение наказания или иных уголовно-правовых мер;

3) наступление определенных юридических фактов, носящих объективный характер (истечение срока давности, акт амнистии)»¹.

Д.А. Гришин, С.А. Сабанин приводят несколько концепций классификации видов освобождения от уголовной ответственности, обобщив теоритические взгляды по этому вопросу². Рассмотрим их подробнее, применительно к судебному штрафу.

Во-первых, в зависимости от того является освобождение от уголовной ответственности правом или обязанностью правоприменителя основания определяют как дискреционные, императивные либо обязывающие. По этому же основанию они подразделяют на обязательные и факультативные. Обязательность освобождения от уголовной ответственности, когда принятие соответствующего решения не ставится в зависимость от усмотрения правоприменителей, присуща следующим (обязательным) основаниям: освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ), в связи с актом амнистии (ст. 84 УК РФ) или с истечением сроков давности (за исключением закрепленных в ч. 4 и 5 ст. 78 УК РФ). Характерна императивность и для оснований, закрепленных в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ³. А.П. Фильченко называет обязывающие нормы, которые предписывают смягчить или прекратить уголовную ответственность лица под условием уступки, «компромиссными».

¹ Матвеева Я.М. Указ. Соч. – С. 53.

² См.: Гришин Д.А. Некоторые проблемы законодательной регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности / Д.А. Гришин, С.А. Сабанин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 2(20). – С. 63.

³ Князьков А.А. Указ. Соч. – С. 116.

В целях формирования благоприятного делового климата в стране, сокращения рисков ведения предпринимательской деятельности, создания дополнительных гарантий защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования 27 декабря 2018 года был принят федеральный закон №533-ФЗ, которым расширен перечень преступлений, уголовные дела по которым подлежат прекращению при условии возмещения ущерба, причиненного гражданину, организации или государству в результате совершения преступления¹. В результате ст. 76.1 УК РФ претерпела изменения, которые касаются не только увеличения количества преступлений, по которым лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, таких норм как преступления небольшой тяжести, сопряженные с мошенническими действиями (в сфере кредитования, при получении выплат, с использованием электронных средств платежа, в сфере страхования, в сфере компьютерной информации); мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности и других. Закономерно изменилось и само название статьи. Ранее данная норма называлась «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности».

Используемая законодателем формулировка в исследуемой норме (ст. 76.2 УК РФ): лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, свидетельствует о том, что законодателем данное отнесено к дискреционным (факультативным).

В обобщении судебной практики Ивановского областного суда сказано о том, что даже при формальном соблюдении перечисленных в законе условий освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа судьи «не всегда шли на поводу у примирившихся (или договорившихся между собой) сторон, справедливо полагая, что освобождения от уголовной ответственности, пусть и по не реабилитирующему основанию, заслуживает лишь лицо, способное на исправление без применения

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 593998-7 «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (об освобождении от уголовной ответственности)». – URL : <http://sozd.parlament.gov.ru> (дата обращения 17.01.2019).

мер уголовного наказания». И далее приводится пример: *мировой судья отказал в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела по обвинению Г.И.П. по ст. 116 УК РФ с применением меры уголовно-правового характера в виде штрафа. При принятии такого решения судья приняла во внимание сведения о неоднократном привлечении Г.И.П. в прошлом к уголовной ответственности, в том числе по ст. 113 УК РСФСР, ч. 1 ст. 119 УК РФ, освобождении его от наказания в связи с применением актов амнистии, прекращении в отношении него уголовного дела по ч. 1 ст. 119 УК РФ в связи с примирением сторон.*

Также в обобщении обращено внимание на следующий факт: *мировой судья судебного участка № 4 Кинешемского судебного района в Ивановской области «не заметила» имеющуюся в материалах уголовного дела по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, информацию о том, что ранее в отношении Г. 5 раз прекращались уголовные дела по не реабилитирующим основаниям (ст. 25, 28 УПК РФ). В постановлении о прекращении уголовного дела от 19 декабря 2016 года указано, что «в материалах дела не имеется сведений, отрицательно характеризующих его личность»¹.*

Во-вторых, выделяют временные и окончательные (или условные и безусловные) основания. Здесь определяющим фактором является возможность отмены решения о прекращении уголовного дела и его возобновления – с процессуальной точки зрения. В то время как с материальной точки зрения в основе такого деления оснований находится критерий возложения либо невозложения на лицо, которое освобождается от ответственности, определённых обязанностей, возникающих после того, как соответствующее решение будет принято².

Вплоть до принятия федерального закона № 323-ФЗ от 03 июля 2016 года единственным временным или условным основанием являлось освобождение от уголовной ответственности в связи с применением к несовершеннолетнему принудительных

¹ Справка по результатам обобщения судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) Ивановского областного суда. – URL : http://www.oblsud.ivanovo.ru/view.php?fn=content/suddoc/sudpraktika/u2017_3 (дата обращения 07.01.2019).

² Головки Л.В. Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности / Л.В. Головки // Законность. – 1998. – № 11. – С. 37–40.

мер воспитательного воздействия. Теперь таковым является и освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Как уже было отмечено, если освобождение от уголовной ответственности зависит от поведения лица, то его относят к субъективным основаниям, а если не зависит от такового, то – к объективным. Очевидно, что рассматриваемое основание относится к субъективным, поскольку зависит от посткриминального поведения лица: возмещения ущерба или заглаживание вреда, причиненного преступлением, иным образом.

Правоохранительные и контролирующие органы Российской Федерации на координационном совещании «О состоянии и результатах работы правоохранительных и контролирующих органов по противодействию правонарушениям и преступлениям, связанным с невыплатой заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат» отмечали потребность в дополнительных мерах, которые побудили бы неплательщиков к погашению задолженности перед работниками и иными получателями установленных законом платежей¹. Такой мерой становится введенное федеральным законом от 27 декабря 2018 года № 533-ФЗ специальное основание освобождения от уголовной ответственности, предусмотренное ч. 2 примечания 1 к ст. 145.1 УК РФ. Условиями освобождения от уголовной ответственности по данному основанию являются: совершение впервые преступления, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 145.1 УК РФ; погашение в течение двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела в полном объеме задолженности по выплате заработной платы, пенсии, стипендии, пособия и иной установленной законом выплате, уплата в течение двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела процентов (выплата денежной компенсации) в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации; отсутствие в действиях лица, совершившего преступление, предусмотренное 1 или ч. 2 ст. 145.1 УК РФ, иного

¹ Постановление «О состоянии и результатах работы правоохранительных и контролирующих органов по противодействию правонарушениям и преступлениям, связанным с невыплатой заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат» от 30 мая 2018 года № 2 // Архив первого факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону) Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

состава преступления. Особо следует подчеркнуть, что погашение задолженности и уплата процентов (выплата денежной компенсации), должны быть произведены в течение двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела.

К основаниям, зависящим от позитивного посткриминального поведения, относятся деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба и др.

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа имеет сходство с нормами о деятельном раскаянии и примирении с потерпевшим, имея общие условия совершения впервые преступления небольшой или средней тяжести; возмещение ущерба, заглаживание вреда иным образом. В то же время ч. 1 ст. 75 УК РФ и ст. 76 УК РФ предусматривают и другие условия, такие как, явка с повинной, примирение с потерпевшим¹.

Как справедливо отмечено некоторыми авторами, это только на первый взгляд освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа мало чем отличается от оснований предусмотренных, ч. 1 ст. 75, ст. 76 УК РФ (их безусловно объединяют сходные условия). Ведь судебный штраф представляет собой самостоятельный институт освобождения от уголовной ответственности, обеспеченный особым порядком судопроизводства о его применении, обремененное возложением судом обязанностей на лицо, совершившее преступление².

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа имеет сходство с освобождением от уголовной ответственности несовершеннолетних (ст. 90 УК РФ) не только тем, что они являются дискреционными основаниями, но оба основания, как уже было отмечено в настоящей работе, условные. В процессе реализации этих оснований уголовная ответственность заменяется иными мерами уголовно-правового характера (судебный штраф, принудительные меры воспитательного воздействия».

¹ Власенко В.В. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) / В.В. Власенко // Уголовное право. – 2017. – № 1. – С. 52–59.

² Купрацевич М.И. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа и его отличие от иных видов освобождения от уголовной ответственности: вопросы теории, практики и совершенствования законодательства / М.И. Купрацевич, И.З. Федоров // Вестник МОСИ. Юридические науки. – 2016. – № 4. – С. 79.

В этой связи, как справедливо отмечено Т.А. Плаксиной, судебный штраф по своей правовой природе и характеристикам, наиболее близок к принудительным мерам воспитательного воздействия¹.

Судебный штраф отнесен законодателем к иным мерам уголовно-правового характера. Понятие иных мер в УК РФ отсутствует, отдельными учеными предлагались различные дефиниции. Так, Н.Ю. Скрипниченко под иными мерами уголовно-правового характера понимает «меры государственного принуждения, применяемые к лицам, совершившим общественно опасное деяние», запрещенное Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, «назначаемые наряду с наказанием, либо в качестве его альтернативы, либо при освобождении от уголовной ответственности; а также к лицам, в отношении которых назначение или исполнение наказания невозможно в силу их психического расстройства»².

Т.В. Непомнящая определяет иные меры уголовно-правового характера как «предусмотренные в уголовном законодательстве меры, применяемые к лицам, совершившим преступления», основанием применения которых является «признание лица виновным в совершении преступления»³.

В целом, следует согласиться с мнением о том, что под иными мерами уголовно-правового характера принято понимать «часть уголовно-правовых мер, выступающих формой реализации уголовной ответственности (т.е. правовым последствием совершения преступления)». Такие меры не имеют карательного свойства, они «направлены на восстановление нарушенных общественных отношений и предупреждение совершения новых преступлений»⁴.

Раздел IV Уголовного кодекса Российской Федерации содержит три вида таких мер: принудительные меры медицинского

¹ Плаксина Т.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / Т.А. Плаксина // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 4(16). – С. 79.

² Скрипниченко Н.Ю. Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – С. 12.

³ Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система / Т.В. Непомнящая // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2017. – № 2(51). – С. 116.

⁴ Мартыненко Н.Э. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера / Н.Э. Мартыненко, Э.В. Мартыненко // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 1(41). – С. 25.

характера, конфискация имущества и судебный штраф, различных по своей юридической природе, основаниям и целям применения¹.

Статья 104.4 УК РФ определяет судебный штраф как денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному ст. 76.2 УК РФ. Соответственно лицо, совершившее преступление, должно не только возместить причиненный преступлением ущерб, загладить вред, но уплатить определённую законом денежную сумму. Только в этом случае оно будет окончательно освобождено от уголовной ответственности. В противном случае – привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса².

*Казаринов И.А.,
соискатель кафедры уголовного права,
ФГБОУ ВО «РГУП»*

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРАВИЛ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одним из актуальных и сложных вопросов в рамках юридического анализа правил действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления за пределами РФ, является определение их правовой природы и характеристика с точки зрения основных начал теории уголовно-правового регулирования. С момента, когда соответствующие правила стали рассматриваться как часть внутреннего права страны, этот вопрос так и не получил всестороннего внимания специалистов, хотя значимые шаги в этом

¹ Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система / Т.В. Непомнящая // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2017. – № (51). – С. 116.

² Едреев Т.Ш-М. Анализ статьи 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» как новеллы в Уголовном кодексе России / Т.Ш-М. Едреев // Вестник Чеченского государственного университета. – 2016. – № 3(23). – С. 125–128.

направлении были предприняты, о чем свидетельствуют работы А.А. Тилле, а в последние годы – сочинения А.Р. Каюмовой, К.А. Цай, А.А. Макашеевой и некоторых других авторов.

Приступая к его исследованию, представляется важным обратить внимание, что изучаемые нами правила и в исторической ретроспективе, и в настоящий момент, предусматриваются в нормах национального уголовного закона и в нормах международного права. Соответственно, ряд научных сочинений, посвященных международному уголовному праву¹ (хотя и не все²), содержит развернутый анализ вопросов территориального и экстратерриториального действия уголовного законодательства, равно как и любой учебник по отечественному уголовному праву. Это с неизбежностью возвращает нас к давней дискуссии относительно того, имеют ли они собственно уголовно-правовую или международно-правовую природу. Специально этот вопрос в современной литературе не рассматривается. Тем не менее, полагаем, что такой анализ необходим, как минимум для проверки или уточнения теоретических выводов, представленных в работах предшественников.

Прежде всего, надо напомнить, что международное уголовное право и национальное уголовное право – это различные и самостоятельные отрасли права, относящиеся к разным правопорядкам. Если первое призвано урегулировать отношения, возникающие именно между государствами по поводу фактов совершения тех или иных преступлений, в предупреждении которых заинтересовано все международное сообщество или некоторые страны, подписавшие то или иное соглашение, то второе – регулирует отношения между отдельным государством и конкретным лицом, совершившим преступление. Отношения по поводу совершения преступления, субъектом которых выступает физическое лицо, становятся объектом международно-правового регулирования в крайне редких случаях, когда отсутствует возможность их регулирования

¹ См., например: Лукашук И.И. Международное уголовное право / И.И. Лукашук, А.В. Наумов. – М. : Спарк, 1999; Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003; Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003; Международное уголовное право : учебник / Под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2014.

² См., например: Международное уголовное право : учебник / Под общ. ред. А.В. Бриллиантова; Отв. ред. А.А. Арямов, Г.А. Русанов. – М. : Юрайт, 2017.

на уровне отдельного государства. В этом случае международное право выполняет субсидиарную, комплиментарную функцию по отношению к праву национальному.

Таким образом, даже близкие по содержанию правовые предписания, определяющие вопросы юрисдикции, в зависимости от того, содержатся они в нормах международного права или во внутреннем праве государства, выполняют различную роль, регулируя различные правовые отношения. В международном праве соответствующие нормы выполняют собственно регулирующую функцию, возлагая обязанности или предоставляя права государствам - участникам международно-правовых отношений. Более того, за несоблюдение обязанностей, вытекающих из юрисдикционных предписаний, государства могут нести ответственность по международному праву. Во внутреннем праве назначение исследуемых правовых предписаний несколько иное. В свое время А.А. Тилле обратил внимание на то, что норма, содержащая юрисдикционные предписания, «не регулирует непосредственно какие-либо отношения, а определяет, законодательство какой страны должно быть применено к данному отношению». То есть, рассуждал он далее, «это коллизионная норма... и само ее появление есть свидетельство того, что возникает проблема выбора закона, коллизия законов, а законодатель в коллизионной норме дает решение, указывает на подлежащий применению закон. Само существование такой нормы говорит о возможности иного решения»¹.

Взгляд на предписания, устанавливающие правила действия отечественного уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление за пределами России, как на коллизионные нормы, получил в науке определенное распространение. Существенное обоснование он нашел в работе З.А. Незнамовой. Признавая значимость в современном мире развития международно-правового взаимодействия национальных правовых систем, автор выделяет особый подвид такого взаимодействия, а именно – регулирование уголовно-правовых отношений с иностранным элементом. При этом, по мысли З.А. Незнамовой, иностранный элемент может выражаться в иностранном месте совершения преступления либо в иностранном субъекте преступления. Двум этим признакам

¹ Тилле А.А. Время, пространство, закон. Действие советского закона в пространстве. – М. : Юрид. лит., 1965. – С. 133.

соответствует и два типа действия уголовного закона. Однако в правоприменительной деятельности зачастую возникает коллизия между ними, происходит столкновение правовых норм, принадлежащих к системам национального уголовного права нескольких государств. Автор определяет пространственную коллизию как отношения между двумя или несколькими нормами, действующими на разной территории и призванными урегулировать одно преступление. Соответственно, нормы, определяющие пределы действия отечественного уголовного закона, – как коллизионные нормы, предназначенные для разграничения действия уголовных законов различной государственной принадлежности¹.

Аналогичного мнения придерживается Л.В. Иногамова-Хегай, указывая, что пространственная коллизионная норма определяет приоритетную из конкурирующих уголовно-правовых норм, имеющих равные территориальные сферы действия. Автор отмечает, что в ч. 3 ст. 12 УК РФ закреплены две пространственные коллизионные нормы, устанавливающие реальный и универсальный принципы действия уголовного закона в пространстве, разрешающие конкуренцию уголовно-правовых норм РФ и других государств, а также между нормами УК РФ и международно-правовыми нормами².

Признавая безусловный авторитет авторов приведенных научных позиций, позволим себе высказать некоторые сомнения относительно возможности признания исследуемых нами правовых предписаний коллизионными. На это обратил внимание еще А.В. Наумов при анализе вопроса о пределах действия УК РСФСР в условиях пребывания РСФСР в составе СССР и связанного с этим столкновения уголовных юрисдикций нескольких союзных республик. Он, на наш взгляд, абсолютно верно указал, что территориальный принцип действия уголовного закона закреплен во всех союзных республиках, а сами по себе кодексы не содержат правил преодоления конкуренции законов в случаях, когда одно преступление совершается на территории нескольких субъектов СССР. По мысли А.В. Наумова коллизионной в данном случае

¹ Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. – Екатеринбург : Cricket, 1994. – С. 137–139.

² Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. – М. : Норма, 2015. – С. 24.

могла быть только норма общесоюзного уголовного закона, как имеющая и большую юридическую силу, и общая для всех союзных республик¹. Думается, что логика ученого вполне применима и к оценке нашей ситуации.

Правила действия уголовных законов в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов территории страны, имеются в уголовном законодательстве каждой страны. Соответствующие законы являются равновеликими и не находятся в единой иерархической системе. Уже только поэтому правовую норму одной страны нельзя рассматривать как норму, разрешающую коллизию между нормами двух или более стран. Свойством коллизии в данном случае может обладать только норма более высокого порядка. Поскольку речь идет о столкновении юрисдикций различных государств, на роль такой нормы может претендовать лишь норма международного права.

А потому больше доверия вызывает позиция К.А. Цай, который рассматривает конкуренцию законов различных государств не просто как проявление территориальной коллизии правовых норм, а как проявление межгосударственной юридической коллизии в уголовном праве. Под ней автор понимает ситуацию одновременного распространения предписаний уголовных законов двух или более государств на одно и то же общественное отношение в силу его сущности, персонального состава и (или) территориального признака. При этом он указывает, что разрешение (устранение и преодоление) межгосударственных коллизий уголовных законов теоретически возможно тремя основными путями: унификацией уголовных законов государств; заключением международных соглашений; принятием на внутригосударственном уровне юрисдикционных коллизионных норм². Лишь с последней частью суждений К.А. Цай мы не можем согласиться в полной мере. Внутригосударственная юрисдикционная норма не может по определению разрешить межгосударственную коллизию, поскольку она не обладает свойством блокировать действие иностранного законодательства. Это под силу только нормам международного права, и то, в зависимости от того, как внутреннее право

¹ Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1973. – С. 123–125.

² Цай К.А. Уголовно-правовая юрисдикция: теоретические вопросы действия уголовного закона в пространстве : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 58.

той или иной страны решает вопрос о соотношении международного и национального права.

В этой связи социально-правовую сущность исследуемых нами предписаний отечественного уголовного закона справедливо устанавливать не в разрешении коллизий между правовыми нормами различных государств, а в суверенном, основанном на Конституции страны и общепризнанных принципах и нормах международного права, установлении уголовно-правовой юрисдикции страны.

В отечественной науке такой взгляд имеет место, хотя он, на наш взгляд, и не всегда достаточно аргументирован. В последние годы для анализа интересующих нас правил действия уголовного закона все чаще применяется подход, который основан на использовании понятия «юрисдикция» и производных от него «уголовная юрисдикция» и «уголовно-правовая юрисдикция». Юрисдикция, – пишет А.Р. Каюмова, – есть свойство субъектов международного права, выражающееся в осуществлении правового регулирования отношений и возможности его обеспечения посредством принятия мер исполнительного и принудительного характера¹. Р.Р. Хаснутдинов развивает эту идею и указывает, что под уголовно-правовой юрисдикцией России следует понимать возможность, которой обладает Российская Федерация, с учетом ее международно-правовых обязательств, определять пределы территориального и экстерриториального действия уголовного закона и обеспечивать реализацию уголовно-правовых норм путем угрозы применения или применения правового принуждения².

К.А. Цай различает понятия уголовной и уголовно-правовой юрисдикции³. А.А. Макасева акцентирует внимание на связи юрисдикции с суверенитетом, которым государство обладает в полном объеме в пределах своей территории и в ограниченном объеме за ее пределами⁴.

¹ Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2016. – С. 9–10.

² Хаснутдинов Р.Р. Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – С. 8.

³ Цай К.А. Уголовно-правовая юрисдикция: теоретические вопросы действия уголовного закона в пространстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 40, 47.

⁴ Макасева А.А. Реальный принцип действия уголовного закона в пространстве : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – С. 84–85.

Использование концепта «юрисдикция» дает в данном случае возможность установить генетические связи правил действия уголовного закона с краеугольным для формирования и существования уголовного права (но сегодня, к сожалению, мало обсуждаемым) правом государства на уголовное наказание. Это право, сформированное в процессе ограничения частной мести за причинение вреда и становления правовой модели взаимоотношения личности и государства, состоит в субъективной возможности государства объявлять те или иные деяния преступными под угрозой уголовного наказания и непосредственно применять назначенные наказания к лицам, которые нарушают установленный запрет, в интересах обеспечения личной, общественной и государственной безопасности. Право наказания сегодня можно рассматривать как правомочие государства, предоставленное ему для реализации закреплённой в ст. 2 Конституции РФ обязанности защищать права и свободы человека и гражданина, и одновременно ограниченное этой обязанностью.

Как и всякое субъективное право, право государства на уголовное наказание имеет определенное содержание и пределы. Причем пределы реализации этого права, имеют решающее значение для легитимации самого права на наказание. Они устанавливаются в процессе социально-правовой эволюции общества с учетом его культурных особенностей, степени развитости гуманитарной доктрины, особенностей государственно-территориального устройства, уровня интеграции в процессы международного взаимодействия и правовой глобализации и т.д. Обсуждение всего этого комплекса вопросов не входит непосредственно в нашу задачу¹. Нам важно подчеркнуть, что право государства на уголовное наказание имеет внутренние ограничения, которые в большей степени значимы для формирования содержания уголовно-

¹ Заинтересованного читателя отошлем в данном случае к современным работам Д.В. Гурина; см.: Гурин Д.В. Принцип законности и реализация государством права на уголовное наказание / Д.В. Гурин // Российское правосудие. – 2015. – № 10(114). – С. 85–93; Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание: субъективное содержание и формы объективизации / Д.В. Гурин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6(17). – С. 32–52; Гурин Д.В. Генезис права государства на уголовное наказание: проблемы историко-правовой и теоретико-правовой интерпретации / Д.В. Гурин // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 4(4). – С. 4–17.

правового запрета, и внешние ограничения, определяющие пространственные пределы его реализации. Эти внешние ограничения вызваны, во-первых, наличием государственной территории, определяющей пространство государственного суверенитета; во-вторых, существованием на политической карте мира множества государств, каждое из которых обладает равновеликим правом на уголовное наказание, которое может входить в конкурирующие отношения с аналогичным правом иных государств; в-третьих, формированием общепризнанных правил межгосударственного общения. В своей совокупности эти ограничения задают некоторую «рамку», в пределах которой право на уголовное наказание одного государства может сосуществовать и быть полноценно реализовано без причинения ущерба аналогичному праву иного государства и принципам межгосударственного сотрудничества.

С этой точки зрения положения ст. 12 УК РФ, определяющие основания и пределы действия российского уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления за пределами РФ, справедливо рассматривать в качестве выраженных в законе объективных пределов реализации права государства на уголовное наказание. По своей природе такие правила не могут рассматриваться как «рядовые» регулирующие или коллизионные уголовно-правовые нормы. Они наполнены глубоким конституционным содержанием, отражающим особенности реализации государством его обязанности по защите основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности страны.

В рассматриваемой уголовно-правовой норме, которая, разумеется, действует в системном толковании с положениями ст. 11 и ст. 13 УК РФ, нашли отражение следующие конституционные положения:

- признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ),
- суверенитет РФ распространяется на всю ее территорию (ст. 4 Конституции РФ);
- каждый гражданин РФ обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией РФ (ст. 6 Конституции РФ), иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в РФ правами и несут

обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ (ст. 62 Конституции РФ);

– общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (ст. 15 Конституции РФ);

– каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ), никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ст. 47 Конституции РФ);

– никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление (ст. 50 Конституции РФ), никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением (ст. 54 Конституции РФ).

РФ предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права; в РФ не допускается выдача другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в РФ преступлением. Выдача лиц, обвиняемых в совершении преступления, а также передача осужденных для отбывания наказания в других государствах осуществляются на основе федерального закона или международного договора РФ (ст. 63 Конституции РФ).

Подводя итог краткому анализу социальной сущности правил действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов РФ, можно констатировать, что ст. 12 УК РФ (и связанные с ней положения ст. 11 УК РФ) не должна рассматриваться в качестве коллизионных нормативных предписаний, поскольку они не определяют порядок выбора между конкурирующими правовыми нормами российского и иностранного уголовного законодательства. Правила действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов РФ, должны быть оценены в качестве уголовно-правовой конкретизации конституционных предписаний, раскрывающих статус

государства как участника уголовно-правовых отношений, они закрепляют притязания государства на охрану конституционно значимых ценностей, объективно ограниченные пределами его суверенитета.

*Колесникова Л.Г.,
аспирантка кафедры
уголовно-процессуального права,
ФГБОУ ВО «РГУП»*

ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ, ВЛЕКУЩИЕ ПРАВО НА РЕАБИЛИТАЦИЮ, В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Нормы, непосредственно регламентирующие институт реабилитации, содержатся в уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана, Туркменистана и Узбекистана. УПК этих стран прямо предусматривают отдельные разделы или главы, посвящённые реабилитации. Однако, право на реабилитацию по УПК указанных стран ближнего зарубежья возникает при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в зависимости от различных оснований.

В главе 4 УПК Казахстана, которая названа «Реабилитация. Возмещение вреда, причинённого незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс», провозглашается, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый подлежат реабилитации при вынесении постановления суда, органа уголовного преследования о прекращении уголовного дела по следующим основаниям (ч. 1 ст. 37 УПК Казахстана):

- за отсутствием события уголовного правонарушения;
- за отсутствием в деянии состава уголовного правонарушения;
- за отсутствием жалобы потерпевшего – по делам об уголовных правонарушениях, предусмотренных частями второй и

третьей статьи 32 УПК Казахстана, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 32 УПК Казахстана, а также при отказе частного обвинителя от обвинения – по делам об уголовных правонарушениях, предусмотренных частью второй статьи 32 УПК Казахстана, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 32 УПК Казахстана, либо отзыве руководителем коммерческой или иной организации или уполномоченного органа заявления о привлечении лица к уголовной ответственности;

– если введён в действие закон, отменяющий уголовную ответственность за совершённое деяние, либо в случае признания Конституционным Советом Республики Казахстан неконституционным закона или иного нормативного правового акта, подлежащего применению по данному уголовному делу, от которого зависит квалификация деяния как уголовного правонарушения;

– если в отношении лица имеются вступивший в законную силу приговор суда по тому же обвинению либо иное неотменённое судебное постановление, установившее невозможность уголовного преследования;

– если в отношении лица имеется неотменённое постановление органа уголовного преследования о прекращении уголовного преследования по тому же подозрению¹.

При этом производство по делу прекращается за отсутствием события уголовного правонарушения и за отсутствием в деянии состава уголовного правонарушения, как при доказанности отсутствия события уголовного правонарушения или состава уголовного правонарушения, так и при недоказанности их наличия, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств².

Производство по делу подлежит прекращению за отсутствием в деянии состава уголовного правонарушения и в случаях, когда причинение подозреваемым, обвиняемым или подсудимым вреда является правомерным либо деяние совершено подозреваемым, обвиняемым или подсудимым при обстоятельствах, которые

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.05.2020 г.). – URL : https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852

² Там же.

в соответствии с Уголовным кодексом Республики Казахстан исключают его признание уголовным правонарушением и уголовную ответственность. Решение о прекращении уголовного дела в отношении лица, не достигшего к моменту совершения деяния возраста, по достижении которого согласно закону возможно возложение уголовной ответственности, подлежит принятию за отсутствием в деянии состава уголовного правонарушения. По этому же основанию подлежит принятие решения о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего лица, который к моменту совершения деяния хотя и достиг возраста, с которого, согласно закону, наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими¹.

УПК Казахстана разграничивает все указанные выше основания прекращения уголовного дела, в результате которых возникает реабилитация, от таких оснований прекращения уголовного дела, которые влекут право на возмещение вреда, причинённого в результате соответствующих незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс. К числу оснований прекращения уголовного дела, которые влекут право на возмещение вреда, причинённого в результате соответствующих незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс, относятся следующие обстоятельства:

– отсутствие жалобы потерпевшего – по делам об уголовных правонарушениях, предусмотренных частями второй и третьей статьи 32 УПК Казахстана, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 32 УПК Казахстана, а также при отказе частного обвинителя от обвинения – по делам об уголовных правонарушениях, предусмотренных частью второй статьи 32 УПК Казахстана, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 32 УПК Казахстана, либо отзыве руководителем коммерческой или иной организации или уполномоченного органа заявления о привлечении лица к уголовной ответственности, если несмотря на отсутствие обстоятельств,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.05.2020 г.). – URL : https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852

предусмотренных частью четвертой статьи 32 УПК Казахстана, досудебное расследование не было прекращено с момента выявления обстоятельств, исключающих уголовное преследование (п. 2 ч. 2 ст. 38 УПК Казахстана);

– при необходимости прекращения уголовного дела в отношении лиц вследствие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершённые деяния, а также за истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности, если уголовное дело не было прекращено с момента выявления обстоятельств, исключающих уголовное преследование, и уголовное преследование незаконно продолжалось несмотря на согласие таких лиц на прекращение уголовного дела (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК Казахстана)¹.

По аналогии с УПК Казахстана в уголовно-процессуальном законодательстве Туркменистана предусматривается отдельная глава 4, которая посвящена реабилитации и возмещению вреда, причинённого незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс. Согласно ч. 2 ст. 35 УПК Туркменистана, реабилитация путём признания невиновности подозреваемого, обвиняемого и подсудимого допускается при вынесении постановления судьи или определения суда, или постановления органа уголовного преследования о прекращении уголовного преследования по следующим основаниям:

– за отсутствием события преступления;

– за отсутствием в деянии состава преступления;

– за непричастностью к преступному деянию или недоказанностью участия в совершении преступления².

При этом право на возмещение вреда, причинённого в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс, имеют любые лица, уголовное дело в отношении которых не должно было возбуждаться, а возбуждённое – подлежит прекращению (п. 2 ч. 3 ст. 36 УПК Туркменистана)³.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.05.2020 г.). – URL : https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852

² Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.11.2019 г.). – URL : https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31344376

³ Там же.

УПК Узбекистана посвящает реабилитации отдельный раздел, нормы которого регламентируют в одной главе основания и последствия реабилитации, в другой – порядок возмещения реабилитированному вреда и восстановления его в иных правах. В частности, основаниями реабилитации лица являются, в том числе, обстоятельства прекращения уголовного дела, предусмотренные ст. 83 УПК Узбекистана:

1) отсутствует событие преступления, по поводу которого было возбуждено уголовное дело и производилось расследование или судебное разбирательство;

2) отсутствует в деянии состав преступления;

3) непричастность к совершению преступления¹.

Все другие обстоятельства прекращения уголовного дела в соответствии со ст. 84 УПК Узбекистана не влекут реабилитацию и называются основаниями без решения вопроса о виновности².

Таким образом, представленные в уголовно-процессуальных кодексах Казахстана, Туркменистана и Узбекистана основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования, которые влекут право на реабилитацию, характеризуются следующим. Во всех указанных УПК стран ближнего зарубежья к числу универсальных оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, позволяющих признать лицо реабилитированным, относятся такие обстоятельства, как отсутствие события преступления и отсутствие в деянии состава преступления. Непричастность к преступному деянию (к совершению преступления) или недоказанность участия в совершении преступления выступают в качестве реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела только по УПК Туркменистана и УПК Узбекистана. В уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана названные обстоятельства не используются как основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Однако, в то же самое время УПК Казахстана при этом допускает реабилитацию в результате прекращения уголовного дела по более широкому кругу обстоятельств, нежели только отсутствие события преступления и отсутствие в деянии состава преступления.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.03.2020 г.). – URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101

² Там же.

*Кольчурин А.Г.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»*

*Смирнов М.В.,
студент 4 курса,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Один из основных вопросов, который необходимо установить при расследовании дорожно-транспортных преступлений (ДТП) и определении механизма совершения ДТП – это определение момента возникновения опасности, то есть момента, когда водитель мог обнаружить возникшую опасность для своего движения и принять меры для предотвращения ДТП.

Правила дорожного движения (ч. 2 п. 10.1) предписывают, что «при возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять меры к снижению скорости вплоть до полной остановки транспортного средства»¹. Однако Правила дорожного движения не дают определения опасности для движения и не называют момент, в который она возникает.

Вопросы, связанные с определением момента возникновения опасности при ДТП, были предметом рассмотрения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так в Постановлении Пленума ВС РФ от 09 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» было указано, что: «При решении вопроса о технической возможности

¹ О правилах дорожного движения (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностях должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения): постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090. (с последующими изменениями и дополнениями).

предотвращения дорожно-транспортного происшествия судам следует исходить из того, что момент возникновения опасности для движения определяется в каждом конкретном случае с учетом дорожной обстановки, предшествующей дорожно-транспортному происшествию. Опасность для движения следует считать возникшей в тот момент, когда водитель имел объективную возможность ее обнаружить¹.

Таким образом, под моментом возникновения опасности следует понимать такое развитие дорожной ситуации, когда водитель, по объективным данным имел возможность и должен был принимать предусмотренные Правилами дорожного движения меры по предотвращению ДТП². При этом, единственно возможной мерой избежать ДТП, на наш взгляд, является экстренное торможение.

При установлении момента возникновения опасности, принимают во внимание множество различных факторов. Это могут быть нарушения Правил дорожного движения со стороны других участников движения, обнаружение посторонних объектов на проезжей части, ослепление, отказ одной из основных систем управления транспортного средства и др.

Анализ следственной и судебной практики позволяет выделить следующие случаи возникновения опасности, которые водитель в состоянии обнаружить и при наступлении которых применить экстренное торможение:

- 1) пешеход вышел или выбежал на полосу движения транспортного средства;
- 2) следовавшее впереди ТС применяет экстренное торможение;
- 3) встречное ТС выезжает на занимаемую полосу движения;
- 4) водитель ослеплен светом фар встречного ТС;
- 5) отказал один из основных органов управления ТС (тормоза, рулевое управление, фары в темное время суток и пр.);
- б) пассажир физически вмешался в процесс управления ТС и др.

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 декабря 2008 г. № 25.

² Кольчурин А.Г. Особенности расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в сельской местности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кольчурин Андрей Геннадьевич. – Краснодар, 2004. – С. 121.

Кроме того, на наш взгляд, следует выделить группу обстоятельств, которые могут перерасти в опасные для движения и, как следствие, побуждающие водителя проявить особую осторожность. К таковым можно отнести следующие:

- в процессе обгона опережаемое ТС начинает совершать маневр, с выездом на полосу движения, обгоняющего;
- недостаточно закреплен груз на движущемся впереди ТС;
- отделилась деталь впереди идущего или встречного ТС;
- скатывающийся с откоса камень, оползень, снежная лавина;
- на полосе движения имеются повреждения проезжей части (выбоины, наросты, наслоения), в том числе скрытые;
- появление на проезжей части или вблизи ее диких или домашних животных и др.

Особую опасность для движения водителя представляют дети, находящиеся вблизи проезжей части. Дети по своим психофизиологическим особенностям, как правило, непредсказуемы, не могут адекватно ориентироваться в дорожной обстановке и принимать оптимальные решения. В такой ситуации за момент возникновения опасности для водителя, как правило, берется момент обнаружения им ребенка возле проезжей части. Определяя момент возникновения опасности, следует учитывать и поведение ребенка (стоит спокойно или делает попытки перебежать проезжую часть, смотрит на приближающееся транспортное средство или нет), его возраст, наличие поблизости взрослых или других детей и т.д.

Аналогично следует решать вопрос о возникновении опасности относительно находящихся на проезжей части или вблизи ее:

- лиц престарелого возраста,
- лиц, выполняющих работу на дороге,
- лиц, находящихся в состоянии опьянения, определяемого по их поведению (шатается, падает и т.п.) и ведущих себя неадекватно¹.

Кроме того, при определении момента возникновения опасности, принимают во внимание некоторые особые обстоятельства дорожной обстановки, которые всегда учтет опытный водитель.

¹ Владимир С.В. Расследование наезда транспортного средства на пешехода : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Владимир Сергей Владиславович. – Владимир, 2011. – С. 98.

Например, приближаясь к остановке общественного транспорта, такие водители обязательно обратят внимание на стоящий автобус либо другое транспортное средство, чтобы своевременно увидеть возможного пешехода, который может внезапно появиться на полосе движения из-за стоящего транспортного средства. При приближении к нерегулируемому перекрестку следует обратить внимание на движущееся впереди справа транспортное средство, которое неожиданно замедлило движение. Перед ним может переходить проезжую часть пешеход, скрытый габаритами этого автомобиля и другие обстоятельства.

Устанавливая обстоятельства совершения ДТП связанные с моментом возникновения опасности нужно учитывать наличие информация об источнике опасности, которая может поступить в виде сигналов, обусловленных сложившейся практикой вождения, например, включением фар встречного транспортного средства, подача звуковых сигналов, какие-либо жесты и т.п.

Приведенные рекомендации, на наш взгляд, могут быть использованы в практической деятельности правоохранительных органов при установлении механизма совершения дорожно-транспортного преступления.

*Костенко Р.В.,
д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры
уголовно-процессуального права,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»*

ТРЕТЬЕ ПРАВИЛО ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Уголовно-процессуальный закон не содержит определения допустимости доказательств, а также не предусматривает правил (критериев) допустимости, с точки зрения которых необходимо оценивать доказательства по уголовному делу. Предписания ст. 75 УПК РФ лишь в общем виде указывают на то, что доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального

закона, являются недопустимыми. Статья же 88 УПК РФ, озаглавленная «Правила оценки доказательств», на самом деле предписывает в случаях, указанных в ч. 2 ст. 75 УПК РФ, суду, прокурору, следователю, дознавателю признавать доказательство недопустимым.

В теории уголовного процесса имеют место самые различные подходы и концепции по выделению и определению специальных правил (критериев, условий, элементов, аспектов, характеристик), которые составляют содержание требования допустимости уголовно-процессуальных доказательств. Подчеркивая важность выделения и разработки правил допустимости доказательств, Ю.А. Ляхов справедливо утверждает, что «правила о допустимости доказательств могут непосредственно сказываться и на порядке получения доказательств, быть барьером на пути насилия, угроз и иных незаконных мер при производстве следственных действий»¹.

По мнению некоторых процессуалистов, система правил о допустимости доказательств направлена, прежде всего, на то, чтобы правильно ориентировать следователя и суд, какие доказательства допускаются, т.е. имеют прежде всего позитивный характер². Указанное понимание правил о допустимости доказательств отождествлялось с требованием соблюдения законности при собирании доказательств, но не устанавливало однозначное предписание о том, что доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы. При этом отсутствовала и регламентация процедуры исключения из рассмотрения недопустимых доказательств³.

Г.М. Резник считает, что признать доказательство допустимым – значит сделать вывод о соблюдении требований закона, предъявляемых к его процессуальной форме, которая включает в себя:

¹ Ляхов Ю.А. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе / Ю.А. Ляхов. – М. : Экспертное бюро, 1999. – С. 4.

² Белкин Р.С. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин [и др.]; Редкол.: Н.В. Жогин; Отв. ред.), Г.М. Миньковский, А.Р. Ратинов, В.Г. Танасевич, А.А. Эйман. – 2-е изд., испр., и доп. – М. : Юрид. лит., 1973. – С. 231–232.

³ Кравченко, М.Е. Проблема определения правил допустимости доказательств в уголовном процессе / М.Е. Кравченко // Проблемы юридической науки и правоприменительной деятельности: Труды КубГАУ. Серия «Право». – Вып. № 15. – Краснодар : Изд-во КубГАУ, 2012. – С. 244–248.

- а) источник;
- б) условия;
- в) способы получения и закрепления сведений об обстоятельствах дела¹.

А.А. Костаков предлагает три критерия допустимости доказательств:

- 1) законность источника фактических данных;
- 2) законность способа получения фактических данных;
- 3) законность закрепления фактических данных².

Как утверждает П.А. Лупинская, допустимость доказательств включает:

- а) получение сведений из одного из перечисленных в законе источников;
- б) получение доказательств с соблюдением процессуальных правил;
- в) правильный выбор надлежащего источника сведений, особенно в случаях, когда закон предписывает получить определённый вид доказательства³.

Также она уточняет, что в «качестве требований к допустимому доказательству следует определить и то, что оно должно быть получено: надлежащим субъектом, правомочным по данному делу проводить процессуальное действие, в ходе которого оно получено; только из источников или их определенного вида, перечисленных в законе; с соблюдением правил проведения процессуального действия, в ходе которого оно добыто; с соблюдением всех требований закона, касающихся фиксации хода и результатов следственного действия»⁴.

Аналогичные требования к допустимости доказательств предъявляет С. Пашин, называя их «пороками» материалов, выдаваемых за доказательства⁵.

¹ Резник, Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств / Г.М. Резник. – М. : Юрид. лит., 1977. – С. 7.

² Костаков, А.А. Допустимость и относимость доказательств / А.А. Костаков. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. – С. 6–11.

³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. – 2-е изд., испр., и доп. – М. : Норма, 2009. – С. 159–160.

⁴ Лупинская П.А. Основания и порядок признания решений о недопустимости доказательств / П.А. Лупинская // Российская юстиция. – 1994. – № 11. – С. 2.

⁵ Пашин С. Основания оспаривания допустимости доказательств стороной защиты / С. Пашин // Уголовное право. – 1998. – № 1. – С. 51.

Обозначенную позицию в целом разделяют и поддерживают многие другие процессуалисты, которые отмечают, что законодательство должно стремиться к максимально полной детализации правил, определяющих допустимость доказательств¹.

Таким образом, наиболее точным и адекватным образом характеризуют требование допустимости доказательств предложенные в науке уголовного процесса четыре правила – правило о законных субъектах получения доказательств; правило о законных источниках и процессуальной форме доказательств; правило о законных способах получения доказательств; правило о законности порядка осуществления способов получения доказательств.

Третье правило допустимости доказательств в уголовном процессе означает, что сведения, имеющие значение по уголовному делу, должны быть получены только законными способами, т.е. собраны исключительно посредством указанных в УПК РФ следственных и иных процессуальных действий. «Порядок проведения каждого следственного и иного процессуального действия строго регламентирован законом с целью обеспечения допустимости полученных сведений и гарантии прав участников процесса, поэтому получение сведений путём «процессуальных» действий, не предусмотренных в законе, порождает неустранимые сомнения в их достоверности и нарушает права участников процесса»².

В действующем уголовно-процессуальном законе сбору доказательств посвящена ст. 86 УПК РФ. Однако, в науке уголовного процесса авторы по-разному трактуют положения указанной нормы с позиций выделения на её основе допустимых способов собирания (получения) доказательств. Так, одни процессуалисты

¹ См.: Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н.М. Кипнис. – М. : Юристъ, 1995. – С. 27; Кокорев Л.Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л.Д. Кокорев, Н.П. Кузнецов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та., 1995. – С. 129; Сильнов М.А. Вопросы обеспечения допустимости доказательств в уголовном процессе (досудебные стадии) / М.А. Сильнов. – М. : МЗ-Пресс, 2001. – С. 4–7; Кудин Ф.М. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе : учеб. пособие / Ф.М. Кудин, Р.В. Костенко. – Краснодар : Изд-во КубГАУ, 2002. – С. 14; Терехин В.В. Правила допустимости уголовно-процессуальных доказательств нуждаются в модернизации / В.В. Терехин // Современные проблемы государства и права: сборник научных трудов. – Н. Новгород, 2006. – Вып. 10. – С. 157–165, [и др.].

² Кипнис Н.М. Указ. соч. – С. 65.

называют два способа собирания доказательств: следственные действия и иные процессуальные действия¹. Другие считают, что «способами собирания, закрепления и проверки фактических данных и их источников, однозначно являются процессуальные действия, которые можно классифицировать на следственные; иные процессуальные; судебно-следственные»². По мнению третьих, к способам собирания доказательств относятся следственные, судебные и иные процессуальные действия³.

В ч. 1 ст. 86 УПК РФ прямо установлено, что собирание доказательств осуществляется путём производства следственных и иных процессуальных действий. Однако, разграничив способы собирания доказательств на следственные и иные процессуальные действия, закон не даёт чёткого определения этих понятий, и их перечня.

В ст. 5 УПК РФ, раскрывающей основные понятия, используемые в УПК РФ, определено: «процессуальное действие – следственное, судебное и иное действие, предусмотренное настоящим Кодексом». На наш взгляд, способами собирания доказательств являются исключительно процессуальные действия, которые в свою очередь делятся на следственные, судебные и иные процессуальные действия, предусмотренные УПК РФ⁴. Такая позиция соответствует п. 32 ст. 5 УПК РФ. Однако, отсутствие нормативного толкования этих понятий является недостатком действующего законодательства, порождающего неоднозначные мнения по

¹ Кузнецов А.Н. Следственные и иные процессуальные действия как способы собирания доказательств в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кузнецов Анатолий Николаевич. – Воронеж, 2005. – С. 53; Скребец Г.Г. Участие адвоката-защитника в формировании доказательств на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Скребец Галина Геннадьевна. – Екатеринбург, 2008. – С. 11; Сазонова Т.П. Иные процессуальные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сазонова Татьяна Павловна. – Челябинск, 2009. – С. 15.

² Балакшин В.С. Допустимость доказательств: понятие, правовая природа, значение, алгоритм оценки: научно-практическое пособие / В.С. Балакшин. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2013. – С. 95–96.

³ Демурчев Л.Г. Собирание доказательств в ходе досудебного производства путём проведения иных процессуальных действий : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Демурчев Леонид Геннадиевич. – Краснодар, 2012. – С. 24–25.

⁴ Костенко Р.В. Собирание доказательств по уголовным делам путем производства следственных и иных процессуальных действий / Р.В. Костенко // Труды Кубанского гос. аграрного ун-та. Сер.: Право. – 2009. – № 2(5). – С. 54.

вопросу, какие именно действия являются следственными, какие судебными, а какие иными процессуальными. Так, например, сторонники разделения способов собирания доказательств только на следственные и иные процессуальные, видимо, не видят большой разницы между следственными действиями и судебными. В частности, как полагают некоторые авторы, «...все познавательные действия, осуществляемые в ходе судебного разбирательства, следует также именовать следственными»¹.

В досудебном производстве основными способами собирания доказательств являются следственные и иные процессуальные действия, а в судебном производстве – судебные действия, которые имеют свою специфику и в процессуальном порядке их производства, и в субъектах их производства, и в процессуальном закреплении.

Несмотря на законодательное закрепление, среди учёных возникают спорные мнения по вопросу о том, можно ли все процессуальные действия, указанные в гл. 24–27 УПК РФ, отнести к категории следственных действий? Следует заметить, что это ещё больше затрудняют уяснение этого понятия.

На наш взгляд, законодатель несколько неудачно регламентировал целый ряд следственных действий. Поэтому, например, контроль и запись переговоров остаются типичными оперативно-розыскными мероприятиями, а использование полученной фонограммы должно осуществляться в рамках истребования доказательств, что предусмотрено ст. 86 УПК РФ.

Судебные действия, которые, как и следственные действия, имеют поисково-удостоверительный характер и регламентацию в уголовно-процессуальном законодательстве. В УПК РФ указанные действия содержатся в гл. 37, регламентирующей судебное следствие, поэтому все эти действия логичней всего отнести именно к судебным действиям, используемым в качестве способа собирания доказательств.

Судебные действия могут быть использованы в качестве способа собирания доказательств также и при рассмотрении уголовного дела судами вышестоящих судебных инстанций.

¹ Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. – Самара, 2004. – С. 6.

Ещё одним способом собирания доказательств в уголовном процессе являются иные процессуальные действия. Часть 2 ст. 86 УПК РФ предусматривает, что подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители могут собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к делу в качестве доказательств. В законе фактически отсутствуют нормы, закрепляющие процессуальный порядок представления доказательств, да и круг субъектов, обладающих этим правом, в полной мере не определен, хотя эта норма не является новеллой для российского уголовного судопроизводства.

В ч. 3 ст. 86 УПК РФ закреплено право защитника по истребованию справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны представлять запрашиваемые документы или их копии. В данном случае речь идет еще об одном ином процессуальном действии, используемом при собирании доказательств – истребовании доказательств.

В связи с этим отметим, что не только защитник, но и лица, непосредственно, осуществляющие уголовное судопроизводство, обладают такой компетенцией. Это следует из публичности уголовного судопроизводства и закреплено в ч. 4 ст. 21 УПК РФ.

Анализ УПК РФ позволяет констатировать, что в различных статьях, регламентирующих процессуальный порядок производства на разных стадиях процесса, имеют место процессуальные действия, которые по своей сущности можно отнести к иным процессуальным действиям, используемым в качестве способа собирания доказательств. Однако отсутствие законодательного понятия «иные процессуальные действия, используемые в качестве собирания доказательств», разбросанность их по всему УПК РФ и отсутствие их классификации приводят к выводу о необходимости более тщательного и подробного изучения этого вопроса.

*Крипиневич С.С.,
канд. юрид. наук,
заместитель заведующего
кафедрой уголовно-процессуального
права имени Н.В. Радутной,
ФГБОУВО «РГУП»*

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

В Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) закрепляется положение о том, что соблюдение, обеспечение, а также охрана прав и свобод человека и гражданина является неотъемлемой обязанностью государства. Этот фундаментальный правовой принцип является основополагающим для формирования правовой системы Российской Федерации, включая уголовно-процессуальное право.

Действующий уголовно-процессуальный закон также четко определяет приоритеты в области защиты законных интересов, прав и свобод личности. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) установлено, что защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод составляет назначение уголовного судопроизводства. Соответственно можно утверждать, что указанный конституционный принцип находит свое продолжение в содержании уголовно-процессуального права.

Логическая цепь законодательного регулирования должна приводить к формированию на основе конституционных и отраслевых принципов целостной правовой уголовно-процессуальной конструкции обеспечения прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В этой части в науке уголовного процесса существует широкая дискуссия о проблемах содержания обеспечительных процессуальных институтов, их состава, структуры, законодательного регулирования.

Отметим, что в качестве концептуальных основ правообеспечения в уголовном судопроизводстве рассматриваются:

1) принципы уголовного судопроизводства, как исходные положения для формирования всей совокупности, а также отдельных механизмов и содержания каждого из них;

2) права, а также процессуальные средства их осуществления, защиты и охраны;

3) обязанности властных участников уголовного судопроизводства защищать права и законные интересы;

4) ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей;

5) средства процессуальной реализации, охраны, защиты, в том числе предусмотренная законом процессуальная форма действий и решений¹.

Мы бы хотели дополнить этот перечень указанием на необходимое, по нашему мнению, условие реализации такого рода конструкции должно выступать законодательное регулирование складывающихся в этой сфере уголовно-процессуальных отношений. Иными словами, во всех отмеченных ранее составных частях правообеспечительного механизма должна присутствовать правовая основа².

В силу обязательного системного свойства уголовно-процессуального права все правомочия участников подлежат обеспечению средствами их реализации, защиты и охраны соответствующими специальным условиям³. В качестве этих условий мы рассматриваем совокупность специфических правил, которым подчиняется производство в отдельных стадиях уголовного процесса. Если посмотреть на правообеспечение через призму особенностей каждой из стадий уголовного судопроизводства, то отчетливо проявляется такой недостаток, как нарушение системности уголовно-процессуального регулирования. Это нарушение имеется в

¹ Гладышева О.В. Теоретическая модель механизма обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – С. 13.

² Муминов Б.А. Судебный контроль в системе обеспечения прав и свобод участников уголовного процесса / Б.А. Муминов // Наука и мир. – 2020. – Т. 1 – № 2(78). – С. 52.

³ См.: Крипиневич С.С. Институт подготовки к судебному заседанию и формы его реализации в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации : монография / С.С. Крипиневич; Под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки РФ О.А. Зайцева. – М. : Юрлитинформ, 2020. – С. 17.

различной степени: от полного отсутствия правового регулирования, собственно, правообеспечительного механизма (например, право на защиту информации¹), до незначительных отступлений.

Так, к примеру, потерпевший является одним из основных участников уголовного судопроизводства, чьи законные интересы, права и свободы подлежат защите средствами уголовного судопроизводства. Статья 42 УПК РФ, являясь базовой для формирования процессуального статуса потерпевшего, не предусматривает уточнений, касающихся совокупности его прав в зависимости от стадии уголовного судопроизводства. Такого рода уточнения можно сделать исходя из контекста отдельных правовых положений. Например, потерпевший вправе получать копии приговора суда, решений судов иных инстанций. Очевиден вывод: таким правом потерпевший наделяется исключительно на соответствующем этапе уголовного судопроизводства. В то же время интересно в этой части и содержание п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, где сказано о праве потерпевшего получать копии различных постановлений, включая и постановление об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о назначении предварительного слушания, судебного заседания. Законодатель подошел к регулированию указанного права потерпевшего (получать копии судебных документов) выборочно, перечислив конкретные их виды и указав, что на получение копий иных документов потерпевший имеет право только при наличии его собственного об этом ходатайства и при условии, что решения затрагивают его законные интересы. В этом вопросе проявляется уже и субъективный аспект: должностное лицо, получившее ходатайство потерпевшего должно оценить, насколько требуемое потерпевшим решение затрагивает интересы последнего и исходя из собственных представлений может отказать в направлении копии процессуального решения потерпевшему. Возникает ситуация, при которой потерпевший чтобы добиться необходимого ему документа вынужден реализовать иные свои права (например, право обжалования), что требует значительного времени и усилий.

¹ Gladysheva O.V. Digitization: Problems of use and protection of information in criminal proceedings / O.V. Gladysheva, R.V. Kostenko, V.A. Sementsov. – Studies in Computational Intelligence, 2019. – P. 395–401. – URL : https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-13397-9_46

Правосудие предполагает участие сторон (принцип состязательности). Состязательные начала и реализация в этой правовой парадигме прав потерпевшего – проблема, которая проявилась не только в отечественном, но и в зарубежном уголовном процессе, о чем пишут отдельные ученые¹. В рамках данной статьи мы обратимся лишь к его небольшой части, а именно к праву на участие, которое может быть реализовано только если лицо уведомлено надлежащим образом (например, своевременно) о проведении судебного заседания, в котором ему предоставлено право участвовать.

Однако, применительно к потерпевшему у должностных лиц нет обязанности делать такого рода уведомление. Получается, что полномочие суда по уведомлению потерпевшего о проведении судебного заседания (направление копии постановления о назначении судебного заседания) распространяется только на отдельные случаи, конкретно указанные в уголовно-процессуальном законе, а именно, относится только к судебным стадиям².

Есть еще одно право, которое представляет научный и практический интерес в контексте рассматриваемой проблемы обеспечения: право участника уголовного процесса заявлять ходатайства на досудебных стадиях уголовного производства дознавателю, следователю, прокурору либо суду об осуществлении этим участником определенных процессуальных действий или принятии решений. Следует отметить, что существующий способ регламентации порядка заявления и разрешения ходатайств на досудебных стадиях уголовного процесса не отличается высокой степенью детальности, поскольку ряд вопросов законодатель оставил на усмотрение заявителя³.

¹ См., например, Dearing A., Huxtable H. Doing justice for victims of violent crime in the European Union – Reflections on findings from a research project conducted by the European Union Agency for Fundamental Rights (2021) *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. № 45(1). – P. 39–66. – URL : <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85085478903&doi=10.1080%2f01924036.2020.1762233&partnerID=40&md5=f2732030823d8ac9a1993efbb9163d9d>

² Крипиневич С.С. Институт подготовки к судебному заседанию и формы его реализации в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации : монография / С.С. Крипиневич; Под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки РФ О.А. Зайцева. – М. : Юрлитинформ, 2020. – С. 82.

³ См.: Желева О.В. Требования к ходатайствам частных лиц в досудебном производстве как необходимое условие добросовестной реализации прав участников уголовного судопроизводства / О.В. Желева // *Вестник Томского государственного университета*. – 2017. – № 415. – С. 175.

Как полагает О.В. Желева, восполнить пробелы можно путем закрепления в УПК РФ положений о механизме осуществления права на заявление ходатайств, способного обеспечить баланс между интересами заявителя, других участников уголовного судопроизводства и интересами правосудия в целом. Составными элементами такого механизма будут являться:

1) определение четких качественных характеристик и составных элементов содержания ходатайства, несоответствие которым будет расцениваться как злоупотребление субъективным правом;

2) обозначение критериев допустимой повторности обращений;

3) закрепление случаев безусловного удовлетворения и отказа в удовлетворении ходатайств;

4) указание временных пределов реализации права на обращение с ходатайствами на различных этапах досудебного производства;

5) установление обязательных требований к процессуальным решениям должностных лиц по разрешению ходатайств;

6) определение мер ответственности за нарушение установленного в УПК РФ порядка заявления ходатайств для лиц, реализующих предоставленное им право в противоречии с его назначением, а также для должностных лиц, препятствующих добросовестному осуществлению права и ошибочно расценивающих его как злоупотребительное действие заявителя¹.

В этой части есть повод высказаться как в поддержку, так и с критикой. Мы в целом разделяем стремление ученых уточнить и расширить законодательную основу правообеспечения, детализировав его основу. Однако полагаем, что такого рода деятельность следует осуществлять, основываясь на ответах на следующие вопросы:

– в какой степени детальным должно быть соответствующее законодательное регулирование;

– насколько целесообразно закреплять на уровне законодательства требования к содержанию и форме ходатайств? И некоторые иные.

¹ Желева О.В. Требования к ходатайствам частных лиц в досудебном производстве как необходимое условие добросовестной реализации прав участников уголовного судопроизводства / О.В. Желева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 179.

Полагаем, что, если ответ на первый из отмеченных вопросов требует самостоятельного научного исследования, то ответ на второй лежит на поверхности: такого рода детализация уголовно-процессуального закона приведет не к обеспечению, а к противодействию реализации права на заявление ходатайств, усложнив, а для некоторой категории участников – сделает невозможным, заявление ходатайств в силу отсутствия необходимых знаний и практических навыков.

Также отсутствие должного механизма правового регулирования защиты прав участников уголовного судопроизводства можно проследить на этапе назначения судебного заседания в досудебном производстве в части обеспечения права на участие в нём определенных в ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ лиц. Так, положения указанной статьи предусматривают участие подозреваемого, обвиняемого, их защитников и (или) законных представителей, собственника или иного законного владельца предмета при рассмотрении ходатайств следователя о производстве следственного действия, касающегося реализации, утилизации или уничтожения вещественных доказательств, однако из содержания уголовно-процессуального закона не усматриваются механизмы по уведомлению этих лиц, права и обязанности участников судебного заседания и другие правовые аспекты при назначении судебного заседания в досудебном производстве.

Аналогичная ситуация (необеспеченность права на участие в судебных заседаниях, проводимых в досудебных стадиях) существует в отношении подозреваемого, обвиняемого (за исключением избрания меры пресечения, где их участие признается по общему правилу обязательным), защитника, гражданского истца, ответчика и их представителей.

Между тем необходимо обратить внимание на положение ст. 11 УПК РФ, согласно которому дознаватель, следователь, прокурор, судья и суд обязаны не только разъяснить участвующим в уголовном деле лицам права, но и обеспечить реальную возможность ими воспользоваться. Это требование закона направлено на обеспечение прав участвующих в деле лиц¹.

¹ Крипиневи́ч С.С. Институт подготовки к судебному заседанию и формы его реализации в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации : монография / С.С. Крипиневи́ч; Под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки РФ О.А. Зайцева. – М. : Юрлитинформ, 2020. – С. 82.

Таким образом, подводя итог, сделаем основные выводы.

1. Система правообеспечения в уголовном судопроизводстве основывается на конституционном положении и подлежит приведению в соответствие с основным вектором построения всей правовой системы, нацеленной на максимально возможное по охвату и глубине обеспечение прав и защиту законных интересов участников правоотношений.

2. Существующая законодательная основа системы правообеспечения в уголовном судопроизводстве отвечает конституционным положениям лишь отчасти. При этом проблема видится как в недостаточности, так и в избыточности в ряде случаев правового регулирования. В связи с чем полагаем, требует своего отдельного самостоятельного исследования вопрос определения баланса в регулировании уголовно-процессуальных отношений, обусловленного соотношением императивного и диспозитивного методов регулирования.

3. Отметим также необходимость системного подхода к регулированию однородных уголовно-процессуальных отношений, который сделает возможным выстраивание законодательства в соответствии с логическими и закономерными связями между отдельными элементами правообеспечительных механизмов.

Лукожев Х.М.,

*канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
ФГБОУ ВО «КубГУ»*

Чич Ж.Т.,

*аспирант кафедры уголовного процесса,
ФГБОУ ВО «КубГУ»*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОКУРОРА И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Процессуальный статус прокурора в уголовном судопроизводстве, как известно, закреплен в ст. 37 УПК РФ. Часть 1

названной статьи говорит о том, что «Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия».

Прокурор приведен первым среди всех участников уголовного судопроизводства в главе 6 УПК, представляющих сторону обвинения. Такое расположение ст. 37 не случайно, и отражает логику законодателя, заключающуюся в том, что прокурор возглавляет иерархию должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Связано это с несколькими причинами:

Во-первых, прокуратура является единственным конституционным органом, представляющим сторону обвинения. Основной закон РФ содержит ст. 129, посвященную Прокуратуре РФ, которая расположена в гл. 7 «Судебная власть и прокуратура». Изначально глава 7 называлась «Судебная власть», но после внесения изменений в название и содержание главы 7, она называется «Судебная власть и прокуратура». Попытка вычленить прокуратуру от органов судебной власти не изменило того, что прокуратура является важнейшим государственным органом, участвующим в судопроизводстве, причем по разным категориям дел. Другими словами, прокуратура как государственный орган по своим параметрам, функциональной характеристике, правовому статусу должностных лиц близка к органам, представляющим судебную власть.

Во-вторых, прокурор является, пожалуй, единственным участником уголовного судопроизводства, представленным во всех стадиях и во всех дифференцированных формах процесса. Помимо этого, с прокурором заключается досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор извиняется от лица государства перед реабилитированным за причиненный ему вред, прокурор представляет правоохранительную систему России в рамках международного сотрудничества и т.д.

В-третьих, несмотря на провозглашенные в ст. 15 УПК РФ «Состязательность сторон» три основные процессуальные функции: обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, прокурор

является полифункциональным участником уголовного судопроизводства. Как минимум, из содержания ч. 1 ст. 37 УПК РФ можно говорить о двух реализуемых прокурором функциях: уголовного преследования и надзора. Помимо этого, прокурор реализует функцию координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, хоть и прямо не закрепленную в УПК РФ. Одним из условий эффективного расследования и раскрытия сложных, многоэпизодных преступлений является обеспечение координации деятельности органов, осуществляющих предварительное расследования, оперативно-розыскную деятельность и иных правоохранительных органов. В настоящее время, как известно, именно на прокуратуру законодателем возлагается функция координации деятельности по борьбе с преступностью (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). Указом Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью»¹ также определяется ведущая роль прокуратуры в осуществлении координации деятельности правоохранительных органов (п. 3).

В-четвертых, прокурор является единственным участником уголовного процесса, поддерживающим от имени государства обвинение в суде. «От имени государства» в контексте УПК РФ означает, что прокурор представляет всех должностных лиц и все государственные органы, являющиеся участниками уголовного судопроизводства (следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания и другие). То есть прокурор аккумулирует результаты деятельности всех должностных лиц со стороны обвинения.

В-пятых, прокурор может и отказаться от обвинения в суде, сведя на «нет» кропотливую работу следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальников органа и подразделений дознания. Безусловно, отказ государственного обвинителя от обвинения возможен после исследования значимых фактических обстоятельств дела, после согласования с руководителем

¹ Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 (ред. от 31 декабря 2019 г.) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1958.

органа прокуратуры, при наличии твердого убеждения в необходимости отказа и других условий. Однако выполнение всех предусмотренных УПК РФ, ведомственными актами Генеральной прокуратуры условий при отказе от обвинения не отменяет того, что деятельность органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, остается без результата.

Можно привести еще ряд аргументов в пользу того, что прокурор возглавляет или, по крайней мере, должен возглавлять всю систему государственных органов и должностных лиц, представляющих сторону обвинения, но думается что и отмеченного выше достаточно.

Между тем, возникают два взаимосвязанных вопроса:

1. Соответствует ли высокому статусу прокурора его реальное процессуальное положение по действующему УПК РФ?

2. Каким образом с учетом статуса прокурора осуществляется его взаимодействие с иными участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения?

Для ответа на поставленный вопрос следует рассмотреть некоторые полномочия прокурора в порядке стадий уголовного процесса.

Первой и обязательной стадией уголовного судопроизводства является возбуждение уголовного дела. Касаясь полномочий прокурора во взаимосвязи с полномочиями иных должностных лиц в данной стадии можно привести следующие положения.

В ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен:

1) проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;

2) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства (ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Данного полномочия явно недостаточно для реализации прокурором, отведенных ему функций и эффективного осуществления прокурором взаимодействия участников уголовного процесса со стороны обвинения. В п. 1 ч. 1 ст. 145, ч. 1 ст. 146 УПК РФ к

субъектам, уполномоченным возбудить уголовное дело, помимо следователя и дознавателя отнесены также орган дознания и руководитель следственного органа. Однако прокурор, будучи координатором всех должностных лиц и государственным органом, представляющих сторону обвинения не приведен среди указанных субъектов. Отсутствие у прокурора возможности самому возбудить уголовное дело негативно отражается и на качестве прокурорского надзора, поскольку прокурор оказался лишенным такого действенного акта прокурорского реагирования на нарушение законности как вынесение постановления о возбуждении уголовного дела. В связи с этим представляется целесообразным включение прокурора в число субъектов проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144–145 УПК РФ. Считаем возможным и вариант, когда прокурор в случае обнаружения признаков преступления по результатам прокурорской проверки возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия с последующей передачей материалов уголовного дела для производства предварительного расследования.

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен «требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия». Данное полномочие прокурора распространяется на широкий круг должностных лиц и органов, представляющих обвинение. Между тем ряд иных полномочий прокурора могут быть обращены только лишь к дознавателю. Так, прокурор уполномочен давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы (п. 9 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) и т.п.

При необходимости производства следственного действия, требующего судебного решения, дознавателю следует заручиться согласием прокурора на возбуждение соответствующего ходатайства перед судом (ст. 165 УПК РФ). Исследуя вопрос о

необходимости производства подобного следственного действия, прокурор осуществляет проверку материалов, собранных дознавателем и предопределивших его позицию.

Осуществление проверки доказательств по ходу предварительного расследования позволяет прокурору более качественно и в меньшие сроки произвести проверку всех материалов дела, поступивших с обвинительным заключением (актом, постановлением). Однако, в случаях если ходатайство в суд о производстве следственного действия подается не дознавателем, а следователем, прокурор не участвует в принятии подобного решения ни на каком из его этапов. Прокурорский надзор в данном случае заменен ведомственным контролем со стороны руководителя следственного органа. Соответственно, возможности прокурора по осуществлению плановой, поэтапной проверки доказательств при производстве предварительного расследования следователем, гораздо уже чем, если бы расследование осуществлялось дознавателем. Представляется, что это в целом негативно отражается на качестве, эффективности и сроках проверки доказательств по окончании предварительного расследования. При этом законодателем применен дифференцированный подход при даче согласия на производство следственного действия, требующего судебного решения, не в зависимости от формы предварительного расследования, а в зависимости от субъекта (следователь, дознаватель), возбуждающего ходатайство. Тем самым, прокурор лишен возможности проверять доказательства и в случаях, когда предварительное расследование осуществляется в форме дознания, но находится в производстве следователя.

На наш взгляд, в данном случае должен применяться не дифференцированный, а унифицированный подход, и дача согласия на производство следственных действий, требующих судебного решения, должна быть закреплена только за прокурором.

Для реализации единого подхода ч. 1 ст. 165 УПК РФ должна быть изложена в следующей редакции: «1. В случаях, предусмотренных пунктами 4–9, 10.1, 11 и 12 части второй статьи 29 настоящего Кодекса, следователь, дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о производстве следственного действия, о чем выносится постановление».

Важное значение в реализации координационной функции прокурора имеет взаимодействие участников следственной группы и группы дознавателей¹. Многие авторы также отмечают особую значимость данной формы взаимодействия, выделяя ряд ее преимуществ². Взаимодействие участников следственной группы имеет уголовно-процессуальную и организационно-правовую основу. Необходимо отметить, что УПК РФ использует термин «следственная группа» (ст. 163 УПК РФ), тогда как акты, определяющие непроцессуальную (организационную) форму взаимодействия апеллируют термином «следственно-оперативная группа»³. Нормы УПК РФ, регламентирующие процессуальные аспекты деятельности следственной группы, имеют приоритетное значение, однако процессуальная регламентация следственной группы ни в коей мере не должна умалять значения следственно-оперативной группы.

Интересным, с точки зрения взаимодействия участников уголовного судопроизводства, является вопрос о производстве предварительного расследования группой дознавателей. Такой вид совместного расследования был введен в УПК РФ Федеральным законом от 23 июля 2010 г. № 172-ФЗ. В соответствии с ч. 1 ст. 223.2 УПК РФ производство дознания по уголовному делу в случае его сложности или большого объема может быть поручено группе дознавателей, о чем выносится отдельное постановление или указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Положения ст. 223.2 УПК РФ практически дублируют предписания ст. 163 УПК РФ, но с учетом ключевых особенностей и

¹ Подробнее: Лукожев Х.М. Взаимодействие и координация участников следственной группы / Х.М. Лукожев; Отв. ред. В.А. Семенцов // В сборнике: Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного университета. – Краснодар, 2020. – С. 180–190.

² Зимин Р.В. Содействие органов дознания следователю при производстве предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 33; Ларичев В.Д., Понятие и сущность следственной и следственно-оперативной групп / В.Д. Ларичев, В.Г. Кучкина // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 118–124.

³ Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 (ред. от 31 декабря 2019 г.) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1958.

изъятий, свойственных разным формам предварительного расследования, осуществляемым следователями и дознавателями. Прокурор в большей степени представлен при производстве дознания группой дознавателей, чем при производстве предварительного следствия следственной группой, поскольку прокурор при производстве дознания может активно вмешиваться в ход расследования, обеспечивая его законность и эффективность.

Однако, в организационно-правовом аспекте такой формы координации дознавателей и должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и иных лиц наподобие следственно-оперативной группы вообще не существует. Кроме того, возникает несколько неразрешенных законодателем вопросов:

1. Что делать, если в ходе предварительного расследования появляется необходимость сведения в единую группу следователей и дознавателей?

2. Как быть, и какую группу создавать, если предварительное расследование в форме дознания производится следователем?

Решение данных проблем видится в следующем: Во-первых, необходимо привести к единому знаменателю правила производства предварительного расследования следственной группой (ст. 163 УПК РФ) и группой дознавателей (ст. 223.2 УПК РФ). Для этого достаточно учесть особенности производства дознания группой дознавателей (а возможно группой следователей или группой, состоящей из следователей и дознавателей) в рамках единой ст. 163 УПК РФ и исключить из УПК РФ ст. 223.2 о производстве дознания сугубо группой дознавателей. Во-вторых, обеспечение надлежащего качества взаимодействия в подобного рода межведомственной следственной группе возможно только при условии наделения прокурора широкими возможностями по реализации координационной функции в уголовном судопроизводстве, в том числе по координации следственно-оперативных групп, которые по усмотрению прокурора должны включать как следователей, так и дознавателей. Прокурор должен принимать непосредственное участие в формировании и деятельности как следственной группы, так и следственно-оперативной группы.

Подводя итог, можно сформулировать следующие выводы.

1. Уникальным участником уголовного судопроизводства, способным осуществлять координацию деятельности участников процесса со стороны обвинения, является прокурор. Прокурорская

координация дает возможность обеспечения выработки согласованных действий и решений в противодействии преступности. Координационная функция прокуратуры дополняет ее надзорную функцию и функцию уголовного преследования и, таким образом, расширяет возможности их реализации.

2. Прокурор является единственным участником уголовного процесса, поддерживающим от имени государства обвинение в суде. «От имени государства» в контексте УПК РФ означает, что прокурор представляет всех должностных лиц и все государственные органы, являющиеся участниками уголовного судопроизводства (следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания и другие). То есть прокурор аккумулирует результаты деятельности всех должностных лиц со стороны обвинения.

3. Отсутствие у прокурора возможности самому возбудить уголовное дело негативно отражается и на качестве прокурорского надзора, поскольку прокурор оказался лишенным такого действенного акта прокурорского реагирования на нарушение законности как вынесение постановления о возбуждении уголовного дела. В связи с этим представляется целесообразным возвращение прокурору права возбуждения уголовного дела. Считаем возможным и вариант, когда прокурор в случае обнаружения признаков преступления по результатам прокурорской проверки возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия с последующей передачей материалов уголовного дела для производства предварительного расследования.

4. Представляется необходимым привести к единому знаменателю правила производства предварительного расследования следственной группой (ст. 163 УПК РФ) и группой дознавателей (ст. 223.2 УПК РФ). Обеспечение надлежащего качества взаимодействия в подобного рода межведомственной следственной группе возможно только при условии наделения прокурора широкими возможностями по реализации координационной функции в уголовном судопроизводстве, в том числе по координации следственно-оперативных групп, которые по усмотрению прокурора должны включать как следователей, так и дознавателей. Прокурор должен принимать непосредственное участие в формировании и деятельности как следственной группы, так и следственно-оперативной группы.

*Милованов П.П.,
соискатель кафедры
предварительного расследования,
«МСУ» МВД РФ,
начальник управления
по организации дознания ГУ МВД России,
г. Москва*

СУБЪЕКТЫ ДОЗНАНИЯ: УТОЧНЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ

В соответствии с текстом уголовно-процессуального закона к субъектам дознания следует отнести сразу нескольких лиц: орган дознания (ст. 40 УПК РФ), начальник органа дознания (ст. 40.2. УПК РФ), начальника подразделения дознания (ст. 40.1. УПК РФ), дознаватель (ст. 41 УПК РФ).

Если исходить из общепринятого в науке уголовного процесса понимания сущности дознания – как самостоятельной формы предварительного расследования, то становится очевидно, что только процессуальный статус дознавателя дает право быть субъектом расследования в форме дознания. Все иные вышеперечисленные субъекты, в случае необходимости могут осуществлять дознание, однако пользоваться при этом они будут полномочиями дознавателя. В теории уголовного процесса огромное значение придается сущности дефиниций, используемых законодателем в тексте уголовно-процессуального закона. Понятие «дознаватель» сформулировано в тексте закона неоднозначно, что приводит к разным подходам определения рассматриваемой дефиниции у правоприменителей.

Отметим, что в УПК РСФСР такого участника уголовного процесса как «дознаватель» не было. Использовались такие понятия как «орган дознания» и «лицо, производящее дознание». В то же время, многие органы исполнительной власти, которые были отнесены законодателем к органам дознания, имели в своей структуре соответствующие подразделения и штатную должность – дознаватель. Например, в системе органов внутренних дел уже с 1982 года на постоянной основе действовали подразделения дознания со штатными дознавателями, которые осуществляли только уголовно-процессуальные полномочия, и прежде всего

дознание, применяя нормы главы 9 УПК РСФСР¹. Осуществляя уголовно-процессуальную деятельность, штатные дознаватели участвовали в уголовном процессе как «лица, производящие дознание».

С этой точки зрения тот факт, что в тексте УПК РФ 2001 года впервые сформулировано понятие «дознаватель» и в отдельной норме закона определены пределы его уголовно-процессуальной компетенции – следует рассматривать как позитивное решение не только для правоприменительной практики, но и как новый импульс для развития научной мысли.

Стоит отметить, что наряду с дознавателем в тексте УПК РФ встречаются и такие субъекты как «сотрудник органа дознания» (ст. 95 УПК РФ), «должностное лицо органа дознания» (ст. 40.2 УПК РФ), «должностное лицо органа, осуществляющего ОРД» (ст. 164 УПК РФ). В уголовном законе законодатель упоминает «лицо, производящее дознание» (ст. 294 УК РФ)². Процессуальный статус этих участников в уголовно-процессуальной сфере не определен отдельной нормой. Возникают вопросы: каковы уголовно-процессуальные полномочия указанных субъектов, в каком соотношении они находятся с таким участником судопроизводства как «дознаватель»? Вопрос обоснованный, если задуматься над ответом с точки зрения законности производства дознания надлежащим субъектом. Давайте рассуждать.

В настоящее время законодатель определяет понятие «дознаватель» следующим образом: согласно п. 7 ст. 5 УПК РФ дознаватель – это должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

Очевидно, что процессуальный статус дознавателя должностные лица органа дознания могут приобрести в двух случаях. Проиллюстрируем сказанное на примере органов внутренних дел:

– *Первый*, когда сотрудник ОВД, назначен на должность дознавателя, и *правомочен* в силу своего служебного положения осуществлять расследование преступлений в форме дознания.

¹ Приказ МВД СССР от 05 августа 1982 года №254 «О создании специализированных подразделений дознания в ОВД и утверждении Примерного положения о них». В кн. Махова М.А. История дознания полиции России : монография / М.А. Маков. – М. : ИНФРА-М, 2016. – С. 271.

² Ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования».

Назначение сотрудника ОВД на должность дознавателя оформляется приказом начальника ОВД (он же начальник органа дознания), и с момента подписания приказа по личному составу лицо приобретает статус дознавателя;

Второй, когда начальник органа дознания (начальник ОВД, полиции и его заместитель) *уполномочил* кого-либо из подчиненных сотрудников ОВД (например, сотрудника оперативного подразделения) осуществлять уголовно-процессуальные действия, в том числе и дознание. В этом случае начальник органа дознания уполномочивает подчиненного сотрудника выполнять уголовно-процессуальную деятельность в качестве дознавателя, путем написания *резолуции* – письменного распоряжения о исполнении сотрудником ОВД уголовно-процессуальных действий. При этом компетенция подобного дознавателя строго ограничена пределами тех уголовно-процессуальных полномочий, на которые его уполномочил начальник органа дознания. Например: «Товарищ Смирнов М.П.! Рассмотрите заявление и примите решение в порядке ст. 145 УПК РФ», или «Рассмотрите заявление в порядке ст. 144 УПК РФ и доложите»¹.

Подобная законодательная конструкция позволяет различать дознавателей на «правомочных» и «уполномоченных»². В результате сотрудники ОВД, работающие в разных структурных подразделениях органа внутренних дел, могут получить один и тот же статус – статус дознавателя. Равноправны ли эти дознаватели? Конечно нет. Сотрудник, который работает в специализированном подразделении дознания (штатный дознаватель) имеет опыт по расследованию преступлений и осуществлению иной уголовно-процессуальной деятельности. Решение задач уголовного судопроизводства – это его основная процессуальная и служебная функция. Сотрудники иных подразделений, входящих в структуру ОВД, полиции имеют свои непосредственные служебные задачи. Например, для оперативных уполномоченных основная функция – это *раскрытие* преступлений посредством производства

¹ Есина А.С. Дознание в органах внутренних дел : учебник и практикум для вузов / А.С. Есина, Е.Н. Арестова, О.Е. Жамкова. – 2-е изд. М. : Издательство Юрайт, 2020. – С. 16–18.

² Клементьева Е.С. К вопросу о понятии «дознаватель» в УПК России / Е.С. Клементьева // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2019. – № 4. – С. 28–30.

оперативно-розыскной деятельности. Они не имеют опыта *по расследованию* преступлений и осуществление уголовно-процессуальных полномочий не является для них основным видом деятельности. В этой связи, нельзя считать равноценными субъектами уголовного процесса должностное лицо, назначенное на должность дознавателя, и должностное лицо, которое получает статус дознавателя эпизодически и временно, выполняя отдельные уголовно-процессуальные полномочия.

Разделяет подобных дознавателей и законодатель. Так относительно пределов компетенции начальника подразделения дознания законодатель уточняет, что данный руководитель вправе осуществлять свои полномочия только по отношению к тем дознавателям, которые находятся в его подчинении, то есть к штатным дознавателям (ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ). Возникает вопрос: кто руководит иными дознавателями? Прямого ответа в УПК нет, но толкование норм уголовно-процессуального закона дает основание предположить, что поскольку процессуальным статусом «дознаватель» должностных лиц, состоящих на службе в иных подразделениях, а не в специализированных подразделениях дознания, наделяет начальник органа дознания, то именно начальник органа дознания и руководит иными, так называемыми «уполномоченными» дознавателями.

Полагаем, что понятие «дознаватель» сформулировано в законе неоднозначно, что приводит правоприменителей и представителей науки к ошибочным выводам. Так, например, сотрудники различных служб ОВД, уполномоченные начальником органа дознания на выполнение отдельных уголовно-процессуальных полномочий указывают себя в процессуальных документах как «исполняющий обязанности дознавателя», что не соответствует тексту УПК. Отдельные ученые полагают, что если оперативный уполномоченный полиции осуществляет ОРД, и по указанию начальника органа дознания он же вправе осуществлять и уголовно-процессуальную деятельность в статусе дознавателя, то неизбежно напрашивается вывод о том, что дознаватель может быть субъектом ОРД? Абсурд? Конечно. Но отдельные исследователи до сих пор настаивают на том, что органы дознания – это

субъекты ОРД¹. Несмотря на то, что Федеральный закон «Об оперативно розыскной деятельности»² (далее – закон об ОРД) не указывает органы дознания в качестве субъектов ОРД (ст. 13). Надо признать, что не способствует ясности в этом вопросе отдельные положения УПК, ставшие анахронизмом и нуждающиеся в корректировке по данному вопросу. Например, полномочия следователя на право давать органу дознания поручения о проведении ОРМ (ст. 38 УПК РФ) следует скорректировать и указать, что следователь вправе давать поручение о проведении ОРМ органам, осуществляющим ОРД.

Следует заметить, что внесенные дополнения и изменения в УПК РФ свидетельствуют о том, что законодатель в последние годы использует более конкретные и корректные формулировки в части субъектов ОРД. Так, например в ст. 95 УПК РФ (последнее изменение редакции было в 2007 году) упоминается о том, что *сотрудник органа дознания, осуществляющий ОРД*, допускается до встречи с подозреваемым. А в ст. 223.2 УПК РФ, которая введена в действие в 2010 году³ указывается, что к работе группы дознавателей могут быть привлечены *должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность*. В ст. 164 УПК РФ отмечается, что следователь вправе привлечь к участию в следственном действии *должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность*. Следует признать, что формулировка «должностное лицо органа, осуществляющее ОРД» более корректно по отношению к субъектам ОРД.

Анализ различных положений УПК РФ позволяет сделать вывод, что разные направления деятельности могут возлагаться на одни и те же ведомства, но реализуются они разными исполнителями. Именно таким образом разрешен рассматриваемый вопрос

¹ Стефанова Е.Ю. Процессуальный статус начальника органа дознания в уголовном судопроизводстве : дис. ... на соиск. уч. ст. к.ю.н. – М. 2020. – С. 12.

² Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144 // Собрании законодательства Российской Федерации от 14 августа 1995 г. № 33 ст. 3349. Система ГАРАНТ. – URL : <http://base.garant.ru/10104229/#ixzz6m71thfXB>

³ Федеральный закон от 23 июля 2010 г. № 172-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 30 ст. 4003. Система ГАРАНТ. – URL : <http://base.garant.ru/12177421/#ixzz6m7114n1k>

законодателем. Так, согласно ч. 2 ст. 41 УПК РФ не допускается возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по этому же уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. Таким образом, законодатель различает субъектов уголовно-процессуальной деятельности и субъектов ОРД. Это наиболее очевидно в тексте ФЗ «ОБ ОРД». В соответствии с ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД органы дознания вправе давать поручения о проведении ОРМ органам, осуществляющим ОРД. Статья 11 того же Закона предусматривает направление результатов ОРД не только следователю и суду, но и органу дознания, дознавателю. Следовательно, законодатель различает органы дознания и субъектов ОРД.

Таким же образом следует поступить и с понятием дознаватель. Автор статьи убежден, что понятие «дознаватель» должно по содержанию совпадать с понятием «следователь». Это должностные лица, правомочные осуществлять расследование преступлений, а также осуществлять иную уголовно-процессуальную деятельность в пределах компетенции, установленной уголовно-процессуальным законом.

Иные должностные лица органа дознания, которые могут иметь полномочия на осуществление уголовно-процессуальной деятельности, получив соответствующее делегирование от начальника органа дознания – должны именоваться «должностное лицо органа дознания», что по своей сути более отражает действительное положение вещей.

В связи с изложенным считаем целесообразным дополнить главу 6 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» новым участником «должностное лицо органа дознания», определив его понятие и процессуальный статус в отдельной статье закона. Под термином «дознаватель» следует понимать только субъекта расследования, которое состоит на должности в специализированном подразделении дознания.

*Науменко О.А.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики,
Краснодарский университет МВД*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Современное состояние общества характеризуется интенсивным развитием телекоммуникационных технологий, от которых зависят практически все сферы жизни. Полагаем, что с развитием пандемии коронавируса COVID-19 в 2020 году, Интернет-технологии понадобились для ежедневного использования школьникам, студентам, и обычным работникам, находясь дома и работая дистанционно. И даже на сегодняшний день, в 2021 году такая необходимость не отпала, а продолжает набирать обороты. Сложно представить сферу человеческой деятельности, где в настоящее время не использовались бы информационно-телекоммуникационные разработки и достижения науки. Практически все органы власти, коммерческие структуры, банки, организации и учреждения используют расчеты и предоставление финансовых услуг с использованием IT-технологий. Но с развитием рынка труда, образования и иных сфер жизнедеятельности в интернете, развивается и преступность с использованием IT-технологий и интернета.

Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации в последние годы свидетельствуют о неуклонном увеличении регистрируемых преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. По данным МВД России в 2020 году незначительно увеличилось общее число зарегистрированных преступлений (+1 %), но имеется рост тяжких и особо тяжких преступлений (+14 %), именно преступлений с использованием интернета стали основой в росте последних. Но и за 2019 год статистика была такая же, отмечался неуклонный рост преступлений, совершаемых с помощью интернета (+45,4 %). К сожалению, раскрываемость IT-преступлений по-прежнему невысока. Например, по итогам 2019 г. раскрываемость рассматриваемых преступлений составила 22,2 %¹.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020–2019 гг. // Электронный ресурс: режим доступа – URL : <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/22678184/> (дата обращения 02.01.2021).

Самыми распространенными составами преступлений, совершаемых с использованием сети интернет являются: ст. 158, 159, 159.3, 272 УК РФ.

В научном мире уже несколько лет исследуют способы совершения преступлений, совершаемые с использованием интернет-технологий¹. Исследования этого направления продолжаются, так как преступники используют новые способы, новые программы с целью хищений денежных средств, используя интернет. Кроме того, составы преступлений, совершаемых с использованием интернет, меняются. Так, помимо вышеперечисленных, все чаще используют Интернет-технологии при совершении легализации денежных средств, добытых преступным путем, сбыте наркотических средств и психотропных веществ и др.

Проблемы в расследовании преступлений, совершаемых посредством сети интернет возникают прежде всего при их раскрытии на этапе доследственной проверки (принятии заявления (сообщения) о преступлении). Более 70 % респондентов (следователей) ответили, что наиболее часто встречающиеся проблемы в расследовании рассматриваемых дел следующие: неполнота материалов проверки, отсутствие данных о движении похищенных денежных средств по счету заявителя, недостаточное количество запрашиваемой информации и соответственно отсутствие ответов от администраторов сайтов, социальных сетей и т.п. Так, работая с заявителем, необходимо установить имело ли место хищение денежных средств заявителя, либо списание данных средств было вызвано сбоем в работе тех или иных компьютерных систем. Для установления такого факта необходимы выписки о движении денежных средств по конкретному счету заявителя, что получить на данном

¹ Абдусаламов Р.А. Специфика и способы совершения преступлений в сети интернет / Р.А. Абдусаламов, Ш.Д. Арсланов // Юридический вестник ДГУ. – 2014. – № 1. – С. 116–118; Смирнов С.А. О некоторых способах совершения преступлений в сфере авторского и смежных прав в сети «Интернет» / С.А. Смирнов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3(35). – С. 191–194; Ширяев А.В. Некоторые способы совершения компьютерных преступлений в сети Интернет / А.В. Ширяев, В.В. Поляков // Проблемы правовой и технической защиты информации. – 2018. – № 6. – С. 156–161. Шляпников Ю.В. Способ совершения мошенничества как основной элемент механизма совершения преступлений с использованием сети интернет и средств мобильной связи / Ю.В. Шляпников, А.А. Лаврушкина // Контентус. – 2017. – № 10(63). – С. 1–8 [и др.].

этапе расследования, в особенности до возбуждения уголовного дела за кратчайшие сроки просто невозможно. Кроме того, сотрудникам правоохранительных органов необходимо получить объяснения сотрудников кредитной или иной организации, в том числе отвечающих за безопасность по факту списания средств у заявителя. К существующему перечню проблем в расследовании можно отнести и недостаточную подготовку следователей и органов дознания в целом, в части знаний IT-технологий и способов совершения таких преступлений.

Следующий ряд проблем возникают из-за особенностей способов совершения рассматриваемых преступлений. Использование преступниками вредоносных программ через интернет, при этом нахождение серверов на территории зарубежных стран, требуют направления международных запросов, что обуславливает длительность расследования и низкую его эффективность из-за отсутствия взаимопомощи по уголовным делам с рядом иностранных государств. Также проблематично расследование, когда установлено, что преступление совершено лицами, находящимися в других регионах Российской Федерации от потерпевшего. Могут возникать различные сложности во взаимодействии при установлении данных лиц сотрудниками правоохранительных органов другого субъекта, в любом случае, в таких ситуациях необходима оперативность в раскрытии дела, сжатые сроки, быстрота в принятии решений и эффективность как оперативно-разыскных, так и следственных действий.

Такие факты как использование абонентских номеров или счетов, которые зарегистрированы на подставных лиц либо использованы несуществующие данные; изменение VPN и использование для выхода в Интернет открытых источников доступа, предоставляющих данные сразу нескольким пользователям; использование преступниками поддельных (зарегистрированных на иных лиц) банковских карт, телефонных номеров, средств программного обеспечения, позволяющих изменять номер абонента, позволяют преступникам длительное время скрываться от правоохранительных органов.

Кроме того, выражаем согласие с О.Л. Демидовой, А.В. Резяповой, Э.Р. Гареевой, о том, что длительные сроки проведения

компьютерных экспертиз также являются проблемой для расследования¹.

Пути решения обозначенных проблем только разрабатываются. Помимо решения МВД России о создании в органах внутренних дел специализированных подразделений по раскрытию и расследованию IT преступлений, необходимы и другие меры². Верно утверждает Ю.В. Гаврилин, что «представляется целесообразным возложить на Интернет-провайдеров обязанности по блокированию доступа к информационным ресурсам, обеспечивающим сокрытие сведений о личности пользователя сети Интернет или об используемом им оборудовании, программном обеспечении или действиях, совершенных в сети, в соответствии с перечнем, формируемым на основании предложений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность»³. Также актуальна необходимость разработки и применения специализированных программных комплексов для систематизации информации, которые могут осуществлять поиск информации из общедоступных онлайн источников.

¹ Демидова О.Л. Проблемы использования информации из сети интернет при расследовании экономических преступлений / О.Л. Демидова // В сборнике: Криминалистические средства обеспечения деятельности по выявлению и расследованию преступлений экономической и коррупционной направленности. – Казань, 2017. – С. 202–205; Резяпова А.Ф. Сеть, интернет и киберпреступность: проблемы расследования преступлений / А.Ф. Резяпова, Э.Р. Гареева // Аллея науки. – 2018. – Т. 4. – № 1(17). – С. 659–662.

² МВД анонсировало создание киберполиции. – URL : <https://www.vedomosti.ru/society/news/2020/12/18/851516-mvd-anonsirovalo-sozdanie-kiberpolitsii> (дата обращения 30.12.2020).

³ Гаврилин Ю.В. Противодействие цифровой трансформации наркопреступности (по итогам Всероссийского онлайн-семинара) / Ю.В. Гаврилин // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 4(56). – С. 122–129.

*Никитина С.В.,
судья,
Красноармейский районный суд
Краснодарского края*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В соответствии с ч. 2 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) суд рассматривает и разрешает ходатайства следователя, дознавателя о применении мер процессуального принуждения, производстве следственных действий, а также на основании ч. ... этой же статьи УПК РФ рассматривает и разрешает жалобы участников уголовного судопроизводства на нарушение или неправомерное ограничение их конституционных прав.

Несмотря на то, что все вопросы, подлежащие разрешению судом локализованы в одной статье уголовно-процессуального закона, деятельность суда в досудебном производстве многогранна по своему содержанию, отличается по срокам, кругу участников, совокупности обстоятельств, подлежащих установлению и другим аспектам.

Одним из основных элементов содержания судебной деятельности выступает исследование и проверка обстоятельств, служащих основой для принятия процессуального решения (доказательственная деятельность¹). Изучение этой сферы судебной деятельности позволило выявить ряд актуальных с теоретической и практической точек зрения проблем.

Проблемы теоретического характера связаны с не вполне разработанной в науке уголовного процесса концепцией судебной деятельности в досудебном производстве. В этой части ведутся дискуссии относительно возможности отнесения этой деятельности к

¹ Об этом мы уже писали ранее. См.: Никитина С.В. Доказательственная деятельность в уголовном судопроизводстве: проблема определения / С.В. Никитина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 5(17). – С. 140–145.

категории правосудия¹. От разрешения этой проблемы зависит и решение другой проблемы: совокупности доступных суду процессуальных средств и способов проведения доказательственной деятельности в досудебном производстве, возможности использования аналогий закона для применения в непосредственной деятельности суда процессуальных форм, предусмотренных гл. 37 УПК РФ.

Не меньшей актуальностью отличается проблема обоснованности процессуальных решений суда². Установление единого подхода и критериев оценки обоснованности безотносительно к виду судебного решения и этапу уголовного судопроизводства, в рамках которого оно принято, представляется ошибочным.

Процедура судебного заседания также дает повод говорить о проблемных аспектах в доказательственной деятельности суда. Так, в ч. 1 ст. 108 УПК РФ при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны *конкретные, фактические обстоятельства*, на основании которых судья принял такое решение. Этими обстоятельствами не могут быть данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД), представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ. Соответственно проверка этих данных, включая результаты ОРД, является обязательным элементом судебного заседания и составляет часть доказательственной деятельности суда. При этом отметим отсутствие правил регламентирующих не только процедуру действий, необходимых для установления обстоятельств, но и упоминания

¹ См., об этом: Абдулвалеев А.Ф. Суд как участник уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010; Андрющенко Т.И. Суд как субъект доказывания в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д., 2012. Газетдинов Н.И. Правосудие как основная форма реализации судебной власти / Н.И. Газетдинов // Российский судья. – 2014. – № 6. – С. 20–23.

² На что неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерацииб См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 года № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22032005-n/> (дата обращения 21.02.2020).

об этих действиях, их совокупности, доступной суду в указанных целях.

В ч. 6 ст. 108 УПК РФ находим еще один фрагмент процессуальной формы, когда прокурор либо по его поручению лицо, возбуждившее ходатайство, обосновывает его, затем заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица.

Частично процедура судебного заседания содержится в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, краткое изложение которой может быть представлено следующим образом: обеспечивается участие заинтересованных лиц, кроме потерпевшего (его представителя), включая прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя.

Имеется аналог подготовительной части судебного заседания (судья объявляет какое ходатайство подлежит рассмотрению, участникам разъясняются их права), аналог судебного следствия (заслушивание сторон).

Если рассматривается ходатайство об избрании наложения ареста на имущество, то основа процедуры установлена в ст. 165 УПК РФ, которая регулирует решение о производстве следственных действий. При этом в процессуальной форме судебного заседания указываются следующие правила: уведомление следователя, дознавателя, прокурора и рассмотрение ходатайства без конкретизации применяемых при этом действий и механизмов реализации полномочий участников заседания.

Приведенные положения исчерпывают процедурные правила судебной доказательственной деятельности. Соответственно за пределами законодательного регулирования остаются иные ее элементы, имеющие самое существенное значение для принятия законного и обоснованного решения.

В нашем видении указанные проблемы могут решаться следующим образом.

1. Суд при рассмотрении ходатайства о применении меры пресечения должен установить следующие *фактические и процессуальные обстоятельства на основании доказательств*:

- причастность подозреваемого, обвиняемого к расследуемому преступлению;
- правильность квалификации вменяемого состава преступления действительным (на момент рассмотрения ходатайства о мере пресечения), с учетом обстоятельств его совершения;

- соответствие заявленного ходатайства установленным законом требованиям, включая полномочия заявителя;
- данные о личности не только подозреваемого, обвиняемого, но и иных заинтересованных лиц;
- соблюдение процессуальных сроков проверки сообщения о преступлении и предварительного расследования;
- данные, подтверждающие специальный статус или привилегии подозреваемого, обвиняемого, а также его семейное, имущественное, должностное и иное положение.

2. На основании сведений, не имеющих формы процессуальных доказательств либо в совокупности с доказательствами, подлежат выяснению следующие фактические и процессуальные обстоятельства:

- перечисленные в ч. 1 ст. 97, а также в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ;
- данные, характеризующие личность подозреваемого, обвиняемого, в частности, его поведение в ходе досудебного производства.

3. Вместе с ходатайством о применении меры пресечения в суд должны представляться источники, позволяющие установить указанные сведения (доказательства либо иные данные), в том числе, в цифровом формате.

4. В случае отсутствия необходимых материалов судья в ходе подготовительных к судебному заседанию мероприятий вправе обязать органы предварительного расследования представить недостающие материалы. При их отсутствии к началу судебного заседания ходатайство считается не поданным.

5. В судебном заседании суд и участники исследуют имеющиеся материалы. Суд заслушивает обоснование ходатайства, возражения заинтересованных лиц, предоставляет им право выступить с репликой. Решение суд принимает в совещательной комнате, оглашает в судебном заседании в полном объеме. Копия судебного решения вручается заинтересованным лицам при наличии их ходатайства об этом.

6. Решение суда должно быть законным, в некоторой степени (субъективной) обоснованным и мотивированным (учитывая незавершенность доказывания по уголовному делу и возможность кардинального изменения фактических обстоятельств и их

оценки). В то же время, учитывая продолжающийся процесс доказывания и сбор фактических данных о событии преступления, причастности подозреваемого, обвиняемого к его совершению, заинтересованные лица должны иметь возможность обратиться к суду с просьбой о пересмотре вынесенного ранее решения (аналог института гражданского процессуального права, закрепленный в гл. 22 ГПК РФ).

Для этого предлагается установить законодательное регулирование следующей процедуры:

- принятое судом решение о применении меры пресечения или иной меры процессуального принуждения может быть отменено этим же судом и вынесено новое при наличии фактических и (или) процессуальных обстоятельств, позволяющих сделать иные, чем в первом решении, выводы;

- начало процедуры предполагает обращение заинтересованного лица к суду, постановившему первоначальное решение с ходатайством о рассмотрении новых обстоятельств. К ходатайству прилагаются новые, ранее не представлявшиеся суду материалы;

- судья изучает ходатайство, приложенные материалы, назначает судебное заседание с вызовом всех заинтересованных и должностных лиц, чье участие он признает необходимым. Неявка надлежаще уведомленного заявителя рассматривается как отказ от ходатайства. Производство по ходатайству в этом случае прекращается по постановлению судьи. Неявка иных лиц, надлежащим образом уведомленных, не препятствует рассмотрению ходатайства в их отсутствии;

- в ходе судебного заседания суд и стороны изучают вновь представленные материалы. Заявитель обязан указать источник получения новых сведений, обосновать значимость имеющихся новых материалов и возможность установления на их основании новых, иных по характеру выводов. Заинтересованные лица вправе возражать против использования представленных материалов. Суд не принимает новые материалы в том случае, если не указан источник их получения либо этот источник вызывает разумные сомнения в достоверности;

- в результате проведенного исследования материалов суд уполномочен принять одно из следующих решений: отменить ранее принятое решение и принять новое, иное по содержанию, отказать в удовлетворении ходатайства;

– данный механизм может быть использован заинтересованным лицом не более одного раза за период досудебного производства.

Подводя итог, отметим главное.

1. Судебную деятельность в досудебном производстве сопровождают многочисленные проблемы теоретического, законодательного и правоприменительного характера. Особо актуальными в этой части представляются такие направления развития современной теории уголовного процесса как процессуальная форма доказательственной деятельности суда, выработка единого методологического подхода по вопросу об отношении этой деятельности к категории «правосудие», определение критериев обоснованности судебных решений и применение к ним дифференцированных правил. С точки зрения законодательного регулирования актуальными проблемами представляется введение регулирования процессуальных отношений, складывающихся в ходе судебного рассмотрения ходатайств, процедура судебного заседания, полномочий суда, совокупность и порядок осуществления судебных действий.

2. Процедура судебного заседания, в рамках которой суд разрешает ходатайства, заявленные в порядке ст. 29 УПК РФ должна включать процессуальные действия суда для получения доступа к источникам сведений и самим сведениям об обстоятельствах, необходимых для вынесения законного и обоснованного решения. В этой направлении мы считаем необходимым дополнить ст. 122 УПК РФ, новой частью 2 следующего содержания:

– «2. Рассмотрение судом ходатайств органов предварительного расследования, заявленных в порядке, установленном настоящим Кодексом, происходит в судебном заседании и начинается с оглашения судьей существа заявленного обращения и предоставления заявителю возможности аргументировать свои требования. Участвующие заинтересованные лица вправе представить суду свои соображения и подтвердить их имеющимися доказательствами и иными сведениями, в том числе цифрового формата. В ходе изучения представленных материалов суд осматривает предметы, документы, носители цифровой информации. При наличии необходимости, в том числе по заявленным заинтересованным лицам ходатайствам, суд вправе запросить необходимые

сведения, имеющиеся у государственных органов, организаций различной формы собственности, должностных лиц и граждан. Представленные заинтересованными лицами сведения проверяются судом с точки зрения их отношения к рассматриваемому ходатайству и разумной достоверности. Сомнения в достоверности сведений, при наличии к тому оснований, влекут решение суда об отказе в их принятии к рассмотрению. Суд принимает решение в совещательной комнате в форме постановления с указанием существа выводов и их обоснованием на основании исследованных в судебном заседании материалов. При необходимости копии материалов, исследованных в судебном заседании, направляются органам предварительного расследования для рассмотрения вопроса об их использования в качестве доказательств».

*Петрикин В.Ю.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
ФГБОУВО «КубГУ»*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАЩИТНИКОМ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства неизбежно влечёт необходимость повышения требований к качественному формированию доказательственной базы по уголовным делам. Особенно это проявляется при использовании в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел результатов оперативно-розыскной деятельности.

Уголовно-процессуальный закон не раскрывает содержания результатов оперативно-розыскной деятельности как отдельного вида доказательств. В то же время, согласно ст. 89 УПК РФ, в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Данное обстоятельство

подчёркивает необходимость определения правовой природы результатов оперативно-розыскной деятельности и особенности их использования защитником.

Использованию в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности посвящено немало работ российских ученых-процессуалистов¹. Вместе с тем эти работы связаны, прежде всего, с деятельностью суда и следователя в то время, как отдельные аспекты, связанные с использованием их защитником при расследовании и рассмотрении уголовных дел остались без внимания.

Особенности использования результатов оперативно розыскной деятельности состоят в том, что следователь или дознаватель стараются не предоставлять защитнику результаты оперативно-розыскной деятельности вплоть до окончания расследования, даже тогда, когда закон предоставляет защите такое право. При этом следует отметить, что результаты оперативно-розыскной деятельности используются не только в доказывании, но и при избрании меры пресечения.

При обращении в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу следователь, как правило, указывает, что подозреваемый изобличён, им получено достаточно доказательств, что данный участник действительно совершил преступление (требовал денежную сумму по делам о взяточничестве, реализовал наркотические вещества по делам о незаконных действиях с наркотиками и т.д.). При этом УПК РФ не требует от следователя обязательного приложения документов, подтверждающих обстоятельства, указанные в постановлении о возбуждении перед судом ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Если обстоятельства совершения преступления, в том числе его тяжесть, раскрыты только в ходатайстве следователя, защитнику необходимо заявить ходатайство о недостаточности материалов для избрания такой строгой меры пресечения, в связи с чем суд может продлить срок задержания до 72 часов, что вынудит

¹ Бозров В.М. Результаты оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе / В.М. Бозров // Российская юстиция. – 2004. – № 4. – С. 46–48; Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. – М., 2014; Шумилин С.Ф. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. – Белгород, 2014.

следователя частично представить результаты оперативно-розыскной деятельности.

Так по одному из уголовных дел, следователь обратился в суд с ходатайством об избрании в отношении Ч. меры пресечения в виде заключения под стражу, мотивируя его тем, что после получения взятки Ч. пытался скрыться от сотрудников полиции. Кроме того, размер взятки составляет свыше 2 миллионов рублей, а преступление отнесено законом к категории особо тяжких. В судебном заседании по ходатайству защитника следователем представлен протокол осмотра предметов от 09.01.2019 г., согласно которому осмотрен оптический диск с аудиозаписью разговора Ч. и Р., производимой в ходе оперативного эксперимента 09.01.2019 г. На предложение получения денег Ч. отвечает Р., что для заключения договора и получения технических условий необходимо оплатить в районе 600 рублей за киловатт официально и все. В это время Вас не кто не трогает, на праздники все отработываете, сразу после Нового года выполняете технические условия и передаёте схему¹.

При таких обстоятельствах суд отказал в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и избрал в отношении подозреваемого меру пресечения в виде домашнего ареста.

Нередки ситуации, когда оперативные сотрудники при прослушивании записи разговоров, полученных в результате оперативного эксперимента, исключают из стенограммы фразы, указывающие на отсутствие вменяемому подозреваемому состава преступления либо исключают фрагменты разговора, полагая его незначительным.

Так, в ходе расследования уголовного дела по подозрению К. в получении взятки была исследована аудиозапись событий, произошедших 10.06.2013 года около 17 часов 00 минут в служебном кабинете К., в ходе чего установлено, что ввиду неудачного ракурса камеры высказаться в категорической форме о факте получения К. взятки не представляется возможным. Более того, согласно заключению эксперта № 37-ФЗ/13/1103 от 18.11.2013 г. по результатам судебной фоноскопической экспертизы установлено, что указанная видеозапись имеет признаки монтажа, что влечёт за собой признание её недопустимым доказательством. В дальнейшем, по результатам расследование уголовное дело в отношении

¹ Архив Славянского районного суда Краснодарского края за 2020 год, уголовное дело № 1-11/2020.

К. было прекращено в связи с отсутствием в его действиях состава преступления¹.

Таким образом, использование защитником результатов оперативно-розыскной деятельности осуществляется в условиях жёсткого процессуального противостояния со стороны обвинения, что предполагает необходимость использования всех процессуальных средств защиты. Именно активная позиция защиты позволяет объективно установить все обстоятельства рассмотрения уголовного дела и реально обеспечить права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

*Петрикина А.А.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»*

ПЕРСПЕКТИВА СУЩЕСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

Истоки развития российской модели института частного обвинения уходят в IX–XII вв., когда за совершение тяжкого преступления активно практиковалось изгнание члена родовой общины. М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.П. Загоскин отмечали, что «в этот период частные интересы превалировали над государственными, и уголовная политика выработывалась обществом»². Сущность института частного обвинения обозначенного исторического периода очень метко определена К.Б. Калиновским: «частно-состязательный тип характеризует первый этап развития уголовно-процессуального права, сущность которого заключается в господстве частного начала над публичным. Частноправовой характер процесса обусловлен тем, что общество еще не столь консолидировано, чтобы осознать и отстаивать публичные интересы.

¹ Архив Белореченского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю за 2013 год, уголовное дело № 13317030.

² Цит. по: Момотов В.В. Формирование русского средневекового права. – М., 2003. – С. 319.

В нем господствуют родственные, а не обменные связи. Преступление еще понимается как частноправовое деяние, причиняющее вред не всему обществу, а потерпевшему как представителю своего рода»¹.

Огромный вклад в изучение современного понятия и отдельных признаков частного обвинения в уголовном судопроизводстве внесли такие ученые, как Е.И. Аникина², Ю.А. Анишина³, Е.А. Седаш⁴, Е.В. Ухова⁵, Г.М. Якобашвили⁶.

В декабре 2020 года Верховным Судом РФ был разработан законопроект, в котором предлагается относить уголовные дела о нанесении побоев, умышленном причинении легкого вреда здоровью и клевете к делам частного-публичного обвинения, по которым должно проводиться дознание. В случае внесения таких изменений в нормы действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее по тексту – УПК РФ) это будет означать фактическое исчезновение института частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве.

Однако стоит ли исключать этот институт из уголовного процесса России?

Позицию Верховного суда РФ понять можно, поскольку в 2019 году в порядке частного обвинения судами рассмотрены уголовные дела в отношении 9,8 тысячи лиц, из них осуждены 3,5 тысячи лиц, или 36 процентов, оправданы 759 лиц, или 8 процентов, прекращены уголовные дела судами в отношении 5,5 тысячи лиц, или 56 процентов⁷.

¹ Калиновский К.Б. Основные виды уголовного судопроизводства : учеб. пособие. – СПб., 2002. – С. 69.

² Аникина Е.И. Производство по делам частного обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саранск, 2000.

³ Анишина Ю.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего по уголовным делам частного и частного-публичного обвинения в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.

⁴ Седаш Е.А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000. – С. 11.

⁵ Ухова Е.В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

⁶ Якобашвили Г.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.

⁷ Статистические данные на основе публикации Куликова В. Верховный суд РФ предлагает упростить привлечение к уголовной ответственности за домашнее насилие. – URL : <https://rg.ru/2020/12/14/vs-predlozhit-uprostit-privlechenie-k-otvetstvennosti-zadomashnee-nasilie.html> (дата обращения: 21.12.2020).

Кроме того, в пользу данного законопроекта говорят и недавние цифры, приведенные Уполномоченным по правам человека в РФ Татьяной Москальковой: «по данным некоммерческих общественных организаций, в период с 10 апреля 2020 года количество жертв насилия и случаев насилия в семье увеличилось в 2,5 раза, если в марте таких сообщений было 6054, то в апреле таких сообщений поступило более 13 тысяч¹».

Однако не стоит забывать, что вовремя эпидемии существенные потери несут предприниматели и бизнес, поэтому и уголовно-правовая политика нашей страны должна быть более гибкой.

Нельзя допускать прекращения действия такого универсального, сочетающего в себе как императивные, так и диспозитивные начала, комплексного института частного обвинения, особенно когда речь идет о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Поэтому с учетом сложившихся обстоятельств было бы целесообразно изменить редакцию ст. 20 УПК РФ таким образом, чтобы уголовное преследование в частном порядке было возможно по отдельным преступлениям в сфере экономической деятельности. В пользу данного предложения говорит и существенная экономия процессуальных сил и средств:

- отсутствие необходимости производства предварительного расследования;
- заявитель (потерпевший), как правило, имеет специальное образование, опыт работы и возможность собрать по делу необходимые доказательства;
- не нужно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела проводить ревизии, дорогостоящие и длительные по срокам экспертизы;
- быстро и эффективно можно защитить права потерпевшего и гарантировать через такую форму уголовного процесса возмещение вреда, причиненного преступлением.

В качестве критерия отнесения к делам частного обвинения составов преступлений из главы 22 Уголовного кодекса РФ (далее по тексту – УК РФ) стоит использовать отсутствие публичного интереса.

¹ В России отмечен рост домашнего насилия с 10 апреля в 2,5 раза. – URL : <https://ria.ru/20200505/1570971794.html> (дата обращения 21.12.2020).

Например, процедуру частного обвинения можно предусмотреть для следующих составов преступлений: 176 УК РФ, 177 РФ, ч. 1, ст. 180 УК РФ.

Отношения в сфере кредитования на сегодняшний день требуют индивидуального подхода, особенно когда речь идет об уголовном преследовании в условиях пандемии. Лояльное отношение государства к такой категории уголовных дел позволило бы не только быстро и своевременно возмещать ущерб, но и служило бы эффективному достижению целей общей и частной превенции.

Средства индивидуализации товаров (работ или услуг) всегда связаны с деловой репутацией субъекта предпринимательской деятельности, своевременное обращение в суд в данной ситуации позволит не только привлечь к уголовной ответственности преступника, но и принять все необходимые обеспечительные меры для рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе, а также собрать необходимые доказательства с перспективой их дальнейшего использования через институт преюдиции в гражданском и арбитражном процессах.

*Плетнев В.В.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
СКФ ФГБОУ «РГУП»*

ПОРЯДОК ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ

Проблема допустимости доказательств, всегда привлекавшая внимание процессуалистов и криминалистов, приобрела особую актуальность в связи с разработкой и принятием 24 октября 1991 г. «Концепции судебной реформы в Российской Федерации». Авторы концепции к числу ключевых решений судебной реформы отнесли «определение жестких критериев допустимости доказательств и введение практики беспощадного аннулирования

недопустимых материалов»¹. Идея эта была воспринята законодателем и с принятием Конституции РФ в декабре 1993 г. в ч. 2 ст. 50 была сформулирована норма, согласно которой при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Несколько раньше – законом от 16 июля 1993 г. в ст. 69 УПК РСФСР была включена ч. 3: «Доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, перечисленных в ст.68 настоящего Кодекса». Наличие этой нормы породило ряд вопросов, на многие из которых нет ответов и в действующем УПК РФ.

Прежде всего это относится к определению условий допустимости доказательств и оснований для признания доказательств недопустимыми. Вопрос этот в процессуальной литературе обсуждается достаточно долго, и, хотя сам термин «допустимость доказательств» в учебной и монографической литературе обычно не употребляется², основные условия использования практических данных в качестве доказательств указывались. Так, в первом издании курса уголовного процесса М.С. Строгович писал: «В уголовном процессе доказательство может быть использовано следствием и судом лишь с соблюдением требований процессуального закона. Все фактические данные, при помощи которых следствие и суд исследуют и устанавливают обстоятельства дела и делают свои выводы о доказанности преступления и виновности обвиняемого, должны соответствовать условиям, установленным процессуальным законом, и закрепляются и оформляются согласно нормам уголовно-процессуального кодекса»³. Однако специального анализа названных условий автор не предпринимал. Эти условия более конкретно были названы в учебнике уголовного процесса МГУ: фактические данные должны быть получены следствием и судом из предусмотренных законом процессуальных источников;

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М., 1992. – С. 85–86.

² Исключение составляет учебник М.А. Чельцова «Советский уголовный процесс», в котором этот термин используется, однако им обозначается наличие законных презумпций, а также общеизвестных и иных фактов, не подлежащих доказыванию. – М., 1951. – С. 152–153.

³ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1957. – С. 160. Эту формулировку автор повторил и во втором издании. – М., 1968. – Т. 1. – С. 288.

они должны быть получены путем производства соответствующих, предусмотренных законом процессуальных действий или представлены следствию или суду принятыми ими в установленном законом порядке; должен быть соблюден порядок производства этих процессуальных действий¹.

Во втором издании «Теории доказательств...» авторы соответствующего параграфа Г.М. Миньковский, И.Б. Михайловская и А.А. Эйсман так определяют условия допустимости фактической информации, собираемой по делу:

- «а) известность и возможность проверки ее происхождения;
- б) компетентность и осведомленность лиц, от которых она исходит и которые ее собирают;
- в) соблюдение общих правил доказывания;
- г) соблюдение правил собирания данных определенного вида, гарантирующих от неполноты и искажений;
- д) соблюдение правил, гарантирующих полноту и точность фиксации собранной информации в деле;
- е) отказ от включения в нее догадок и предложений»².

В результате всестороннего обсуждения определились следующие основные условия допустимости доказательств.

1. Получение доказательств надлежащим субъектом. Это означает, прежде всего, что собирание доказательств может без особых на то полномочий осуществлять только тот субъект доказывания, в производстве которого находится данное дело. Более того, важно, чтобы сам этот субъект был легитимен и не подлежал отводу.

Так, судебная коллегия Верховного Суда РФ признала не имеющим юридической силы все материалы расследования, производившегося старшим следователем прокуратуры, не являющимся гражданином Российской Федерации.

В другом случае суд признал недопустимыми показания ряды свидетелей, которые были допрошены участковым инспектором милиции, признанным потерпевшим по данному делу³.

¹ Советский уголовный процесс / Под ред. проф. Д.С. Карева. – М., 1968. – С. 99–100.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1973. – С. 231–232.

³ Друзин Е.В. Недопустимые доказательства на предварительном расследовании / Е.В. Друзин // Допустимость доказательств в российском уголовном процессе. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-н/Д., 2000. – С. 6–7.

Аналогичная ситуация сложилась в другом деле, по которому в судебном разбирательстве в связи с заявлением подсудимого о нарушениях закона при расследовании был допрошен в качестве свидетеля следователь. Суд возвратил дело для дополнительного расследования, которое прокурором было поручено тому же следователю. После доследования суд вынес обвинительный приговор, в котором сослался и на свидетельские показания следователя. Вышестоящим судом все доказательства, собранные при доследовании, были признаны недопустимыми, и приговор был отменен¹.

Ст. 38, 157 УПК предусматривает право следователя давать органу дознания обязательные для него поручения о производстве следственных действий. Также поручения даются в письменной форме. Несмотря на достаточную ясность процессуальной регламентации, на практике это требование закона иногда нарушается, что влечет за собой признание недопустимыми всех доказательств, полученных работниками полиции, осуществляющими следственные действия без письменного поручения следователя.

В соответствии со ст.163 УПК в случае сложности дела или его большого объема предварительное следствие может быть поручено нескольким следователям. Об этом указывается в постановлении о возбуждении дела или выносятся отдельные постановления. Один из следователей принимает дело к производству и руководит действиями других следователей. В этом случае подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику при разъяснении права на отвод объявляется весь состав следователей.

Практика справедливо рассматривает нарушение этих правил основанием для признания недопустимыми доказательств, полученных с их нарушением.

Аналогичным образом решается вопрос и относительно доказательств, полученных следователями, хотя и входящими в состав того же следственного подразделения, что и следователь, ведущий дело, но не получившими от него письменного поручения. Безусловно, недопустимы любые доказательства, полученные любым лицом, не включенным в состав следственной бригады².

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 10. – С. 8.

² См.: Друзин Е.В. Указ. работа. – С. 94.

2. Другим необходимым условием допустимости доказательств является получение их из надлежащего, указанного в законе (ст. 74, 75, 235 УПК) источника. Закон (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК) прямо запрещает использовать в качестве доказательств те фактические данные, источник которых неизвестен. И хотя этот запрет относится к свидетельским показаниям, практика обоснованно распространяет его на все другие фактические данные. В частности, сведения, полученные от лиц, которые не были допрошены в установленном законом порядке и не давали, таким образом, показаний не могут использоваться в качестве доказательств.

Не соблюдается правило о надлежащем источнике доказательств и в тех случаях, когда фактические данные сообщаются лицом, подлежащим отводу в силу требований закона. Так, в деле, рассматривавшемся в кассационном порядке Верховным Судом РФ, имелось заключение специалиста В. по вопросам, связанным с бухгалтерским исследованием. Несмотря на это, повторная судебно-бухгалтерская экспертиза была поручена тому же эксперту, и ее заключение приведено в приговоре суда в качестве доказательств. В связи с этим Судебная коллегия Верховного Суда РФ исключила из приговора ссылку на заключение эксперта как на доказательство по делу¹.

Одним из распространённых в практике расследования нарушений является допрос в качестве свидетелей лиц, подозреваемых в совершении преступления, либо лиц, в отношении которых имелись основания для привлечения их в качестве обвиняемых. При этом обычно допрашиваемым «свидетелям» не разъясняется содержание ст. 51 Конституции Российской Федерации.

Верховный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал важность соблюдения ст. 51 Конституции, обязательного ее разъяснения всем допрашиваемым². Тем не менее, в практике деятельности органов дознания стало чуть ли не правилом, задерживая подозреваемых в совершении преступлений, сначала оформлять эту акцию как административное задержание и допрашивать задержанного в качестве свидетеля, выясняя у него обстоятельства совершенного им преступления. Естественно, правила ст. 51 Конституции ему не разъясняются, а адвокат в допросе не

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 5. – С. 5.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 10. – С. 9.

участвует. И лишь после получения признания допрашиваемого оформляется протокол его задержания в порядке ст. 224 УПК, и допрос повторяется с участием адвоката. Такая порочная практика должна пресекаться прокурорами и судами.

Неурегулированность в законе процессуального положения, осужденного при его допросе по выделенному делу повлекла практику допроса его в качестве свидетеля. На недопустимость такого решения вопроса в свое время указывалось в литературе¹.

Необходимо, наконец, отметить, что в отдельных случаях закон прямо запрещает использование некоторых источников (ст. 56 УПК, ФЗ РФ от 19.09.1997. «О свободе совести и религиозных объединениях»), либо предписывает определенные обстоятельства устанавливать с использованием только экспертизы (ст. 196 УПК).

3. Важным условием допустимости доказательств является получение их путем надлежащих процессуальных действий, предусмотренных законом для этой цели.

Собирание доказательств, как уже указывалось, осуществляется лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судом в ходе процессуальных действий, к которым относятся:

- 1) следственные (судебные) действия;
- 2) истребование предметов и документов;
- 3) представление доказательств участниками процесса, гражданами и организациями.

Основная масса доказательств собирается в ходе следственных и судебных действий. Порядок производства каждого из этих действий достаточно подробно регламентирован уголовно-процессуальным законом.

На основании закона также решается вопрос о том, какое действие следует производить для получения конкретных видов доказательств. Только соблюдение этих двух условий позволяет получить допустимые доказательства.

Случаи замены должного следственного действия другим в практике встречаются относительно редко (если не считать допроса подозреваемого в качестве свидетеля, о чем говорилось выше). К числу таких случаев следует отнести производство обыска под видом осмотра места происшествия.

¹ См.: Хмыров А.А. Актуальные проблемы доказывания по уголовным делам / А.А. Хмыров // Укрепление законности и борьба с преступностью в условиях формирования правового государства. – М., 1990. – С. 151.

Не менее существенно нарушаются эти права, когда вместо выемки производится обыск.

Много споров в своё время было вокруг не предусмотренного Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, но известного ряду бывших союзных республик следственного действия – проверки показаний на месте. Одни авторы выступали горячими сторонниками проведения этого следственного действия, считая его достаточно эффективным средством получения новых доказательств¹. Другие не менее горячо протестовали против подобной практики, полагая, что такая проверка может проводиться лишь в форме осмотра места происшествия с участием обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего, но не должна рассматриваться в качестве самостоятельного следственного действия, и её результаты не могут допускаться в качестве доказательств².

Практика, испытывая необходимость во многих случаях проверить показания лица путём сопоставления их с обстановкой места, о котором идёт речь в этих показаниях, пошла по пути оформления такого действия либо как осмотра, проведённого с участием допрошенного лица, либо как следственного эксперимента, если проверка связана с реконструкцией обстановки данного места или воспроизведением действий, осуществлявшихся на нем. Подобный взгляд на проверку показаний на месте нашёл отражение в современной учебной литературе³.

На наш взгляд, такое решение вопроса представляется не только соответствующим потребностям практики, но и правильным по существу. Действительно, содержание проверки показаний на месте включает в себя одновременно все указанные элементы – и допроса, и следственного эксперимента, и осмотра. Именно сочетание всех этих элементов и позволяет получить новые фактические данные, что вряд ли достижимо при проведении по отдельности осмотра, эксперимента и допроса. В настоящее

¹ См.: Васильев А.Н. Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений / А.Н. Васильев; С.С. Степичев. – М., 1959; Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. – М., 1962. – С. 301. [и др.]; Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 1967. – С. 272 [и др.].

² См.; Александров Г., Строгович М. Неправильная практика / Г. Александров, М. Строгович // Соц. законность. – 1960. – № 3.; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1968. – Т. 1. – С. 423–427 [и др.].

³ См.; Уголовный процесс : учебник для вузов. – Изд. Четвертое, перераб. и допол. – М., 2000. – С. 251–252 (автор главы А.И. Трусов).

время эта проблема снята выведением в УПК РФ ст. 194 – «Проверка показания на месте».

В практике расследования возникают трудности с процессуальным оформлением предметов и документов, полученных по запросу следователя либо представленных участниками процесса, организациями и гражданами по собственной инициативе. Во многих случаях лица, ведущие дознание, и следователи составляют на этот счёт «протоколы изъятия» либо «добровольной выдачи» интересующих следствие предметов и документов. Это нельзя признать правомерным, и некоторые авторы на этот счёт высказываются вполне категорично: «Представляется, что фактические данные, полученные путём проведения «процессуальных» действий, не предусмотренных законом, во всех случаях должны признаваться недопустимыми»¹.

Мы не склонны разделять такую категоричность, поскольку подобное «творчество» работников следственных органов вызвано не нарушением действующего закона, а проблемой в законодательной регламентации.

4. Весьма важным условием допустимости доказательства является соблюдение установленного процессуальным законом порядка их получения.

Нарушения этого порядка отрицательно сказываются на осуществлении задач уголовного судопроизводства. Закон требует от всех субъектов доказывания не только использовать при собирании доказательств лишь те следственные действия, которые указаны в УПК, но и строго соблюдать установленный порядок их производства. Прежде всего, закон (ч. 4 ст. 164 УПК) запрещает при производстве следственных действий применение насилия, угроз и иных незаконных мер. Доказательства, полученные с нарушением этого запрета, безусловно, недопустимы.

Одним из конституционных принципов уголовного судопроизводства является обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, включая возможность пользоваться помощью адвоката с момента задержания, ареста или предъявления обвинения. Суды последовательно исключают из числа доказательств протоколы допросов обвиняемых, проведённые без участия защитника.

¹ См.: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 1991 года. – М., 1991. – С. 10.

Однако поскольку пользование помощью адвоката при допросе – право, а не обязанность обвиняемого, Верховный Суд не исключает из числа доказательств показания обвиняемого, данные в отсутствие адвоката, от услуг которого он отказался (разумеется, если этот отказ не был вынужденным).

В соответствии со ст. 16, 164, 267, 268–270 следователь и суд обязаны разъяснить всем участникам следственного действия и судебного следствия их права. Отсутствие такого разъяснения влечёт признание полученных доказательств недопустимыми. Чаще всего подобные нарушения относятся к разъяснению ст. 51 Конституции Российской Федерации.

К числу подобных нарушений относится и необеспечение участия в деле переводчика, когда обвиняемый не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведётся судопроизводство.

В тех случаях, когда проведением следственного или оперативно-розыскного действия затрагиваются гарантированные Конституцией права граждан на неприкосновенность жилища, частной жизни, тайну переписки, телефонных и иных сообщений, право на свободу и личную неприкосновенность, закон требует соблюдения особых гарантий.

Важное значение придаёт законодатель и участию понятых и заинтересованных лиц в производстве обыска, что прямо предусмотрено ст. 170 и 182 УПК.

Достаточно часто встречаются в практике нарушения порядка предъявления для опознания. Нарушения эти бывают различными по характеру: предъявление вместе с опознаваемым лиц, резко отличающихся от него по внешности, либо ранее знакомых опознающему; предварительный показ опознаваемого в такой обстановке, в которой опознающему явно давалось понять, кого именно он должен «узнать», и т.п. Встречаются даже такие случаи, когда опознаваемый предъявлялся для опознания один, а не в группе других лиц, как этого требует закон.

Указанные и многочисленные другие случаи признания не имеющими юридической силы доказательств, полученных с нарушением установленного процессуальным законом порядка производства следственных действий, свидетельствуют о важном значении и этого условия допустимости доказательств.

5. Не менее важной проблемой является определение порядка признания доказательств недопустимыми.

Процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми регламентируется ч. 2, 3 и 4 ст. 88 УПК. Прокурор, следователь или дознаватель вправе признать доказательство недопустимым как по собственной инициативе, так и по ходатайству подозреваемого или обвиняемого. Об этом они выносят постановление. Доказательство, признанное недопустимым, не подлежит включению в обвинительное заключение или обвинительный акт.

Суд вправе признать доказательство недопустимыми по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном ст. 234 и 235 УПК. Эти статьи относятся к регламентации предварительного слушания.

Разрешение вопроса о недопустимости тех или иных доказательств именно на предварительном слушании вполне логично. Однако закон (ч. 2 ст. 235 УПК) не ограничивает права лица, получившего ранее отказ в удовлетворении ходатайства, заявить его снова. В связи с этим обсуждение ходатайства о недопустимости доказательств, в котором было отказано на предварительном слушании, может быть вновь возбуждено в судебном разбирательстве. Наличие такой нормы, а также указания ст. 335 УПК на возможность заявлять ходатайства об исследовании доказательств, исключенных ранее судьей из разбирательства, на наш взгляд предполагает и возможность ходатайствовать об исключении из рассмотрения конкретных доказательств (в связи, например, с обстоятельствами, выяснившимися в ходе судебного следствия, либо повторным ходатайством об исключении доказательств, в удовлетворении которого было отказано на предварительном слушании).

На практике суды признают доказательства недопустимыми при постановлении приговора либо в ходе судебного следствия. В специальной литературе высказывается мнение о том, что данный вопрос может решаться судом, как в подготовительной части судебного разбирательства, так и в ходе судебного следствия по ходатайству сторон или собственной инициативе после выслушивания мнений участников процесса. Предлагается решать этот вопрос со ссылкой на Конституцию РФ как на нормативный акт высшей юридической силы и прямого действия путем мотивированного постановления, выносимого в совещательной комнате¹.

¹ Попов В. Типичные ошибки при определении судом допустимости доказательств / В. Попов // Российская юстиция. – 2001. – № 1. – С. 52.

*Полухин В.М.,
преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права,
ПФ ФГБОУВО «РГУП»*

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗУМНОГО СРОКА ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

На современном этапе развития процессуальной науки уже сложилось широкое представление о разумном сроке уголовного судопроизводства, включенном, по рекомендации Европейского суда по правам человека, в систему российских внутригосударственных средств защиты права на судебную защиту в 2010 году. С этого времени данный процессуальный институт, в силу его международной и национальной неоднократно подвергался законодательной корректировке, последняя из которых, произошла по решению Конституционного Суда Российской Федерации в июне 2019 года. Названный принцип в системе международного и отечественного механизма обеспечения гарантий эффективного и справедливого правосудия занимает одно из главных мест. Однако, несмотря на созданную серьезную нормативную базу, учитывающую международный опыт правосудия, случаи нарушения разумной длительности уголовного судопроизводства в практике следственных органов не являются редкостью. Что в большой степени делает актуальным обращение к исследованию проблем обеспечения разумного срока досудебного производства.

Первоочередная задача обеспечения судом разумного срока в досудебных стадиях уголовного процесса определяется тем, что именно в рамках досудебного производства запускается и развивается механизм уголовного судопроизводства. Принятие решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, с одной стороны, возможно только при тщательной проверке всех материалов, подтверждающих либо опровергающих наличие признаков совершенного преступления, с другой стороны, эта деятельность должностных лиц не должна быть чрезмерно длительной, чтобы не допустить ненужной волокиты, нарушения прав лиц, пострадавших от преступления, иных заинтересованных лиц.

В ходе производства предварительного расследования, несмотря на наличие законодательно закрепленных уголовно-процессуальных сроков, возможно нарушение разумной длительности производства, как всей стадии в целом, так и производства отдельных процессуальных действий, поскольку соблюдение процессуальных сроков не влечет соблюдения разумного срока судопроизводства.

В ином случае не потребовалось бы введения категории «разумный срок досудебного производства» на фоне действующих положений о процессуальных сроках.

Имея общую «временную» природу с процессуальными сроками, разумный срок досудебного производства имеет близкое им назначение, которое способствует:

- быстрому раскрытию преступлений, изобличению виновных;
- своевременному осуществлению участниками уголовного процесса своих прав и соблюдению ими обязанностей;
- защите прав и законных интересов личности;
- достижению уголовным судопроизводством своего назначения¹.

Обеспечение требования разумной длительности досудебного производства требует наличия определенного процессуального инструментария, под которым и понимаются специальные процессуальные средства.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 13 июня 2019 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова» признал что «часть третья статьи 6.1 УПК Российской Федерации в той мере, в какой она позволяет при определении разумного срока уголовного судопроизводства для лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред (признанного в установленном уголовно-процессуальным законом порядке потерпевшим), не учитывать период со дня подачи им заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела об этом

¹ Никольский В.В. Система гарантий обеспечения сроков досудебного производства по уголовным делам / В.В. Никольский // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 2(127). – С. 216.

преступлении в случаях, когда производство по данному уголовному делу завершилось постановлением обвинительного приговора, не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 17, 46 (части 1 и 2) и 52»¹.

К числу средств защиты права на разумный срок уголовного судопроизводства применяемых судом, на наш взгляд, могут быть отнесены право обжалования в соответствии со ст. 123 и 125 УПК РФ.

По данным общероссийской судебной статистики «за 2018 год в районных судах было рассмотрено 2 млн 795,2 тыс. представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) (за 2017 год – 2 млн 243,7 тыс.; 2016 год – 2 млн 300,2 тыс.). Число жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство (ст. 125 УПК РФ) составило цифру 121,9 тыс. (за 2017 год – 120,1 тыс.; 2016 год – 125,3 тыс.)»². Приведенная статистика говорит о том, что число подаваемых в суд представлений, ходатайств и жалоб остается стабильно высоким.

По смыслу ст. 125 УПК РФ и положений постановления Пленума Верховного Суда РФ, в судебном порядке, помимо прочего, могут быть обжалованы: отказ в приеме сообщения о преступлении либо бездействие при проверке этих сообщений; постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении предварительного расследования и другие³. К субъектам, чьи действия (бездействие) и решения могут быть обжалованы можно отнести практически всех должностных осуществляющих производство по делу в досудебных стадиях уголовного процесса. Право согласно УПК РФ, предоставляется как участникам процесса, так и иным субъектам, чьи права и законные интересы могут быть затронуты действиями (бездействием) или решениями должностных

¹ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № 23-П // Собрание законодательства РФ. 2019. № 25. Ст. 3315.

² Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2018 году. – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>; Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2017 году. – URL : http://www.cdep.ru/userimages/sudebnayastatistika/2018/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYu_2017.pdf

³ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1 (ред. от 24.05.2016).

лиц, осуществляющих предварительное расследование. Причиной такого широкого определения круга лиц, имеющих возможность подавать жалобу, является то, что как справедливо отмечает О.В. Качалова «обеспечение прав и свобод человека вытекает из фактического положения этого лица»¹.

Важность и необходимость обжалования нарушения принципа разумного срока подтверждается и судебной практикой.

Исходя из того, что предметом обжалования в суд являются непосредственно те действия (бездействие) и решения уполномоченных должностных лиц, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию², суду следует удостовериться, что в ответ на жалобу заявителя в случае выявления нарушений будут предприняты все необходимые меры по восстановлению прав лица, подающего жалобу.

На наш взгляд, суд может и должен указывать на конкретные процессуальные действия и решения, которые следует произвести или принять соответствующим органам, осуществляющим уголовное преследование и органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, по выявлению и пресечению преступлений, а также проверке поступивших заявлений и иных сообщений о совершенном или готовящемся преступлении для исключения нарушения разумного срока уголовного судопроизводства. При этом суду не следует принимать на себя несвойственную функцию обвинения или защиты, предопределяя результат действий и решений, о необходимости производства и принятия которых будет указываться судом.

К примеру, своевременное назначение и производство судебной экспертизы является одним из важных средств обеспечения разумного срока производства по уголовному делу. Вопрос о назначении экспертизы является очевидным уже на первоначальном этапе производства по уголовному делу. Наличие изъятых следов предполагает в целях их максимальной сохранности

¹ Качалова О.В. Средства защиты права на разумный срок в ходе досудебного производства по уголовным делам // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 3(17). – С. 24–25.

² О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 29.11.2016 г.) п. 3. // Рос. газета. № 27. 18.02.2009.

принятие решения о назначении экспертизы и отправление ее для производства в экспертное учреждение. Однако решение указанного вопроса растягивается на длительный период времени, что приводит не только к волоките, но и к утрате следов, их порче, которая не позволяет получить достоверный результат. Одним из оснований несвоевременного назначения экспертизы является отсутствие необходимых образцов или документов для ее проведения. Указанное основание имеет субъективный характер, который связан с деятельностью следователя, не изъявшего своевременно образцы или документы¹. Однако «принуждение» судом следователя назначить и произвести судебную экспертизу никак не вызывает у суда какого-либо предубеждения, обвинительного или защитительного уклона.

Действенным способом разрешения исследуемой проблемы и более эффективного обеспечения прав лиц на осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок является, на наш взгляд, прямое указание в постановлении суда на те действия и решения, которые следует произвести или принять органу предварительного расследования.

Для этого следует дополнить ст. 125 УПК РФ частью 5.1 следующего содержания «По результатам рассмотрения жалобы на постановление органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые нарушают принцип разумного срока уголовного судопроизводства, суд указывает на конкретные процессуальные действия и решения, которые следует произвести в целях устранения препятствий в реализации данного принципа».

¹ См. подробнее: Мордвинов А.В. Своевременное назначение судебной экспертизы как средство обеспечения разумного срока производства по уголовному делу / А.В. Мордвинов // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2018. – Т. 28. – № 2. – С. 287–290.

*Помазанов В.В.,
канд. тех. наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики,
ФГБОУВР «КубГАУ»*

*Грицаев С.И.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики,
ФГБОУВР «КубГАУ»*

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Преступность, как и любое социальное явление не является статичным, она постоянно изменяется под воздействием различных явлений и процессов. При этом ее изменения носят как количественный, так и качественный характер и по своей сути связаны с необходимостью адаптации к изменяющимся обстоятельствам окружающей действительности.

Статистические данные МВД России¹ свидетельствуют о том, что за последний годы при совершении преступлений в России все чаще используются информационные технологии. При этом речь идет не о постепенном, незначительном повышении, а о повсеместном резком рывке данного вида преступности (согласно приведенной статистике, рост за январь-октябрь 2020 года ставил 75,1 %, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года).

Безусловно, в большей мере информационные технологии используются при хищениях денежных средств граждан, как в форме краж, так и путем обмана последних (т.е. путем мошенничества), а также при незаконном сбыте наркотических средств².

Использование технологий информационного обмена при совершении преступлений обусловлено несколькими факторами, а именно:

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - октябрь 2020 года. – URL : <https://мвд.рф/reports/item/21933965> (дата обращения 01.01.2021).

² Помазанов В.В. Криптовалюта: криминалистическое прогнозирование / В.В. Помазанов, С.И. Грицаев // Российский следователь. – 2018. – № 11. – С. 19–23.

1) повсеместным распространением информационных технологий и их доступностью для населения (большая часть данных технологии стали доступны населению благодаря появлению смартфонов и программного обеспечения к ним, такого как приложения социальных сетей, мессенджеров, программ удаленного доступа, приложений «онлайн-банк», а также приложений анонимайзеров, в том числе позволяющих изменять свой IP-адрес при администрировании в сети «Интернет»);

2) возможностью достижения практически полной анонимности при совершении хищений, распространении веществ, запрещенных к свободному обороту на территории Российской Федерации (последняя достигается путем использования программ анонимайзеров, Интернет-ресурсов так называемого «DarkNet», а также «ботов», которые в совокупности позволяют практически анонимно приобретать и распространять запрещенные к свободному обороту предметы и вещества);

3) обеспечение возможности совершения преступлений на неограниченной территории (последняя в свою очередь ограничивается лишь возможностями телекоммуникационной сети, а при использовании спутникового оборудования в настоящее время является практически неограниченной на территории земного шара);

4) сложностью установления лица, совершившего преступление (обуславливается вышеперечисленными причинами, а также ограниченными возможностями правоохранительных органов, в части технико-криминалистического обеспечения расследования и препятствиями правового характера, предусматривающими обязательность соблюдения установленного порядка проведения отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, длительностью получения ответов на направленные запросы и др.).

Внедрение информационных технологий в преступную среду обусловило необходимость использования последних и при расследовании совершенных преступлений. В настоящее время информационные технологии используются сотрудниками правоохранительных органов при расследовании большинства преступлений, что существенно помогает повысить оперативность сбора криминалистически значимой информации, приводит к сокращению срока расследования и установлению всей полноты обстоятельств по уголовному делу (установлению истины).

Одним из основных средств позволяющим сотрудникам правоохранительных органов использовать информационные технологии с целью повышения эффективности производства предварительного расследования является так называемая система ИСОД МВД, включающая в себя множество систем обработки информации, программно-аппаратных комплексов и программно-технических средств, систем связи и передачи данных¹. Она позволяет уполномоченным сотрудникам, (получившим возможность использования данной системы в надлежащем порядке) в рамках проведения предварительной проверки и при производстве предварительного расследования оперативно получать информацию, которая может иметь значение для расследуемого преступления, а именно:

- 1) анкетные данные физического лица (паспортные данные, копию формы 1П, сведения обо всех адресах регистрации, в том числе временной);
- 2) сведения о паспортных данных близких проверяемого лица (отца, матери и супруги);
- 3) сведения об индивидуальном налоговом номере;
- 4) сведения обо всех юридических лицах, в которых проверяемое лицо является директором или участником;
- 5) сведения обо всех открытых (закрытых) банковских счетах, зарегистрированных на имя проверяемого лица;
- 6) сведения о зарегистрированных на имя проверяемого лица транспортных средствах;
- 7) сведения о выданных водительских удостоверениях;
- 8) сведения о правонарушениях, совершенных проверяемым лицом или при использовании его автотранспорта;
- 9) изображение лица проверяемого;
- 10) изображение и последнее месторасположение транспортного средства, зафиксированного камерами систем типа «Поток»;
- 11) в некоторых случаях – абонентские номера, используемые проверяемым лицом и иные сведения.

¹ Грицаев С.И. Автоматизированное рабочее место следователя при производстве расследования: возможности и применение / С.И. Грицаев, В.В. Помазанов // Российский следователь. – 2019. – № 2. – С. 10–14.

Казалось бы, что описанная выше система, использующая новейшие технологии достаточна и даже чрезмерна (по мнению ряда правоведов, является нарушением неприкосновенности частной жизни¹) и может в полном объеме обеспечить потребности правоохранительных органов в части оперативного (практически мгновенного) получения информации достаточной для успешного расследования преступлений. Но как показывает практика это, к сожалению, не совсем так.

К сожалению, стоит отметить, что на данный момент времени законодательство Российской Федерации не обеспечивает оптимальных условий борьбы со стремительно развивающейся и киберпреступностью. Об этом свидетельствует, например то, что действующее законодательство не позволяет сотрудникам правоохранительных органов даже при проведении предварительного расследования по возбужденным уголовным делам получать сведения, содержащиеся в детализации телефонных переговоров физических лиц. Даже в отношении детализации телефонных переговоров потерпевших, в том числе в случаях, когда последние ходатайствуют о незамедлительном получении данных сведений у оператора мобильной связи. Возможность получения вышеуказанных сведений действующее законодательство допускает лишь на основании решения суда (п. 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). При этом, получение данного судебного решения отнюдь не является оперативным и в некоторых случаях может затянуться на неделю. После его получения лицо, проводящее предварительное расследование преступления, направляет надлежащим образом оформленный запрос интересующему оператору мобильной связи (наименование которого прямо должно быть указано в резолютивной части постановления суда), получение же ответа может занять от нескольких дней до нескольких недель, а если говорить об ответах на запрос к социальным сетям или мессенджерам (получение информации от которых к слову не требует получения постановления суда за исключением личной переписки), то и несколько месяцев.

¹ Аберхаев Э.Р. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблемы реализации / Э.Р. Аберхаев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2008. – № 1. – С. 90–94.

Имеющаяся в распоряжении правоохранительных органов так называемая система «ИБД-Ф»¹ с используемым модулем «Дистанционное мошенничество», которая своевременно помогает выявлять совершаемые преступления с использованием аналогичных абонентских номеров, банковских счетов или анкетных данных физических и юридических лиц на территории Российской Федерации, а также IMEI номера мобильных устройств, использовавшихся при совершении других хищений. Использование данной системы позволяет практически мгновенно получать сведения, на истребование которых ранее ушло бы около месяца. Безусловно, эффективность работы данной системы напрямую зависит от своевременности внесения сведений о результатах проведения расследования по аналогичным преступлениям.

При расследовании хищения транспортных средств, как и любых других преступлений, совершаемых с использованием транспортных средств, сотрудники правоохранительных органов получают существенную помощь при использовании возможностей систем типа «Поток»² и ЦАФАП (центра автоматизированной фиксации административных правонарушений). Указанные системы в автоматическом режиме способны фиксировать передвижение автотранспортных средств с идентификацией последних, что в свою очередь позволяет устанавливать маршрут передвижения транспортных средств и как следствие, возможные каналы и места сбыта похищенного имущества.

Использование высоких технологий также позволяет идентифицировать лиц, совершивших хищения денежных средств дистанционным способом (например, под предлогом защиты денежных средств от непредвиденных списаний или под видом помощи родственнику якобы попавшему в ДТП и т.д.). Так, при анализе детализаций телефонных переговоров потерпевшего с лицом, совершившим хищение, (при использовании мощностей оператора мобильной связи, оказывающего услуги связи потерпевшему)

¹ Официальный сайт ЗАО «Инфосеть-С». – URL : <http://www.infonet-c.ru/examples/integrirrovannye-banki-dannyx-mvd/ibd-f-integrirrovannyj-bank-dannyx-federalnogo-urovnya> (дата обращения 02.01.2021).

² Официальный сайт ЗАО «РОССИИ». – URL : <https://rossi.ru/potok> (дата обращения 02.01.2021).

возможно установить так называемое «направление связи» т.е. того оператора мобильной связи, при использовании ресурсов которого злоумышленник фактически совершил соединение с абонентским номером потерпевшего. При этом установление фактического оператора связи злоумышленника происходит вне зависимости от использования последним программ «анонимайзеров», что впоследствии приводит к установлению сведений об абонентском устройстве (или персональном компьютере), использовавшемся для осуществления соединения с абонентским номером потерпевшего. Конечно, установление устройства имеет немаловажное значение, для расследуемого уголовного дела, но недостаточное для привлечения виновного к предусмотренной законом ответственности, в связи с чем, сотрудники правоохранительных органов проводят комплекс оперативно-розыскных мероприятий (носящих негласный характер) с использованием средств вычислительной техники и специального программного обеспечения, по результату проведения которых возможно установить точное местонахождение (с точностью до нескольких метров) устройства и соответственно злоумышленника.

Следует отметить, что правоохранительные органы постепенно переходят на электронный документооборот, как с банковскими учреждениями, так и с операторами мобильной связи, что в перспективе позволит существенно снизить сроки предоставления истребованной информации, в связи с исключением времени на отправку почтовых отправлений и времени нахождения в пути последних.

Таким образом, бурное развитие информационных технологий с одной стороны способствовало широкому распространению некоторых видов преступлений (так называемых «дистанционных хищений» и др.), но, с другой стороны, активное их внедрение в практику расследования преступлений позволяют существенно повысить эффективность его производства за счет оперативного получения необходимой криминалистически значимой информации.

*Ротар А.И.,
старший преподаватель
кафедры юриспруденции,
ФГБОУ ВО «СВГУ»,
адвокат Магаданской
областной коллегии адвокатов*

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ОБВИНЯЕМЫМ

Одним из важнейших этапов предварительного расследования является привлечение лица в качестве обвиняемого, именно на этом этапе решается вопрос об обоснованности уголовного преследования в отношении конкретного лица за совершение определенного преступления, устанавливаются пределы уголовного преследования.

Значение привлечения лица в качестве обвиняемого состоит и в том, что с появлением такого участника уголовного судопроизводства, как обвиняемый, связано возникновение особых публичных уголовно-процессуальных отношений между лицом, признанным обвиняемым и государством в лице уполномоченных органов и должностных лиц, что порождает комплекс прав и обязанностей.

С одной стороны, государство при определенных обстоятельствах, предусмотренных законом, имеет право ограничить конституционные права и свободы обвиняемого. Так в соответствии со ст. 98, ст. 107, ст. 108 УПК РФ к обвиняемому в качестве мере пресечения по судебному решению могут быть применены домашний арест и заключение под стражу, ограничивающие его право на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренное ч. 1 ст. 22 Конституции РФ.

С другой стороны, лицо, обвиняемое в совершении преступления, после вынесения соответствующего постановления следователя официально приобретает процессуальный статус обвиняемого, узнает о сущности обвинения, а значит, получает возможность активно участвовать в уголовном судопроизводстве, реализуя комплекс предоставленных ему прав, закрепленных в ст. 47 УПК РФ.

Рассмотрим отдельные нормы УПК РФ, направленные на реализацию права на доступ к правосудию обвиняемым.

Представляется, что к таким правилам-гарантиям можно отнести: требование наличия достаточных обвинительных доказательств, для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ); своевременное вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого; требование указания в соответствующем постановлении следователя пункта, части, статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации, предусматривающих ответственность за данное преступление (п. 5 ч. 1 ст. 171 УПК РФ), своевременное и проведенное по нормам закона предъявление обвинения (ст. 172 УПК РФ), разъяснение сущности обвинения и прав обвиняемого по ст. 48 УПК; требования к правилам допроса обвиняемого с особенностями, установленными для такого допроса ст. 173 УПК РФ, ограничения связанные с применением мер принуждения.

Один из важнейших вопросов – вопрос о моменте (сроке, периоде) привлечения лица в качестве обвиняемого. Закон не устанавливает и не может установить специального срока, то есть момента, когда следователь должен вынести постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. Данный момент является оценочным и определяется следователем исходя из конкретной следственной ситуации, особенностей конкретного уголовного дела.

Своевременное привлечение лица в качестве обвиняемого имеет большое значение для обеспечения законности при производстве по уголовному делу. Постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого не может быть вынесено поспешно и базироваться на информации, в недостаточной степени, подтвержденной доказательствами, поскольку в результате, возрастает риск признать обвиняемым лицо, непричастное к совершению преступления. Затягивание принятия решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, приведет к тому, что большая (значительная) часть стадии предварительного расследования пройдет без участия в деле лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, а соответственно будет нарушено право последнего на защиту, что в свою очередь повышает риск осуждения невиновного. Поэтому, как справедливо отмечено М.С. Строговичем, «...равно недопус-

тимо как скороспелое привлечение в качестве обвиняемого, без получения серьезных доказательств виновности данного лица, так и искусственная задержка привлечения, оттягивание его к концу следствия, когда фактически исследование обстоятельств дела уже завершилось без участия обвиняемого и возможность оспаривания обвинения на самом же предварительном следствии для обвиняемого очень затруднена»¹.

Исследование материалов уголовных дел, по которым проводилось расследование следственным отделом УМВД г. Магадана, а также СУ СК РФ по Магаданской области, По большинству дел уголовных дел постановление о привлечении в качестве обвиняемого вынесено по истечении 1–1,5 месяцев после начала предварительного следствия; в 30–40 % такое решение выносилось через 3–5 месяцев после начала предварительного следствия; редко (10–20 %) постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносится в течение 2–3 недель после начала предварительного следствия.

Показательным является тот факт, что по за частую (60–70 %) постановление о привлечении в качестве обвиняемого было вынесено. Таким образом, в большинстве изученных уголовных дел, основная часть предварительного следствия прошла без участия обвиняемого, и, соответственно, под большим вопросом находится соблюдение права обвиняемого на защиту.

В практике встречаются случаи, когда крайне позднее привлечение в качестве обвиняемого нарушило права лица, обвиняемого в совершении преступления. Так, Европейский Суд в результате предварительного рассмотрения дела 16 августа 2000 г. установил несколько серьезных нарушений процессуального законодательства РФ, ущемляющих права обвиняемых, включая тот факт, что лица, предположительно виновные в совершении преступления, не были привлечены к делу в качестве обвиняемых до 25 апреля 2000 г., что повлекло недопустимость всех собранных доказательств. Дело было передано для проведения повторного расследования и позднее прекращено следственными органами, в том числе в связи с признанием невозможности устранить

¹ Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / М.С. Строгович; под ред. д-ра. юрид. наук, профессора В.М. Савицкого. – М. : Изд-во «НАУКА», 1984. – С. 32.

нарушения процессуального законодательства РФ, допущенные следователями в течение первых пяти месяцев предварительного расследования. В силу природы доказательств, признанных судом недопустимыми, по всей видимости, они не могли быть повторно использованы после направления дела для проведения повторного расследования, и при этих обстоятельствах не является удивительным то, что производство по уголовному делу было окончательно прекращено за отсутствием состава преступления¹.

Обвиняемый обладает правом на защиту, как лично, так и с помощью защитника. Это определяющее право обвиняемого, закрепленное в положениях ст. 16, ч. 3 ст. 47; п. 8, 9 ч. 4, ст. 47; ст. 49, ст. 50, ст. 51, 52, 53 УПК РФ, полностью соответствует п. «а», п. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Конституция Российской Федерации также прямо закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе, бесплатной, в случаях, предусмотренных законом (ст. 48 Конституции РФ).

Установление конкретного срока предъявления обвинения (в течение трех суток с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого) является одной из важных гарантий реализации обвиняемым права «быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения», данная гарантия закреплена в Конвенции о защите прав человека и основных свобод². В случае неявки обвиняемого или его защитника в назначенный следователем срок, а также когда место нахождения обвиняемого не установлено, обвинение предъявляется в день фактической явки обвиняемого или в день его привода.

Основной гарантией законности предъявления обвинения, а соответственно и законного привлечения в качестве обвиняемого, является закрепление в законе основных элементов процедуры предъявления обвинения (ч. 3 ст. 172 УПК РФ), которая включает:

- 1) удостоверение в личности обвиняемого;

¹ Дело «Маслова и Налбандов (Maslova and Nalbandov) против Российской Федерации» (жалоба № 839/02): Постановление ЕСПЧ от 24.01.2008 // Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 1.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163. (п. «а» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод человека).

2) объявление постановления о привлечении в качестве обвиняемого (в форме самостоятельного прочтения обвиняемым и его защитником либо в форме зачитывания следователем, с обязательным отражением в постановлении в какой форме оно объявлено);

3) разъяснение обвиняемому его прав, закрепленных в ст. 47 УПК РФ.

Предъявление обвинения в соответствии с действующим УПК РФ может быть реализовано на любой стадии до окончания сроков предварительного расследования. Последнее, на этом не заканчивается, «а продолжается с участием обвиняемого»: «обвиняемый допрашивается, представляет свои объяснения, возражения, ходатайства и т.д. Вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого и связанное с ним предъявление обвинения, направляют ход дальнейшего предварительного расследования, связанного с непосредственным участием в нем обвиняемого и объективно входящего в качественно новый этап. Представляется, что для обеспечения большей законности и объективности предварительного расследования в целом, при процедуре предъявления обвинения, помимо разъяснения обвиняемому его процессуальных прав, необходимо также разъяснять ему его процессуальные обязанности, от реализации которых напрямую зависит не только реализация обвиняемым его прав, но и во многом ход дальнейшего предварительного расследования по уголовному делу. К таким обязанностям можно отнести следующие: являться по вызовам в назначенное время, не препятствовать незаконными действиями установлению обстоятельств по делу и т.д. Полагаем, что необходимо также разъяснять последствия невыполнения этих обязанностей (привод, изменение меры пресечения на более строгую и т.д.).

Заключительным действием следователя по предъявлению обвинения является вручение обвиняемому и его защитнику копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а также, направление аналогичной копии прокурору для осуществления надзорных полномочий за процессуальной деятельностью следователя. Данная норма представляет собой Важную гарантию обвиняемого от незаконного и необоснованного обвинения, так как не

только позволяет стороне защиты обжаловать данное постановление, но дает предпосылку для осуществления надзора за предъявленным обвинением со стороны прокуратуры.

Последний, но не менее важный и значимый, этап в процедуре привлечения лица в качестве обвиняемого – допрос обвиняемого.

Допрос обвиняемого является способом обеспечения одного из важнейших прав обвиняемого – давать показания по предъявленному обвинению и в интересах собственной защиты (п. 6, ч. 3, ст. 47 УПК РФ). Реализация этого права в значительной мере необходима и следовательно, для которого служит средством получения доказательства – показаний обвиняемого и тем самым одним из важнейших способов проверки правильности сформулированной по делу версии обвинения.

Допрос является одним из видов следственных действий, поэтому значительная часть гарантий законности допроса обвиняемого предусмотрена общими правилами производства следственных действий и правилами, регламентирующими допрос. К таким гарантиям следует отнести: запрет на производство допроса в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства (ч. 3 ст. 164 УПК РФ), недопустимость применения насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создания опасности для жизни и здоровья участвующих в нем лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ), закрепление в УПК РФ случаев обязательного участия защитника, переводчика, законного представителя (ст. 51, ст. 18, п. 7 ч. 4 ст. 47, 48, ч. 1, ст. 189 УПК РФ), запрет на проведение допроса непрерывно более четырех часов (ч. 2 ст. 187 УПК РФ) установление требования перерыва не менее чем на один час для отдыха и принятия пищи (ч. 3 ст. 187 УПК РФ), установление предельной продолжительности допроса обвиняемого не более восьми часов в день. Кроме того, при допросе несовершеннолетнего обвиняемого продолжительность допроса сокращена вдвое (ч. 1 ст. 425 УПК РФ).

После предъявления обвинения и до начала допроса в рамках обеспечения права обвиняемого на защиту следователь обязан обеспечить обвиняемому право «иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, ... без ограничения их числа и продолжительности» (п. 9 ч. 4 ст. 47 и ч. 1 ст. 173 УПК РФ), а в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня

заявления ходатайства о приглашении защитника следователь или суд вправе предложить подозреваемому или обвиняемому другого защитника. Как уже было сказано выше, право на защиту является основным неотъемлемым правом и закреплено не только в Конституции РФ, но и в международном праве¹, его нарушение может повлечь возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 271 УПК РФ, такие примеры в следственной и судебной практике существуют.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 06 ноября 2008 г. постановление Тюменского областного суда о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 271 УПК РФ оставила без изменения, а представление прокурора – без удовлетворения, указав следующее².

В силу ст. 237 УПК РФ уголовное дело подлежит возвращению прокурору при наличии препятствий для его рассмотрения. Такое препятствие было вызвано нарушением права Б. на защиту, ввиду того, что он был лишен возможности пригласить защитника по своему усмотрению, лишен права на участие в деле защитника, с которым было заключено соглашение, так как обвинение Б. было предъявлено с участием адвоката по назначению следователя, а такое назначение следователя последовало, в нарушение УПК РФ, до истечения 5 суток после первой неявки защитника при ходатайстве последнего об отложении допроса.

Закон не ограничивает следователя в выборе тактики допроса, за исключением запрета задавать наводящие вопросы (ч. 2 ст. 189 УПК РФ). Допрос обвиняемого проводится по всем пунктам предъявленного обвинения с выяснением всех обстоятельств, послуживших основанием для привлечения его в качестве обвиняемого. После того как обвиняемый даст показания ему могут быть заданы вопросы.

Еще один важное процессуальное правило касается вопроса соответствия обвинения, предъявленного в ходе предварительного следствия – итоговому обвинению, излагаемому по его окончании.

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 2001. 08 янв. № 2. Ст. 163. (п. «с» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод человека).

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.11.2008 № 89-О08-62 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 8.

Пленум Верховного суда в постановлении от 05 марта 2004 года № 1 указал в качестве одного из вида нарушений требований уголовно-процессуального закона, предусмотренных ст. 220, 225 УПК РФ, допускаемых при составлении обвинительного заключения или обвинительного акта, несоответствие обвинения, изложенного в обвинительном акте, обвинению, изложенному в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, отнеся такое нарушение к ряду нарушений, исключающих возможность принятия судом решения по существу дела на основании данного заключения или акта¹.

Дискуссионным является вопрос о возможности обжалования в суде постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Ряд авторов придерживается мнения о возможности и даже необходимости такого обжалования², другие авторы³ считают, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого, в числе других постановлений, вынесенных органами предварительного расследования, не подлежит обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ. Зачастую и суд, как правоприменитель придерживается той позиции, что решение следователя о привлечении лица в качестве обвиняемого затрагивает собственно уголовно-процессуальные отношения и «проверка законности и обоснованности таких решений должна осуществляться при рассмотрении уголовного дела после завершения предварительного расследования⁴.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2004. – 25 марта. – № 3437.

² Газетдинов Н.И. Обеспечение прав обвиняемому при предъявлении обвинения / Н.И. Газетдинов // Адвокатская практика. – 2007. – № 6. – С. 17; Смирнов А.В. Обжалование в суд незаконного или необоснованного постановления о привлечении в качестве обвиняемого / А.В. Смирнов // Материал подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2009.

³ Халиков А. Особенности института судебного обжалования в досудебном производстве / А. Халиков // Российская юстиция. – 2003. – № 7. – С. 21.

⁴ Судебная коллегия по уголовным делам Амурского областного суда. Обобщение судебной практики по рассмотрению судами Амурской области жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ в 2007 году. – URL : <http://www.oblsud.tsl.ru/ob/ob.HTM/> oblsud.tsl.ru/ob/ob_125.doc. Определение Конституционного Суда РФ от 17.12.2009 № 1636-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшина Владимира Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 и частями первой и второй статьи 171 УПК РФ» / Документ опубликован не был // Документ опубликован в системе «КонсультантПлюс»: Высшая школа. – 2011. – Вып. 15.

На наш взгляд возможность обжалования данного постановления подтверждается позицией Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой в ходе предварительного расследования могут быть обжалованы в суд действия и решения следователя¹. Критерием такого обжалования, исходя из решения Конституционного Суда РФ, являются: возможность причинения ущерба конституционным правам и свободам лица, недопустимость предрешиения судьей основного вопроса уголовного дела по существу.

Как представляется, привлечения лица в качестве обвиняемого и его наделения соответствующим статусом достаточно для вывода о возможности причинения ущерба его конституционным правам и свободам, в частности, праву на защиту, а соответственно и возможности обжалования данного постановления в судебном порядке. Что же касается второго критерия обжалования рамочного постановления, заключающегося в невозможности при таком обжаловании рассматривать и разрешать судом вопросы, связанные с существом уголовного дела, то расхождение имеется даже в позициях по этому вопросу Пленума Верховного Суда РФ, выраженных в различных его постановлениях.

Подводя итог рассмотренным нами вопросам, отметим, вынесение следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого позволяет перейти к наиболее полной реализации уголовного преследования в стадии предварительного следствия, так как осуществляется в отношении конкретного лица, знающего о содержании предъявленного ему обвинения, представляющего доказательства своей невиновности, дающего показания, заявляющего ходатайства и использующего другие средства защиты.

Обвинение, сформулированное в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, предопределяет рамки обвинения, выраженного в обвинительном заключении, (ст. 220 УПК РФ), а значит задает пределы судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ).

Повышенные требования законности, мотивированности и обоснованности к выносимому следователем постановлению о

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 года № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырцкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // Российская газета. – 1999. – 15 апреля. – № 72.

привлечении в качестве обвиняемого продиктованы возможностью наступления негативных юридических последствий в результате принятия такого решения. Поэтому, привлечение лица в качестве обвиняемого должно быть итогом производства совокупности следственных и иных процессуальных действий и может быть вынесено только «при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления».

*Рудакова С.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
ФГБОУ ВО «КубГУ»*

ИНСТИТУТ ОБЖАЛОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ: ГЕНЕЗИС И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Обязанность государства обеспечить надлежащую защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, сформулированную в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) реализуется, в том числе посредством наделения лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, правом на обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений суда, прокурора, других должностных лиц органов предварительного расследования согласно ст. 19 УПК РФ. В этой связи стоит согласиться с утверждением Е.В. Ветрила о том, что положения ст. 6 УПК РФ носят общий характер¹. Мы бы хотели дополнить эту мысль отметив, что эти положения выступают системообразующим фактором для формирования такого элемента уголовно-процессуального права как обеспечение субъективных прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Данный элемент представляется разноплановым, сложным по составу, конструкции и структуре.

¹ Ветрила Е.В. Статья 6 УПК РФ в практике обжалования процессуальных актов / Е.В. Ветрила // Мировой судья. – 2020. – № 12. – С. 36.

Данной теме в науке уголовного процесса посвящены многие работы, причем ряд важных знаний локализованы в работах по общей теории права. Например, «Фундаментальным критерием научности знания, начиная с XVII–XVIII вв. и до настоящего времени является исследование каких-либо явлений в системе элементов, их составляющих», – пишет профессор В.В. Ершов, и с этим утверждением нельзя не согласиться¹.

Профессор В.А. Семенцов отмечает особую значимость исследований в сфере обеспечения прав для современной отечественной науки уголовного процесса, в том числе применительно к отдельным стадиям уголовного судопроизводства: «активно исследуется вопрос о совершенствовании механизма обеспечения прав участников в стадии возбуждения уголовного дела с закреплением в законе приоритета защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений»².

В то же время рассматривать всю сферу обеспечения субъективных прав практически невозможно. Более конструктивным мы видим направление исследования одного из его элементов, представляющих как наибольший теоретический (наличие многочисленных дискуссий), так и практический интерес (в силу широкомасштабного использования в правоприменительной деятельности и количества допускаемых ошибок, наличия потребности в повышении качества и эффективности соответствующей деятельности).

Широкое поле для изучения составляет генезис обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве (происхождение, становление и развитие), в частности, его правовое регулирование в ретроспективном аспекте.

Возможность обжалования судебных решений была предусмотрена уже в период правления Петра I, И.Я. Фойницкий писал: «Пересмотр приговоров первой инстанции имел место в ревизионном порядке и по жалобам, право жалобы было крайне стеснено»³.

¹ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – М. : РГУП, 2018. – С. 20.

² Семенцов В.А. Обеспечение прав лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела / В.А. Семенцов // Общество и право. – 2019. – № 2(68). – С. 62.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2-х т. – СПб. : Альфа, 1996. – Т. 1. – С. 37.

Свое развитие обжалование в России получило на основании Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г., (далее – Устав) в котором были по-новому определены правила и порядок обжалования судебных решений, действий должностных лиц органов дознания и следствия. Вновь приведем позицию И.Я. Фойницкого, утверждавшего, что изменение уголовно-процессуального законодательства «открыло возможности законного контролирования судебной деятельности, ревизионный порядок уступил место порядку жалобы»¹.

«Наш закон, – писал В.К. Случевский, – знает двоякого рода способы обжалования:

1) обыкновенный это частный, апелляционный, кассационный порядки;

2) чрезвычайный – это порядок возобновления уголовных дел².

При этом, апелляционный и кассационный порядки применялись только к обжалованию приговоров, не вступивших в законную силу, апелляционный – к обжалованию неокончательных, а кассационный – окончательных приговоров.

Устав предусматривал не только обжалование судебных решений, но и действий, и решений органов, осуществляющих дознание или следствие, прокурора. Жалобы на действия полиции направлялись прокурору, а на действия следователя (в том числе по требованию прокурора) – окружному суду.

Одним из основных отличий от современного обжалования являлось право суда, постановившего решение, ходатайствовать перед высшей судебной инстанцией о пересмотре или исправлении приговора. (ст. 829 Устава). В случае подачи жалобы от одного из участников судопроизводства, вышестоящая судебная инстанция сама по своей инициативе не могла войти в обсуждение тех вопросов, которые не были приведены в жалобе или протесте. Также отличием было определение предмета жалобы – существо дела или действие суда, или органа, осуществляющего дознание или следствие, возможность подачи жалобы в словесной, то есть, устной (подлежащей занесению в протокол) или письменной

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2-х т. – СПб. : Альфа, 1996. – Т. 1. – С 355.

² Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: Судопроизводство / В.К. Случевский; Под ред.: Томсинов В.А. – М. : Зерцало, 2008. – Ч. 2. – С. 441.

форме (ст. 493, 690 Устава). Требования к форме и содержанию жалобы также были определены в законе.

В юридической литературе, с одной стороны, отмечается демократическое начало в обжаловании по Уставу: «закон, обращенный к поданным, о правах, которые им предоставлены в ограждение от произвола государственных судебных органов»¹. С другой стороны, указывалось на отсутствие необходимых положений для реализации права обжалования: «не было указаний об обязанности следователя разъяснить право на обжалование, не были указаны последствия удовлетворения жалобы, не указывалось, могло ли лицо обжаловать решение, принятое по жалобе в вышестоящий суд»².

Октябрьская революция 1917 года повлекла изменения всех элементов государственно-политического устройства России. Существовавшая система судопроизводства была ликвидирована советской властью. Декрет Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР «О суде» № 1 от 24 ноября 1917 г. и Декрет «О суде № 2 от 07 марта 1918 г., Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) «О народном суде РСФСР» от 30 ноября 1918 г., Положение «О народном суде РСФСР» от 21 октября 1920 г. упразднили обжалование приговоров в апелляционном порядке, установив единственный этап пересмотра – кассационное производство на основании формальных нарушений и явной несправедливости приговора. Был введен запрет на обжалование оправдательных приговоров, кассационное ходатайство могло быть подано либо через народный суд, постановивший приговор, либо в Совет народных судей в течение месяца. Приговоры, вынесенные военными трибуналами, Всероссийской чрезвычайной комиссией обжалованию не подлежали.

Согласно УПК РСФСР 1922 г., в порядке кассационного производства можно было подать жалобу на приговор народного суда при формальном нарушении прав и интересов стороны, такие жалобы не могли касаться существа приговора (ст. 353). К числу доводов кассационной жалобы относились следующие основания

¹ Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. – СПб. : Сенат. Тип., 1906. – С. 11.

² Григорьева В.Г. Основные исторические этапы развития института обжалования в до-судебном производстве / В.Г. Григорьева // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 3. – С. 39.

отмены или изменения приговоров: недостаточность и неправильность следствия, существенное нарушение форм судопроизводства, нарушение и неправильное применение закона, явная несправедливость приговора (ст. 359).

УПК РСФСР 1923 г. внес коррективы: кассационные жалобы не могли касаться существа приговоров и могли быть принесены исключительно в связи с формальным нарушением прав и интересов при производстве по делу или рассмотрении в суде (ст. 349). «Однако наличие кассационного основания в виде недостаточности и неправильности проведенного следствия, – пишет Т.Г. Бородинова, – давало право кассационному суду в целях проверки обоснованности и правильности приговора входить в существо дела»¹. По результатам рассмотрения жалобы осужденного допускалось ухудшение его положения.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г ввели новый принцип производства в суде кассационной инстанции – недопустимость ухудшения положения осужденного по результатам рассмотрения его жалобы на обвинительный приговор.

УПК РСФСР 1960 г. установил основные черты кассационного обжалования и пересмотра приговоров и других судебных решений: свобода обжалования приговоров, ревизионный порядок кассационного производства, производство в суде кассационной инстанции по инициативе субъектов обжалования, проверка законности и обоснованности приговора при наличии кассационной жалобы или протеста, обеспечения прав участников кассационного производства, недопустимость поворота к худшему при обжаловании приговора осужденным.

С началом нового, демократического этапа в развитии России, ознаменованного всенародным принятием действующей Конституции РФ и одобрением Верховным Советом РСФСР 24 октября в 1991 году Концепции судебной реформы, началась и новая судебно-правовая реформа². Председатель Верховного Суда РФ подчеркивает: «Началом становления судебной власти в совре-

¹ Бородинова Т.Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России : монография. – М. : Юрлитинформ, 2014. – С. 100.

² Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. – М. : Республика, 1992. – С. 111.

менной России является Концепция судебной реформы в РФ, главной задачей судебной реформы было признано утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной»¹.

В силу демократических преобразований конца XX века в России была поставлена задача создания механизма, который в полной мере гарантировал бы право на обжалование как приговоров, так и иных судебных решений, непосредственно затрагивающих права, свободы и законные интересы субъекта уголовного судопроизводства.

Для решения этой задачи обжалования в УПК РФ 2001 года предусмотрен принцип уголовного судопроизводства – право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ), в развитие которого законодатель предусмотрел правовое регулирование механизма подачи жалоб, в том числе на приговор, определение, постановление суда (ст. 127 УПК РФ).

В настоящее время обжалование имеет всеобщий характер. Жалоба может быть подана на любой приговор, как не вступивший, так и вступивший в законную силу. Вступление приговора в законную силу означает, что после этого он приобретает обязательный характер и что отсутствуют какие-либо основания, препятствующие обращению приговора к исполнению. Вместе с тем параллельно с реализацией наказания право лица на обжалование приговора не исчезает, а лишь приобретает качественно новый характер.

Несмотря на принятые законодателем меры по оптимизации обжалования в УПК РФ 2001 г., этот процесс (совершенствования) не прекратился. Поиск его дальнейшего развития продолжился. Определенным результатом стала масштабная судебная реформа, инициированная Верховным Судом РФ, которая по мнению председателя Совета судей, судьи Верховного Суда Российской Федерации В.В. Момотова, «призвана модернизировать существующую модель правосудия в соответствии с новыми запросами гражданского общества и современными стандартами правового развития; позитивными последствиями создания автономных

¹ Лебедев В. От Концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы // Российская юстиция. – 2000. – № 3. – С. 27.

кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции видятся, в том числе, отсутствие возможных сомнений в объективности и беспристрастности судей при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб»¹.

Проведенная реформа системы судов общей юрисдикции, введение окружных апелляционных и кассационных судов самым непосредственным образом отразилась на правилах обжалования. Возникли новые требования, предъявляемые к форме, содержанию жалоб, а также к порядку их рассмотрения.

Предпринятые законодателем действия не решили всех существовавших проблем, а в некоторой части привели к возникновению новых трудностей.

Так, например, С.Б. Россинский и С.А. Роговая пишут: «По смыслу закона, прямо вытекающему из содержания ст. 125 УПК РФ, предметом судебного обжалования могут являться различные действия (бездействие) или решения органов предварительного расследования и прокуратуры, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию»².

Результатом проведенного историко-правового исследования убеждают в том, что обжалование представляет собой комплекс правовых предписаний, объединенных общностью цели, задач, а также характером и содержанием складывающихся правоотношений, что позволяет высказать гипотезу о существовании института обжалования в уголовно-процессуальном праве

О характеристиках правового института ученые пишут достаточно подробно: он рассматривается как обособленный блок отрасли и характеризуется юридическим единством правовых норм, однородностью фактического содержания, полнотой регулирования отношений, нормативной обособленностью³, деление системы права на отрасли и институты – объективная необхо-

¹ Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание / В.В. Момотов // Журнал российского права. – 2018. – № 10. – С. 134–146; – 2019. – № 12. – С. 68–89.

² Россинский С.Б. Предмет обжалования в суд действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры: от теории к практике / С.Б. Россинский, С.А. Роговая // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 3. – С. 45.

³ Сырых В.М. Теория государства и права : учебник / В.М. Сырых. – М. : Юстицинформ, 2001. – С. 236.

димось, отражающее реально существующее в обществе многообразии социальных отношений и опосредующих их правовых норм, академическая и практическая потребность¹; институт права выполняет только ему присущие функции и специфичен по сравнению с другими компонентами права, каждому институту присущи специфические юридические понятия, определяющие особый режим правового регулирования²; главная функция правового института в том, чтобы в пределах своего участка обеспечить цельное, относительно законченное правовое регулирование³.

В теории уголовного процесса обжалование до настоящего времени как отдельный процессуальный институт не рассматривается. Однако приведенные обстоятельства убеждают в справедливости, выдвинутой нами ранее гипотезы, и позволяют сформировать представление о совокупности правовых норм, регулирующих обжалование, как о едином структурном элементе уголовно-процессуального права – институте обжалования. В этом контексте поддерживаем мнение Т.Г. Бородиновой о том, что «важным в теоретическом и практическом аспекте обстоятельством является недооценка на уровне теории уголовного процесса структурных элементов системы уголовно-процессуального права, в частности уголовно-процессуальных институтов»⁴.

По нашему мнению, институт обжалования в уголовно-процессуальном праве России представляет собой совокупность правовых норм, которые расположены в разных частях, разделах и главах УПК РФ, регулирующие общественные отношения, складывающиеся в связи с обращением лица с жалобой или представлением в суд, прокурору, руководителю следственного органа, следователю, органу дознания, начальнику органа дознания, дознавателю в связи с предполагаемым нарушением или

¹ Марченко М.Н. Теория государства и права : учебник. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 67.

² Теория государства и права : учебник / Под. ред. А.С. Пиголкина. – М. : ЮРАЙТ, 2005. – С. 356.

³ Алексеева Л.Б. Системные свойства уголовно-процессуального закона: Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Л.Б. Алексеева, А.М. Ларин, М.С. Строгович; Отв. ред. Савицкий В.М. – М. : Наука, 1979. – С. 128.

⁴ Бородинова Т.Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России : монография. – М. : Юрлитинформ, 2014. – С. 29.

ограничением охраняемых законом прав и интересов; сочетание императивного и диспозитивного метода правового регулирования. Нормы, определяющие субъектов, основание, порядок, формы обжалования направлены на достижение назначения уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 6 УПК РФ.

В этой связи уместно привести слова профессора О.В. Гладышевой: «назначение уголовного судопроизводства представляет собой более общую категорию, чем цель. Цель производна от назначения. В рамках уголовного судопроизводства осуществляется защита и охрана прав потерпевших и обвиняемых, а кроме того, личность также должна быть ограждена от необоснованного ограничения прав, обвинения и осуждения»¹.

Потребность в разработке института обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве обусловлена тем, что многочисленные проблемы, возникающие на практике, могут быть решены при условии выработки научно-обоснованных рекомендаций, основанных на детальной проработке вопросов о сущности обжалования, эффективности существующих процессуальных средств и методов реализации права на обжалование, дополнительных мерах по усилению гарантий конституционного права на обжалование, обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, повышения эффективности механизма обеспечения законности действий и решений должностных лиц и суда в уголовном судопроизводстве.

Проведенный историко-правовой анализ указывает на то, что институт обжалования в уголовно-процессуальном праве России сложился и функционирует давно, постоянно развивается и изменяется. Тенденции развития института обжалования усматриваются в расширении перечня субъектов обжалования, защищаемых законных прав и интересов, расширении право на свободу обжалования, законодательного ограничения злоупотребления правом обжалования унификации форм обжалования, законодательного определения предмета обжалования. Право обжалования

¹ Гладышева О.В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – С. 74.

выступает принципом уголовного судопроизводства, но его реализация осуществляется по различным основаниям и правилам в досудебном и судебном производствах.

Представляется, что разработка концепции обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве будет способствовать совершенствованию других уголовно-процессуальных институтов, созданию единого методологического подхода к совершенствованию современной уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, подводя итог, отметим основные выводы.

1. Изучение генезиса обжалования в уголовном судопроизводстве позволило выявить общие системные связи между отдельными положениями уголовно-процессуального закона в различных исторических периодах его формирования, приводящие к установлению следующей закономерности – постоянное дополнение тех правовых положений, которые направлены на реализацию субъективного права обжалования действий (бездействия) и решений должностных лиц и суда: начиная от признания соответствующего субъективного права до правового определения процедуры подачи жалобы, представления или протеста (в отдельные периоды).

2. В основе обжалования находится совокупность однородных отношений, устойчивый круг субъектов, целенаправленность их действий в различных стадиях уголовного судопроизводства. Имеются также и иные признаки, позволяющие выдвинуть и подтвердить научными методами гипотезу о формировании единого уголовно-процессуального института обжалования.

3. Тенденциями развития современного института обжалования выступает дальнейшее совершенствование его содержания, в частности: уточнение субъектного состава участников; развитие, полагаем, и дифференциация процедуры обжалования; уточнение порядка действий заинтересованных лиц и т.д.

Садикова Ю.В.,
преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права,
СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Как сообщило Российское агентство правовой и судебной информации, в октябре 2021 года Председатель Верховного суда России Вячеслав Михайлович Лебедев, положительно оценил идею о расширении перечня категорий уголовных дел, подсудных суду присяжных¹. В феврале 2020 года В.М. Лебедев предложил распространить юрисдикцию состава суда с участием присяжных заседателей на все особо тяжкие составы уголовно наказуемых деяний и на преступления в сфере предпринимательской деятельности, в материалах которых отсутствуют сведения, составляющие государственную тайну². С законодательной инициативой о передаче дел экономической направленности на рассмотрение суда присяжных также выступил уполномоченный при президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Борис Титов³.

Реформирование института присяжных в долгосрочной перспективе имеет существенное значение для демократизации судебной системы в Российской Федерации. Правоприменители отмечают, что реформирование института присяжных за счет расширения подсудности положительно скажется на уровне доверия граждан к судебной системе, будет способствовать улучшению

¹ Куликов В. Право на суд присяжных могут получить около 40 тысяч обвиняемых / В. Куликов // Российская газета: официальный сайт. – М., (обновляется в течение суток). – URL : <https://rg.ru/2020/10/13/pravo-na-sud-prisiazhnyh-mogut-poluchit-okolo-40-tysi-ach-obviniaemyh.html> (дата обращения 19.12.2020).

² Бурнов В.С. предлагает включить в компетенцию присяжных рассмотрение экономических дел / Российское агентство правовой и судебной информации: официальный сайт. – М., (обновляется в течение суток). – URL : http://www.rapsinews.ru/incident_news/20200211/305449154.html (дата обращения 19.12.2020).

³ Бурнов В. Титов направил ВС законопроект о рассмотрении экономических дел судом присяжных / Российское агентство правовой и судебной информации: официальный сайт. – М., (обновляется в течение суток). – URL : http://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20200324/305620724.html (дата обращения 19.12.2020).

качества предварительного следствия, а также приведет к улучшению стандартов доказанности вины подсудимых. Аналогичная позиция высказана Президентом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Ю.С. Пилипенко¹.

В рамках законодательной инициативы о расширении подсудности дел суду присяжных предлагается рассматривать дела о мошенничестве, растрате и злоупотреблении полномочиями коллегией, отнесенные к подсудности суда районного уровня, то есть составу суда с участием коллегии из шести присяжных заседателей. В данном случае речь идет о совершении уголовно наказуемых деяний индивидуальными предпринимателями, учредителями и акционерами компаний, членами органа управления компании.

Имея ряд бесспорно положительных в своей перспективе моментов, вопрос дальнейшего расширения компетенции суда присяжных, на наш взгляд, является дискуссионным, требующим детальной проработки.

Б.Ю. Титов полагает, что, если произойдет расширение подсудности дел суду присяжных «можно будет говорить о реальных качественных изменениях в судопроизводстве»². По его утверждению, обвинения по делам об экономических преступлениях часто малодоказательны и декларативны. К такому выводу Б.Ю. Титов приходит на основе анализа обращений, поступающих в его аппарат и содержащих большое количество жалоб на необъективность следствия, в которых содержатся сведения о том, что суды часто соглашались с позицией следствия без полноценного исследования доказательств.

Лебедев В.М. полагает, что предлагаемое реформирование суда присяжных позволит ежегодно более 40 тысячам лиц, обвиняемых в совершении преступлений воспользоваться правом на рассмотрение их дела судом с участием присяжных заседателей.

¹ Коробка Е. Эксперты «АГ» прокомментировали предложение Вячеслава Лебедева о расширении компетенции суда присяжных / Е. Коробка // Адвокатская газета: Орган Федеральной палаты адвокатов РФ: официальный сайт. – М., (обновляется в течение суток). – URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-ag-prokommentirovali-predlozhenie-vyacheslava-lebedeva-o-rasshirenii-kompetentsii-suda-prisyazhnikh/> (дата обращения 19.12.2020).

² Глава ВС РФ поддержал предложение Титова рассматривать экономические дела судом присяжных // ТАСС: Информационное агентство России: [сайт]. – М., 1999. (обновляется в течение суток). – URL : <https://tass.ru/ekonomika/9830525> (дата обращения 19.12.2020).

Вместе с тем, расширяя компетенцию суда присяжных в 2018 году, законодатель также ждал увеличения числа ходатайств о рассмотрении дела присяжными¹. Однако, статистика свидетельствует, что значительного роста не наблюдается, а в сравнении с 2018 г. усматривается тенденция на снижение. За первое полугодие 2020 года поступило 308 ходатайств о рассмотрении уголовных дел судом присяжных, в сравнении с данными за 2019 год – 332 ходатайства, 2018 – 398 ходатайств, 2017 – 218 ходатайств².

Невозможно отрицать ряд положительных свойств, присущих рассмотрению дел с участием присяжных. Например, высокие показатели оправдательных приговоров по таким делам.

С 01 июня 2018 г. коллегия присяжных может рассматривать уголовные дела, отнесенные к подсудности не только областных и равных им судов, но и районных судов³.

Данные судебной статистики, опубликованные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации таковы.

За 1 полугодие 2020 года судом с участием присяжных заседателей постановлен оправдательный приговор в отношении 242 лиц, что составляет 28,81 % от общего числа лиц, в отношении которых дело рассмотрено таким составом суда за указанный период⁴.

¹ Пояснительная записка к Законопроект № 1016453-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» (архив) / Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. – URL : <https://sozd.duma.gov.ru/download/682DDC76-BA62-4348-9E15-0709BD0FD55C> (дата обращения 19.12.2020).

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. – М., (обновляется в течение суток). – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 19.12.2020).

³ Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: текст с изменениями и дополнениями на 29 декабря 2017 года : Федеральный закон № 190-ФЗ : [Принят Государственной Думой 7 июня 2016г.: Одобрен Советом Федерации 15 июня 2016г.]. Система ГАРАНТ: справочная правовая система: [сайт]. – URL : <http://base.garant.ru/71428038/#ixzz6oLj7Qu9t> (дата обращения 19.12.2020).

⁴ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2020 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. – М., (обновляется в течение суток). – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения 19.12.2020).

За 2019 год судом с участием присяжных заседателей постановлен оправдательный приговор в отношении 242 лиц, что составляет 23,6 % от общего числа лиц, в отношении которых дело рассмотрено таким составом суда.

За 1 полугодие 2019 года судом с участием присяжных заседателей постановлен оправдательный приговор в отношении 107 лиц, что составляет 22,2 % от общего числа лиц, в отношении которых дело рассмотрено таким составом суда¹.

За 1 полугодие 2018 года судом с участием присяжных заседателей постановлен оправдательный приговор в отношении 90 лиц, что составляет 17,37 % от общего числа лиц, в отношении которых дело рассмотрено таким составом суда².

За 1 полугодие 2017 года судом с участием присяжных заседателей постановлен оправдательный приговор в отношении 53 лиц, что составляет 10,64 % от общего числа лиц, в отношении которых дело рассмотрено таким составом суда³.

Это позволяет выявить тенденции развития указанной формы уголовного судопроизводства.

Во-первых, статистические данные явно свидетельствуют о росте числа оправдательных приговоров, постановленных по итогам рассмотрения дел с участием присяжных, почти в три раза по сравнению с данными за 2017 год.

Наиболее показательны эти данные в сравнении. Так, например, данные о рассмотрении уголовных дел составом суда, состоящим из профессиональных судей, свидетельствуют, что за 1 полугодие 2020 года только 0,27 % оправданных от общего числа лиц, в отношении которых производство по делу в суде первой

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год/ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. – М., (обновляется в течение суток). – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения 19.12.2020).

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2018 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. – М., (Обновляется в течение суток). – URL : http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Oper_otchetnost_1-2018_g.xls (дата обращения 19.12.2020).

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2017 года/ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. – М., (обновляется в течение суток). – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151> (дата обращения 19.12.2020).

инстанции окончено постановлением приговора в составе профессиональных судей; при единоличном рассмотрении этот показатель равен 0,27 %; при рассмотрении коллегией из трех федеральных судей – 0,88 %.

На мой взгляд, такой высокий уровень оправдательных приговоров на основе вердикта присяжных по сравнению с решениями принятыми исключительно профессиональным составом суда с одной стороны обусловлен высоким уровнем состязательности в суде присяжных, что нельзя недооценивать, с другой стороны, в равной степени, также обусловлен еще и недостаточным качеством доказывания на стадии предварительного расследования. Правоприменители также указывают на отсутствие достаточного опыта у некоторых гособвинителей и ряд иных причин¹.

При таких видимых положительных свойствах данной формы судопроизводства, стоит отметить и ряд проблем.

К реформе суда присяжных предъявлялись высокие ожидания в регионах, органы прокуратуры ожидали роста «гражданской сознательности и активного участия»² жителей в судах. Однако в научной среде с таким прогнозом не согласились многие. Например, Е.В. Марковичева указывала, что в проведенной реформе института присяжных «организационно-правовые изменения преобладают над уголовно-процессуальными»³, что неизбежно отразится на ее результатах. Однако, спустя почти 2,5 года по-прежнему, остро стоит проблема формирования коллегии. «Культура участия» в суде присяжных по – прежнему не сложилась, и поэтому, зачастую, суды стоят перед проблемой найти достаточное количество участников-кандидатов в присяжные заседатели. Как указывают правоприменители, для обеспечения явки в суд на

¹ Егорова О.А. Председатель Мосгорсуда: каждый второй вердикт присяжных в райсудах – оправдательный :интервью / О.А. Егорова // Интерфакс: международная информационная группа: [сайт]. – М., 1991. 26.12.2018. – URL : <https://www.interfax.ru/interview/643992> (дата обращения 19.12.2020).

² Прокуратура Чувашии рассчитывает на присяжных по делам об убийствах / ИА REGNUM: Федеральное информационное агентство [сайт]. – М., 1999. 30.05.2018. – URL : <https://regnum.ru/news/society/2423394.html> (дата обращения 19.12.2019).

³ Марковичева Е.В. Реформа суда присяжных в современной России: упущенные возможности / Е.В. Марковичева // Реформа суда присяжных в Российской Федерации на современном этапе: проблемы и перспективы реализации. Материалы Международной научно-практической конференции 04 апреля 2017 г. – Казань : Отечество, 2017. – 230 с.

момент начала реформы нужного числа кандидатов направлялось 500–1500 приглашений, на которые откликалось 3–5 %¹. Указанная тенденция сохраняется.

Кроме того, отсутствует легальный механизм привлечения к ответственности граждан, не откликнувшихся на приглашение к участию в деле в качестве присяжных заседателей.

Есть несколько точек зрения на способы решения данной проблемы. Предполагается, что, с одной стороны, данная проблема может быть решена путем внесения законодательных изменений в пункт 2 части 1 ст. 35 УПК РФ и дополнения ее подпунктом, предусматривающим возможность «Изменение территориальной подсудности уголовного дела при невозможности сформировать коллегию». В частности, такое предложение высказано Е.А. Стариковой, вместе с тем она указывает, что реализация данного предложения неизбежно повлечет за собой увеличение и без того высоких при данной форме судопроизводства судебных расходов². Есть и альтернативная точка зрения А. Верещагина, которая – предлагает внести изменения в законодательство и предусмотреть ответственность граждан за необоснованный отказ от участия в деле в качестве присяжных заседателей³.

Автор полагает, что в таких условиях не совсем оправданно расширение подсудности уголовных дел относящихся к компетенции присяжных, особенно, в качестве инструмента повышения качества работы следственных органов. Как нам кажется, наиболее эффективной мерой может оказаться усиление на законодательном уровне ответственности органов предварительного следствия и прокуратуры за качество предварительного расследования и по вопросам необоснованного привлечения к уголовной ответствен-

¹ Васюткин Д.Ю. Проблема обеспечения явки кандидатов в присяжные заседатели в суд / Д.Ю. Васюткин // Новый юридический вестник: международный научный журнал. Учредитель и издатель ООО «Издательство Молодой ученый». – Казань, 2017. – Ежекварт, 2019. – № 1(8). – С. 42–44.

² Старикова Е.А. Некоторые проблемы формирования коллегии присяжных при рассмотрении уголовных дел в районных (городских) судах / Е.А. Старикова // Научный электронный журнал Меридиан: научный электронный журнал: [сайт] – Якутск, 2016. – Вып. № 17(51). – URL : <http://meridian-journal.ru/site/article?id=4540&pdf=1> (дата обращения 01.02.2021).

³ Верещагин А. Что не так с нашим судом присяжных/ zakon.ru – Информационно-правовой портал «Закон»: [сайт]. ООО «Издательская группа «Закон». – М., 2010. (обновляется в течение суток). 09.03.2020. – URL : https://zakon.ru/blog/2020/03/09/chto_ne_tak_s_nashim_sudom_prisyazhnyh (дата обращения 19.12.2020).

ности нежели расширение подсудности уголовных дел, отнесенных к компетенции суда присяжных.

Также, на наш взгляд, наиболее эффективной будет работа по направлению воспитания культуры участия граждан в осуществлении правосудия нежели ужесточение ответственности без повышения уровня правовой культуры населения.

Данные опроса граждан, свидетельствуют о том, что частой причиной отказа является страх у потенциальных присяжных, что они подвергнутся преследованию за принятое ими решение¹. В некоторой степени эти страхи оправданы.

Также хочется особо отметить, что культуру участия невозможно сформировать без участия СМИ, которые в свою очередь, к сожалению, не всегда, отличаются профессиональным уровнем подачи информации при освещении такого рода процессов, преследуя коммерческие цели и в интересах повышения рейтингов. В качестве примера приведем заголовки федеральных и региональных СМИ по последним фактам вынесения оправдательных приговоров судом присяжных. «Присяжные оправдали врачей, которых обвиняли в смерти младенца»², «Присяжные вынесли оправдательный вердикт мужчине, обвиняемому в убийстве 8-летней девочки из Ленинградского района»³: и в той, и в другой статье информация о том, что коллегия посчитала недоказанными события, изложенные в обвинительном заключении, заслушав доводы обеих сторон, стоит в самом конце статей, акцент обеих статей ставится на оправдании присяжными «убийц», что вполне логично вызывает широкий общественный резонанс. И если такая терминология при рассмотрении дел недопустима, то в СМИ это никак

¹ Захваткина А. «Прокурор сказал, что мы оправдали убийцу»: почему люди не хотят становиться присяжными / А. Захваткина // Агентство социальной информации: информационное агентство: [сайт]. Учредитель АНО «АСИ». – М., (обновляется в течение суток). – 13.11.2020. – URL : <https://www.asi.org.ru/2020/11/13/pochemu-lyudi-nehotyat-stanovitsya-prisyazhnymi/> (дата обращения 19.12.2020).

² См.: Присяжные оправдали калининградских врачей по делу о смерти младенца/ Интерфакс: международная информационная группа: [сайт]. – М., 1991. – 10.12.2020. – URL : <https://www.interfax.ru/russia/740822> (дата обращения 19.12.2020).

³ См.: Присяжные вынесли оправдательный вердикт мужчине, обвиняемому в убийстве 8-летней девочки. Он освобожден из-под стражи в зале суда // KUBNEWS.RU - Интернет-портал «Кубанские Новости»: [сайт]. Учредитель ООО «ГИК «Кубанские новости». – Краснодар, 2020. (обновляется в течение суток). – URL : <https://kubnews.ru/proisshestviya/2020/11/24/prisyazhnye-vynesli-opravdatelnyy-verdikt-muzhchine-obvinyaemomu-v-ubiystve-8-letney-devochki-on-osv/> (дата обращения 19.12.2020).

не пресекается. Не факт, что в случае отмены такого оправдательного приговора новая коллегия сможет вынести оправдательный вердикт повторно, поскольку в интернет-пабликах¹ под подобными статьями идут призывы к расправе над присяжными, наблюдается множество негативных высказываний в их адрес. Все это имеет отдаленные последствия, и отнюдь не повышает уровень доверия к суду. Здесь, по мнению автора, необходимо усиление ответственности средств массовой информации за содержание контента, размещаемого ими в печатных источниках и на общедоступных интернет-порталах.

Вторая не менее важная проблема – по-прежнему по данным судебной статистики наблюдается большое количество отмененных оправдательных приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в суде апелляционной инстанции. За первую половину 2019 г. процент отмены оправдательных приговоров, вынесенных районными судами, составил 37,3 %, и 18,9 % отмененных приговоров судов уровня субъекта Российской Федерации². По нашему мнению, эти показатели обусловлены несколькими причинами. Прежде всего, сказывается недостаточный опыт как председательствующих в суде присяжных, так и сторон, которые реализуют свои процессуальные функции без учета специфики данной дифференцированной формы уголовного судопроизводства. Федеральная палата адвокатов указывает, что защитники используют такие способы оспаривания обвинения, как акцентирование внимания присяжных заседателей на неполноте и обвинительном уклоне следствия, указание на применение к обвиняемому насилия, недопустимость тех или иных доказательств и так далее. Эти обстоятельства в большинстве случаев влекут за собой отмену оправдательного приговора. Разрабатывая тактику защиты в суде присяжных, адвокат не может не учитывать

¹ Присяжные вынесли оправдательный вердикт мужчине, обвиняемому в убийстве 8-летней девочки. Он освобожден из-под стражи в зале суда/ @kubnews – Официальная страница в социальной сети Интернет-портала «Кубанские Новости»: [сайт]. Учредитель ООО «ГИК «Кубанские новости». – Краснодар, 24.11.2020, (обновляется в течение суток. – URL : <https://www.instagram.com/kubnews/> (дата обращения 19.12.2020).

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. – М., (обновляется в течение суток). – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 19.12.2020).

сложившуюся апелляционную практику. С. Насонов отмечает, что «обращает на себя внимание очевидная «размытость», отсутствие единообразной судебной практики в отношении оснований отмены оправдательных приговоров (например, в одном из дел приговор был отменен, поскольку защитник усомнился в компетентности эксперта в речи перед присяжными; в другом деле защитник охарактеризовал показания свидетеля как «сомнительные» и т.д.)»¹.

Вместе с тем автор полагает, что перенос проверки не вступивших в силу приговоров суда присяжных из Верховного Суда РФ в апелляционные суды общей юрисдикции и в краевые (областные) суды неизбежно окажет воздействие на стандарты апелляционного пересмотра, будет иметь следствием переоценку негативных для защиты обыкновений, сложившихся за последние годы.

*Семенцов В.А.,
д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса,
ФГБОУ ВО «КубГУ»*

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ЗА И ПРОТИВ

Процессуальные полномочия прокурора в досудебном производстве определяются законодателем с учетом двух направлений его деятельности:

- 1) осуществление от имени государства уголовного преследования;
- 2) надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, которые указаны в ч. 1 ст. 37

¹ Насонов С. Суд присяжных в России: итоги 2019 г. и прогноз на предстоящий год/ Адвокатская газета: Орган Федеральной палаты адвокатов РФ: официальный сайт. – М., (Обновляется в течение суток). – URL : <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-v-rossii-itogi-2019-g-i-prognoz-na-predstoyashchiy-god/> (дата обращения 19.12.2020).

УПК РФ и федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Однако учеными эти положения закона воспринимаются критически.

Так, профессор О.С. Капинус считает, что несмотря на наличие собственных предмета, объекта и содержания, в законе отсутствует четкое разграничение полномочий прокурора. Кроме того, по мнению О.С. Капинус, «разный объем предоставленных прокурору полномочий по отношению к органам дознания и органам предварительного следствия еще больше осложняет ситуацию, внося дополнительный элемент неопределенности в статус прокурора в досудебном производстве»¹.

Неопределенность статуса прокурора проявляется и по отношению к институту следственных действий, основное предназначение которого состоит в собирании и проверке доказательств. Как отмечается в п. 2.2 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 08 декабря 2003 г., «в результате проводимых в ходе предварительного расследования следственных действий устанавливается и исследуется большинство доказательств по делу, причем отдельные следственные действия могут проводиться только в этой процессуальной стадии»².

Традиционно принято считать, что надзор прокурора призван обеспечивать выявление фактов нарушений закона при принятии решений и проведении следственных действий, своевременное реагирование на них, а также предупреждение этих нарушений. Тем не менее остается дискуссионным вопрос о непосредственном (личном) участии прокурора в следственных действиях, на чем и будет сделан акцент в нашем исследовании.

Пункт 1.4 ранее действовавшего приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 18 июня 1997 г. № 31 «Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием» ориентировал прокуроров, их заместителей и других ответственных работников прокуратуры на непосредственном

¹ Капинус О.С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве // Прокурор. – 2013. – № 2. – С. 51–52.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. – 2003. – 23 декабря.

участии в проведении такого следственного действия как осмотр места происшествия при получении сообщения об убийстве, террористическом акте, бандитизме, массовых беспорядках. Этим же приказом акцентировалось внимание прокуроров на качестве и своевременности проведения следственных действий по установлению и закреплению следов преступления, получению и надлежащей фиксации доказательств¹.

Действительно, своевременно и качественно проведенный осмотр места происшествия способствует получению ясного представления о характере события, причастности заподозренного лица к его совершению и о других обстоятельствах, имеющие значения для раскрытия и успешного расследования преступления. Напротив, непроведение или промедление с началом производства осмотра места происшествия может повлечь за собой необратимые последствия: исчезновение следов и предметов, относящихся к преступлению, изменение обстановки и др. Кроме того, достаточно часто без учета данных осмотра места происшествия невозможно было решить вопрос о наличии основания к возбуждению уголовного дела. В науке и практике единодушно признавалось, что именно участие прокурора в осмотре места происшествия обеспечивает наиболее эффективное его производство.

Более того, в 2007 г. В.Ф. Крюков предлагал «определить категории уголовных дел и правовые условия, при которых прокуроры обязаны лично участвовать не только в осмотре места происшествия, но и при производстве иных следственных действий..., в частности по уголовным делам с неочевидным характером совершенного деяния, относящегося к категории тяжких и особо тяжких преступлений, по делам о коррупции, должностных преступлениях»².

В 1987 г. Г.И. Скарёдов исследовал участие прокурора в следственных действиях как одну из форм прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного

¹ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 18 июня 1997 г. № 31 (в ред. от 16 марта 2006 г. № 13) «Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием» (утратил силу на основании приказа Генеральной прокуратуры РФ от 06 сентября 2007 г. № 136) // СПС «КонсультантПлюс».

² Крюков В.Ф. Актуальные вопросы организации прокурорского надзора за исполнением закона при производстве следственных действий / В.Ф. Крюков // Адвокат. – 2007. – № 3. – С. 33.

следствия. Им же были разработаны рекомендации по участию прокурора в следственных действиях, особенно в осмотре места происшествия, допросе, а также по делам несовершеннолетних¹.

В пунктах 1.5 и 1.6 приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 06 сентября 2007 г. № 136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» предусматривалось обязательное участие прокурора только в судебном заседании при рассмотрении судом ходатайств следователя о даче согласия на производство следственных действий, которые допускаются на основании судебного решения, с правом прокурора требовать своевременного направления ему уведомления о каждом случае производства без судебного решения осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также материалов по результатам их производства для правовой оценки. Этим же приказом было рекомендовано учитывать, что указанные следственные действия производятся без судебного решения лишь в том случае, если промедление может повлечь за собой утрату следов преступления и других доказательств, позволит скрыться лицам, его совершившим, негативно повлияет на возмещение причиненного преступлением ущерба².

Аналогичные положения содержались и в последующих приказах Генеральной прокуратуры Российской Федерации: от 02 июня 2011 г. № 162³ и от 28 декабря 2016 г. № 826⁴.

В результате сегодня можно констатировать, что в приказах Генеральной прокуратуры Российской Федерации, начиная с 05 июня 2007 г., уже не упоминается о непосредственном участии

¹ Скареев Г.И. Участие прокурора в следственных действиях. – М. : Юрид. лит., 1987. – 156 с.

² Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 06 сентября 2007 г. № 136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» (утратил силу на основании приказа Генеральной прокуратуры РФ от 02 июня 2011 г. № 162) // Сборник основных приказов и указаний Генерального прокурора Российской Федерации. – М. : Норма, 1999.

³ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 02 июня 2011 г. № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» (утратил силу на основании приказа Генеральной прокуратуры РФ от 28 декабря 2016 г. № 826) // Законность. 2007. № 11.

⁴ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС «КонсультантПлюс».

прокурора в проведении следственных действий, что было обусловлено существенными изменениями в УПК РФ и Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», с акцентом на надзорных и правозащитных функциях прокурора в досудебном производстве. При этом прокурор по-прежнему сохраняет возможность надзора за законностью и обоснованностью следственных действий, но только тех, которые требуют разрешения суда на их производство. Процессуальными формами надзорной деятельности здесь выступают:

– во-первых, дача согласия (отказа в этом) дознавателю на возбуждение перед судом соответствующего ходатайства после проверки изложенных в нем доводов и обязательно участвует в судебном заседании, а при несогласии с ходатайством выносит мотивированное постановление, приобщаемое к материалам уголовного дела¹;

– во-вторых, личное участие в судебном заседании для пояснений по заявленному ходатайству, в том числе и в ситуации, когда прокурор не согласен с позицией следователя, и в этом случае (при удовлетворении судом ходатайства следователя о производстве следственных действий вопреки позиции прокурора), он направляет об этом «сообщение вышестоящему прокурору и по согласованию с ним принимает исчерпывающие меры к обжалованию такого решения, вплоть до надзорной инстанции»²;

– в-третьих, на основании уведомления следователя или дознавателя проверяет законность таких следственных действий, как осмотр жилища, обыск и выемка в жилище, личный обыск, выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, в случае их проведения без получения судебного решения в ситуации, не терпящей отлагательства (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Но из текста закона не ясно, какие средства реагирования есть у прокурора при

¹ Пункт 19 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // СПС «КонсультантПлюс».

² Пункт 3.11 Указания Генпрокуратуры России от 23 июля 2020 г. № 387/49, МВД России № 1/7985, СК России № 1/218, ФСБ России № 23, ФТС России № 266-р «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

получении подобного уведомления и какова его роль при проверке судом законности следственных действий.

Наряду с процессуальными существуют и непроцессуальные формы надзорной деятельности прокурора. В.Н. Исаенко называет несколько непроцессуальных форм участия прокурора в осмотре места происшествия: наблюдение за ходом его производства, дача следователю рекомендаций по порядку проведения, об использовании технико-криминалистических средств обнаружения и фиксации, об организации обмена информацией между следователем и сотрудниками органа дознания¹.

Вместе с тем очевидно, что приоритетом в прокурорском надзоре должны выступать процессуальные (по правовой природе) полномочия, особенно при его непосредственном участии в следственных действиях, лишения которого послужило одной из основных причин снижение качества и эффективности досудебного производства. На это указывал 25 февраля 2018 г. Генеральный прокурор Российской Федерации Ю.Я. Чайка, по мнению которого «для многих наших следователей сегодня уголовно-процессуальное законодательство, нормы материального права – это космос»².

Теперь прокурор либо его заместитель лично выезжает на место происшествия, но уже не для участия в следственных действиях, а с целью координации действий сотрудников правоохранительных органов, своевременного решения вопроса о подследственности, осуществления надзора за законностью проведения оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных действий, «в случае совершения преступлений террористического характера и иных особо тяжких преступлений, а также при получении данных о нарушении закона при проведении первоначальных следственных действий»³.

В пункте 3.3 Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20 февраля 2020 г. № 84/23 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере

¹ Исаенко В.Н. Объекты прокурорского надзора за процессуальной деятельностью на первоначальном этапе расследования // Уголовное право. – 2010. – № 2. – С. 127–130.

² Юрий Чайка заявил о деградации следственных органов // Коммерсантъ. – 2018. – 21 февраля.

³ Пункт 5.3 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 16 июля 2010 г. № 284 (ред. от 23 декабря 2019 г.) «О порядке представления специальных донесений и иной обязательной информации» // Законность. – 2010. – № 10.

функционирования железнодорожного транспорта» опять же с целью координации деятельности правоохранительных органов предлагается «обеспечивать незамедлительный выезд транспортного прокурора (на правах районного) на места транспортных происшествий с тяжкими последствиями... При значительной удаленности транспортной прокуратуры от места происшествия информировать соответствующего территориального прокурора о необходимости выезда и принятия соответствующих мер до прибытия транспортного прокурора»¹.

10 сентября 2020 г. Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов в своем первом интервью рассказал, что в своей деятельности исходит из того, что прокурор – это связующее звено между участниками уголовного процесса, координирующее их работу, а его участие на месте происшествия обосновано требованиями результативности и качества этой работы, требующей слаженного взаимодействия следственных органов и оперативных служб по резонансным преступлениям, преступлениям в отношении детей, крупным авариям и катастрофам. Например, прокурор района должен присутствовать на месте дорожно-транспортного происшествия, в котором погибли несколько человек, даже если преступление раскрыто по горячим следам. И.В. Краснов считает, что это позволит оперативно выявлять и устранять следственные ошибки, грамотно формулировать обвинение и поддержать его в суде «без каких-либо конфликтов, перетягивания канатов – кто-то там на месте происшествия важнее, главнее..., поскольку каждый занимается своим делом. Без эмоций и только на языке закона»².

Сегодня в научной литературе обосновывается необходимость возвращения в ст. 37 УПК РФ нормы, уполномочивающей прокурора принимать участие в производстве следственных действий³, поскольку «непосредственное участие в следственных действиях не только позволит прокурорам наработать следственную практику, но и приведет к улучшению качества предварительного

¹ Указание Генеральной прокуратуры РФ от 20 февраля 2020 г. № 84/23 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере функционирования железнодорожного транспорта» // Законность. – 2020. – № 4(1026). – С. 56–59.

² У нас должна быть обратная связь с людьми: Генпрокурор Игорь Краснов о том, как, надзирая за законностью, помогать гражданам // Коммерсантъ. – 2020. – 10 сентября.

³ См., например: Спирин А.В. Об участии прокурора в собирании доказательств в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Право и политика. – 2018. – № 9. – С. 17–25.

расследования, изобличению лиц, совершивших преступления, а также будет способствовать более оперативному реагированию на допускаемые следователем нарушения закона»¹.

Резюмируя изложенное, отметим главное.

Существующая ситуация с процессуальными полномочиями прокурора в досудебном производстве (на примере участия в следственных действиях) не отличается системностью, в результате чего нарабатываются ведомственные решения, направленные на преодоления возникающих на практике трудностей по обеспечению законности. Такого рода решения следует рассматривать как полумеры, явно недостаточные для исправления ситуации в целом.

Поэтому мы присоединяемся к высказанной в литературе позиции о необходимости возвращения прокурору, как гаранту законности, процессуального полномочия непосредственного участия по его усмотрению в отдельных следственных действиях для решения задач досудебного производства, обеспечения своевременного и качественного реагирования на допускаемые нарушения закона следователем и дознавателем, не посягая на их процессуальную самостоятельность.

*Ставило С.П.,
канд. юрид. наук, доцент,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
НФ ФГКОУ ВО «КРУ МВД РФ»*

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Уголовное право изучает преступное поведение человека в обществе как активное (действие) так и пассивное (бездействие),

¹ Лукинов А.С. Непосредственное участие прокурора в следственных действиях как форма надзора и уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства / А.С. Лукинов // Законность. – 2019. – № 1. – С. 38–39.

являющееся проявлением человеческой воли. Преступление – это социальное явление, оно не существует вне общества. Общество устанавливает определенные правила поведения, позволяющие ему (обществу) существовать.

Преступление – это девиантное, т.е. отклоняющееся от нормы поведение людей. Ч. Беккариа отмечал, что «единственным истинным мерилom преступлений служит вред, причиняемый ими обществу»¹. Социальная опасность преступления обязательно должна найти отражение в виде признаков определенного состава преступления, описанного в конкретной уголовно-правовой норме.

Однако такой подход существовал не всегда. Сторонники материального определения понятия преступления рассматривали общественную опасность как главный (а по сути – единственный) признак преступления. Он был впервые закреплен в Руководящих началах по уголовному праву 1919 года и просуществовал в уголовных законах вплоть до 1958 года. В указанный период это позволило реанимировать и развить в советском уголовном праве средневековый институт аналогии закона, недопустимый сегодня, который во главу угла ставил общественную (классовую) опасность для существующего режима, без учета указания признаков деяния в уголовном законе. По злой воле «правоприменителей» любое деяние (даже совершенно безобидное) могло быть признано преступным, т.е. «угрожающим основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (понятие преступления, данное в статье 6 УК РСФСР 1922 г.).

Классическая школа уголовного права, представляющая формальный взгляд на понятие преступления, определяла преступность деяния его наказуемостью («преступление – это то, за что предусмотрено уголовное наказание»).

Можно отметить, что определение преступления, указанное в ч. 1 ст. 14 УК РФ имеет дуалистичное (двойственное) содержание, так как с одной стороны преступление обладает необходимой общественной опасностью, а с другой все его признаки должны быть предусмотрены в уголовном законе, то есть оно должно

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях (1764 г.). – 5-е изд. – М. : Стелс Бимпа, 1995. – С. 88.

характеризоваться уголовной противоправностью. Данное состояние нарушается только с наличием условий указанных в ч. 2 ст. 14 УК РФ. Здесь говорится о том, что «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Характер общественной опасности преступления зависит от установленных судом объекта посягательства, формы вины и отнесения Уголовным кодексом преступного деяния к соответствующей категории преступлений (ст. 15 УК РФ), а степень общественной опасности преступления определяется обстоятельствами содеянного (например, степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий, обязанностями, которые выполнял виновный при сложном соучастии).

Статья 6 УК РФ, а также Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22.12.2015 года «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56, от 18.12.2018 № 43) связывает назначение наказания с характером и степенью общественной опасности преступления, обстоятельствами его совершения и личностью виновного¹.

Противоправность свидетельствует о том, что лицо, совершившее преступление, нарушило запрет, содержащийся в уголовно-правовой норме. Значение признака противоправности состоит в том, что от его соблюдения зависит реализация провозглашенного в УК РФ принципа законности.

Противоправность предполагает предусмотренность (наличие) признаков преступления в уголовном законе.

Процесс признания деяния противоправным не является произвольным и основан, прежде всего, на установлении его общественной опасности, т.е. способности причинять вред личности, обществу, государству. Противоправность деяния, отражающая реализацию принципа «нет преступления без указания на то в законе, нет наказания без указания на то в законе» закреплена в ст. 3 УК РФ, в которой говорится, что «преступность деяния, а также

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2. – Февраль.

его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом».

Исходя из анализа содержания законодательного понятия преступления, можно назвать такие его признаки, как виновность и наказуемость.

Виновность связана с отношением лица к своему деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности.

Наказуемость свидетельствует о возможности назначения и применения уголовного наказания за совершенное преступление. Действующее уголовное законодательство не устанавливает принципа неотвратимости наказания, так как возможен отказ от уголовного преследования по различным основаниям, предусмотренным уголовным законом.

Виновность и наказуемость являются составляющими элементами противоправности, также как характер и степень являются составляющими элементами общественной опасности. В то же время, в науке уголовного права существуют и иные точки зрения, например, связанные с тем, что виновность и наказуемость являются самостоятельными признаками преступления, присущими ему наряду с противоправностью.

Категоризация преступлений – это сложный процесс распределения, систематизации, где за основу берется характер и степень общественной опасности содеянного.

Отдельные представители уголовно-правовой науки критически относились к такому делению, основанному главным образом на характеристике вида и размера предусмотренного уголовного наказания.

Известный французский ученый-криминалист Росси, по свидетельству другого известного ученого, но уже русского – Н.С. Таганцева, констатировал, что «ввести в закон такое деление – значит, сказать обществу: не трудитесь исследовать внутреннюю суть человеческих деяний, смотрите на власть: если она рубит голову кому-либо, вы должны заключить, что этот человек – великий злодей. Это деление свидетельствует о таком презрении к человечеству, таком притязании на деспотизм во всем, даже нравственности, что можно без особой смелости судить о духе целого кодекса по одной статье»¹.

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. – М., 1994. – Т. 1. – С. 58.

Гениальные слова Росси не услышаны и по сей день. В Уголовном кодексе Российской Федерации, по-прежнему, в основу категоризации преступлений положены вид и размер наказания, предусмотренные за то или иное преступление, правда, дополненные определенной формой вины.

О категориях преступлений говорится в ст. 15 УК РФ, где указывается, что данная классификация (категоризация) зависит от характера и степени общественной опасности деяния.

Изначально (с 01 января 1997 года), данная классификация выглядела иначе. В марте 2001 года, в декабре 2011 года и в июне 2019 года Федеральными законами № 25-ФЗ, № 420-ФЗ и № 146-ФЗ соответственно, в первоначальную классификацию были внесены существенные изменения, в корне изменяющие сложившиеся взгляды на сущность отдельных категорий.

Так, преступления небольшой тяжести раньше могли наказываться лишением свободы на срок от 6 месяцев до 2 лет, сейчас – от 2 месяцев до 3 лет. Преступления средней тяжести могли быть как умышленными, так и неосторожными и наказывались лишением свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет. Сейчас умышленные преступления наказываются лишением свободы на срок от 2 месяцев до 5 лет, а неосторожные – на срок от 3 лет до 10 лет.

Также обстоят дела с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. И для них законодатель не определяет минимальное наказание, а только максимальное. Причем к тяжким преступлениям снова относятся преступления, совершенные по неосторожности (наказываются не более пятнадцатью годами лишения свободы).

Это вполне соответствует основным направлениям российской уголовной политики, направленной на установление адекватных содеянному мер уголовной ответственности и наказания, а также способствует восстановлению социальной справедливости.

Категории преступлений, предложенные уголовно-правовой наукой и предусмотренные в уголовном законодательстве, имеют актуальное уголовно-процессуальное значение. Так, в ст. 99 УПК РФ говорится, что при принятии решения об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления (преступлений) и при определении конкретной разновидности такой меры, следователь или дознаватель должны учитывать, в том числе и тяжесть совершенного преступления.

Тяжесть преступления в процессе квалификации определяется отнесением совершенного виновным преступления к той или иной категории преступлений, предусмотренной в ст. 15 УК РФ.

Подводя итог, хочется отметить, что в теории уголовного права известны и иные основания для классификации преступлений. Но именно классификация преступлений по характеру и степени их общественной опасности, деление преступлений на категории (категоризация преступлений), является основой применения уголовного закона в процессе квалификации, назначения справедливого наказания, а также избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления (преступлений) в уголовном процессе.

*Стрельникова К.В.,
помощник судьи,
Московский областной суд*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Введение и развитие института примирения сторон в уголовном судопроизводстве Российской Федерации отвечает тенденциям проведения уголовной политики, следующей в направлении укрепления «более гуманных и в то же время действенных способов разрешения конфликтов, порождаемых преступлением»¹. В полной мере это соответствует и современному курсу развития уголовного судопроизводства, сориентированного на оптимальную защиту прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в уголовный процесс.

Уголовное судопроизводство, являясь одной из процессуальных отраслей, характеризуется наиболее острым проявлением последствий криминального конфликта граждан, предусматривает возможность урегулирования некоторых из них без использования

¹ Смахтин Е.В. К вопросу о примирении сторон в уголовном процессе / Е.В. Смахтин, А.А. Ларионова // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 1(19). – С. 204.

мер государственного принуждения, посредством прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Как отмечает Верховный Суд РФ в своем постановлении, посвященном институту примирения в уголовном судопроизводстве «освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление»¹.

Но отказ от уголовного преследования государством может иметь место лишь при наличии определенных условий, следующих как из характера совершенного преступления, так и их процессуальных особенностей судопроизводства.

По своей природе институт примирения сторон относится не к уголовно-процессуальным институтам, а к уголовно-правовым. Это следует из его нормативного закрепления в ст. 76 Уголовного кодекса РФ. Отдельного закрепления права сторон на примирение в содержании УПК РФ мы не встречаем.

Однако, положения, закрепленные в ст. 25 УПК РФ, в соответствии с которыми, суд и органы предварительного следствия «вправе прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред»² показывают его самостоятельное и важное место в системе уголовно-процессуальных институтов. Иными словами, можно говорить о данном институте как о «смешанном» институте, имеющем в своем содержании как уголовные, так и уголовно-процессуальные правовые компоненты.

Процессуальные условия и порядок прекращения производства по уголовному делу содержатся в ст. 25 УПК РФ. Во-первых, заявить о возможности примирения должен потерпевший. Это не означает, что он «простил» подсудимого, это значит, что его нравственные страдания и материальный ущерб, принесенный в результате поступления компенсирован («заглажен»), и он не возражает против прекращения уголовного преследования в отношении

¹ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в ред. от 29 ноября 2016 г.) Постановление Пленума ВС РФ от 27 марта 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8; 2017. № 1.

² Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // СПП КонсультантПлюс.

подсудимого. Под прекращением уголовного преследования в уголовном процессе понимается комплекс уголовно-процессуальных норм, регламентирующих процессуальный порядок окончания производства по уголовному делу в отношении обвиняемого в совершении преступления, без вынесения приговора.

Факт примирения обвиняемого с потерпевшим будет признан в случае, если:

- а) заглажен вред, причинённый преступлением;
- б) будет полностью признана подсудимым вина в совершении преступления;
- в) принесены официальные извинения потерпевшему.

Наиболее спорным оказывается пункт, касающийся размера денежной компенсации, который стороны должны самостоятельно определить, исходя из понятий обоснованности и разумности.

Для прекращения уголовного дела, в связи с примирением, требуется выполнение ряда условий, представляющих собой обстоятельства, использование которых в совокупности позволяет сделать возможным примирение. Важно учитывать следующую особенность: институт примирения потерпевшего и обвиняемого, не может применяться лишь на основании одного заявления потерпевшего по делам, не относящимся к делам частного обвинения. Как подчеркивается в комментарии к УПК РФ, «волеизъявление жертвы преступления и причинителя вреда, пришедших к примирению, не влечет автоматического принятия решения о прекращении дела, а представляет собой лишь одно из условий, соблюдение которых не может побудить (или не побудить) компетентные органы принять решение о прекращении дела, ибо закон лишь наделяет их таким правом, а не обязывает к этому»¹.

Условия прекращения уголовного дела в связи с примирением четко определены законом. Как следует из анализа положений статей 76 УК РФ и 25 УПК РФ, к таковым относятся:

- 1) совершенное обвиняемым преступление должно быть небольшой или средней тяжести;
- 2) совершение преступления обвиняемым впервые;

¹ Научно-практический комментарий к УПК РФ / Под общ. ред. В.М. Лебедева; Науч. ред. В.П. Божьев. – М. : Юрайт, 2014. – С. 67.

3) заявление потерпевшего или его представителя о прекращении уголовного дела в связи с их примирением и реальное их примирение;

4) заглаживание вреда, причиненного потерпевшему.

Первое условие четко регламентируется уголовным кодексом РФ в ст. 15 и вопросов не вызывает.

При рассмотрении второго условия следует учитывать, что преступление также считается совершенным впервые, если за предыдущие преступления истекли сроки давности, или осужденный был освобожден от уголовной ответственности или от наказания, и в случаях, когда судимость погашена или снята в установленном порядке.

Толкуя третье условие, необходимо обратить внимание на то, что понятие «примирение» не совпадает с понятием «заглаживания» вреда, с его компенсацией, а выступает самостоятельным условием, представляемым в виде добровольно принимаемого решения потерпевшим уже после компенсации вреда и выражаемого в «прощении» обвиняемого, в нежелании привлечения его к наказанию. Эта позиция потерпевшего должна быть четко и свободно высказана в суде, у суда не должно возникнуть сомнения в добровольном заявлении о примирении со стороны потерпевшего, если суд установит, что в адрес потерпевшего со стороны подсудимого высказывались угрозы и его решение о примирении принято под их влиянием, при таких обстоятельствах принять решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением суд не может.

В отношении условия, касающегося «заглаживания причиненного потерпевшему вреда», под которым понимается реальное и полное возмещение причиненного потерпевшему либо его имуществу материального ущерба, компенсирование морального вреда. Компенсация за причиненный вред всегда должна удовлетворять требованиям потерпевшего и не носить характер обещания в будущем. Она должна быть реально выполненной на момент решения вопроса о прекращении уголовного дела.

Указание в законе исчерпывающего перечня условий прекращения уголовных дел в связи с примирением выступают серьезной предпосылкой законности и обоснованности деятельности мирового судьи при принятии решения. Процессуальная деятельность судьи в судебном заседании по рассмотрению уголовного дела

складывается, в значительной мере, из принятия процессуальных решений по его судебскому усмотрению на основе закона.

Институт прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением с потерпевшим относится к таким институтам, принятие решений по которым зависит от позиции потерпевшего, обвиняемого и усмотрения суда. И на наш взгляд, в случае соблюдения всех законодательных условий, применение института примирения судом должно быть его обязанностью, а не правом.

В настоящее время, в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, примирение между обвиняемым и пострадавшим может иметь место в условиях, как частного, так и публичного обвинения.

Применительно к теме настоящего исследования, примирение сторон возможно при производстве по уголовным делам частного обвинения, возбужденных по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ. Характер совершенного преступления является особенностью применения института примирения по делам частного обвинения, где он должен соответствовать степени небольшой тяжести.

Для прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон по делам частного обвинения условия иные, чем для прекращения уголовного дела по делам, возбужденным по другим видам обвинения. При производстве по делам частного обвинения институт примирения сторон применяется довольно часто. Это происходит в случаях, когда стороны, в реализацию своего диспозитивного права, приходят к соглашению о исчерпанности уголовно-процессуального спора и ограничиваются его мирным урегулированием.

Рассмотрение данной категории уголовных дел по подсудности относится к мировым судьям. Заметим, что в самом наименовании суда, можно усмотреть возможность суда применять меры, направленные к примирению сторон, восстановлению «мира» между участниками процесса. Именно на мировой суд возлагается обязанность проверить наличие оснований и выполнение условий, позволяющих прекратить производство по уголовному делу в случае поступления от потерпевшей стороны соответствующего заявления.

Фактически, заявление, содержащее ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением по делам частного обвинения, в случае выполнения всех процессуальных условий, имеет обязательный характер для суда. Это специфика прекращения уголовного преследования в порядке частного обвинения. Потерпевшая сторона в порядке частного обвинения вправе как возбуждать производство по делу, так и его прекращать. В данном случае не затрагиваются публичные интересы, а потому определяющим фактором в прекращении уголовного дела и выступает волеизъявление частного обвинителя.

Именно, потерпевший, в данном случае, он же и частный обвинитель, отказывается от продолжения уголовного преследования. И суду ничего не остается, как принять его решение.

Если трактовать буквально, то ч. 2 ст. 20 и ч. 5 ст. 319 УПК РФ говорит о том, что заявление потерпевшего о примирении является единственным и безусловным основанием для прекращения производства по делам частного обвинения.

Особенность использования института примирения в производстве мирового судьи усматривается в обязанности мирового судьи разъяснить сторонам возможность примирения, в соответствии с ч. 5 ст. 319 УПК РФ. Названная норма говорит о том, что в случае примирения сторон по делу частного обвинения ходатайство об этом должны поступить от сторон процесса. Из чего можно сделать вывод о том, что это заявление должно быть согласовано и отражать одинаковое волеизъявление сторон.

Как верно отмечается в современной научной литературе: «по делу частного обвинения судья не проверяет ни наличие у потерпевшего свободного волеизъявления на примирение с обвиняемым, ни факт совершения преступления впервые, ни факт действительного заглаживания обвиняемым причиненного вреда, что обусловлено отсутствием у суда соответствующих полномочий и наличием обязанности по вынесению решения о прекращении уголовного дела при поступлении соответствующих заявлений¹.

Таким образом, находясь в сфере частных интересов, вопрос о прекращении уголовного преследования по основанию прими-

¹ Баранова М.А. О проблемных аспектах примирения потерпевшего с обвиняемым по уголовным делам частного обвинения / М.А. Баранова, Е.В. Егоров // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 6(125). – С. 157.

рения сторон по делам частного интереса разрешается сторонами самостоятельно. Мировому судье остается лишь вынести соответствующее постановление.

*Тарасов А.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»,
Заслуженный юрист Кубани*

ФИКСАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В современных условиях развития России, которые характеризуются внедрением во все области права новейших технологий, инновацией существующих систем, глобальной информатизацией общества, в целом; особо остро встает вопрос о применении в качестве доказательств информации с электронных носителей (далее – цифровая информация).

Казалось бы, технические средства к 2020 году стали постоянными спутниками современного человека. Ежедневно общество тратит по несколько часов в социальных сетях, мессенджерах, за разговорами по телефону. Часы на руках высчитывают пульс, происходит обмен тысячами фотографий и сообщений; огромный информационный поток, в котором, к сожалению, совершаются преступления. Так, все это, безусловно, должно включаться в процесс доказывания.

Процессуальный порядок использования информационно-технологических средств сбора доказательств, в расследовании преступлений, совершаемых с использованием современных цифровых технологий включает в себя всего несколько следственных действий: осмотр (ст. 176–177 УПК РФ), обыск (ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ), выемка (ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ), контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях

между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ), назначение и производство экспертизы (ст. 195, 199, 204 УПК РФ). Следует отметить, что три последних следственных действия полностью осуществляются посредством применения технических средств. Остальные следственные действия сводятся к процессу обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимых носителей цифровой информации.

Так следователями и дознавателями повсеместно и активно применяется мобильная цифровая техника (ноутбуки, планшеты, смартфоны, и т.д.). Наряду с традиционными технологиями использования мобильных телефонов для закрепления фото, аудио и видео-информации, появляются новые технико-цифровые возможности фиксации производства следственных действий. К примеру, использование смартфона с GPS-модулем позволяет при проведении следственных действий (проверка показаний на месте, следственный эксперимент, осмотр места происшествия) провести геолокацию, а в случае передвижения участников следственного действия, обусловленного целями и задачами проводимого процессуального действия, зафиксировать трекинг-маршрут с наложением данных на картографическую программу.

Геолокация на фотографиях (комбинированные геотеги в фотографиях) позволяет в последующем проанализировать действия подозреваемых (свидетелей, потерпевших и т.д.) и выявлять новые информационные источники (информация с наружных камер видеонаблюдения и т.д.), которые в процессе расследования могут получить процессуальное оформление в виде доказательств (показания свидетелей, контактировавших с лицами, интересующими органы следствия).

Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами проводимое в соответствии со ст. 186.1 УПК РФ, позволяет следователю, во взаимодействии с оперативными сотрудниками, провести отслеживание всех звонков, произведенных с места происшествия - биллинг (анализ сетевой активности абонентов мобильной сети в зоне поиска), и выявить цифровые следы, регистрируемые базовыми станциями сетей сотовой связи.

Вместе с тем процесс выявления, сбора цифровой информации, сопровождаемый техническими процедурами и процессуаль-

ным порядком сохранения в отдельных информационных объектах, а также в информационной среде электронного носителя информации, и исследование цифровых следов требует специальных познаний.

Современное уголовно-процессуальное законодательство закрепляет участие специалиста в двух формах: как право следователя и как обязанность следователя. Следователь вправе вызвать или пригласить специалиста для участия в производстве следственного действия, например таких как: осмотр (ст. 176–177 УПК РФ), следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ч. 5 ст. 185 УПК РФ). А вот при производстве обыска и выемки, согласно ч. 9¹ ст. 182 и ч. 3¹ ст. 183 УПК РФ, следовать обязан пригласить специалиста для «изъятия электронных носителей информации».

В настоящий момент тактические приемы, методы и средства, цифровой криминалистики, активно применяются специалистами-криминалистами Следственного комитета РФ, ФСБ и МВД РФ.

С участием сотрудников Главного управления криминалистики проводятся следственные действия, сопряженные с осмотром и изъятием компьютеров, мобильных устройств, электронных носителей информации. Организованы как незамедлительный осмотр изъятого оборудования в целях быстрого обнаружения ориентирующей и доказательственной информации на его электронных носителях, которая может быть использована для раскрытия преступления по горячим следам, так и проведение компьютерно-технических, информационно-аналитических, видеотехнических экспертиз, позволяющих максимально тщательно изучить уголовно-релевантную цифровую информацию¹.

В этом плане показательна статистика количества выполненных осмотров цифровых устройств: экспертно-криминалистическими подразделениями СК России в 2015 году было выполнено 2062 осмотра (осмотрено 5413 объектов), в 2016 году выполнено 2880 осмотров (осмотрено 10705 объектов). Таким образом, по

¹ Козловский П.В. Участие специалиста в изъятии электронных носителей / П.В. Козловский, П.В. Седелников // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 1(52). – С. 18.

статистическим данным СК России, количество осмотров компьютерных устройств увеличилось на 40 %, количество же осматриваемых устройств возросло фактически на 98 %.

Вместе с тем, при увеличивающихся объемах изымаемых носителей и количестве проводимых процессуальных действий, обеспечение наличия специалиста при проведении каждого такого действия ввиду ряда объективных причин выглядит весьма проблематично.

В связи с этим интересен взгляд ряда ученых, на проблему законности изъятия электронных носителей информации без участия специалиста, согласно которому, «формальное нарушение процедуры изъятия электронных носителей в большинстве случаев не имеет связи с нарушением прав и законных интересов участников уголовного процесса. Соответственно, не имеется и оснований для признания производства такого следственного действия незаконным, а также признания изъятых электронных носителей недопустимыми доказательствами»¹.

Данное суждение авторов носит спорный характер, так как противоречит принципу допустимости доказательств. Согласно ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального кодекса являются недопустимыми.

Однако, приходится констатировать несовершенство требований ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, согласно которым изъятие электронных носителей информации производится с обязательным участием специалиста. Законодатель, внося поправки в УПК РФ руководствовался необходимостью использования профессиональных знаний в области цифровых технологий для проведения указанных следственных действий. Однако данный императив на практике приводит к формальным нарушениям процедуры изъятия электронных носителей. На наш взгляд необходимо внести изменения в процессуальное законодательство и вернуть

¹ Яковлев А.Н. Цифровая криминалистика и её значение для расследования преступлений в современном информационном обществе / А.Н. Яковлев // В сб. Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Мн., 12–13 апреля 2018 г.) / Следственный комитет Республики Беларусь; Редкол.: С.Я. Аземша [и др.]. – Мн. : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. – 368 с.; С. 3364.

право следователю определять необходимость привлечения специалиста в каждом конкретном случае.

Другой не менее важный аспект использования цифровых следов в процессе сбора доказательств при расследовании преступлений – это подготовка и проведение экспертных исследований.

Согласно статистическим данным, экспертными подразделениями МВД России в 2016 году было выполнено 21792 компьютерных экспертиз и исследований, что превышает показатель 2015 года на 12 %. Экспертно-криминалистическими подразделениями СК России за 2016 год выполнено 1323 компьютерно-технических экспертиз и исследований, что на 1 % больше, чем показатель 2015 года. Незначительный рост числа компьютерно-технических экспертиз и исследований в экспертно-криминалистических подразделениях СК России не является показательным, поскольку эту цифру необходимо рассматривать в контексте количества исследованных объектов: 3234 объекта – в 2015 году и 4307 объектов – в 2016 году (рост 33 %)¹.

Качество экспертных исследований напрямую связано с представленными на экспертизу материальными носителями цифровой информации. В данном контексте эксперты все чаще сталкиваются с двумя проблемными течениями: некачественные копии цифровой информации (либо полученные с нарушением технических требований) и монтаж цифровых записей.

Фальсификация цифровых следов, посредством использования новейшего программного ресурса стала широко распространенным явлением, особенно при работе с аудиофайлами. К примеру, в методике проведения фоноскопических экспертиз дается понятие признаков монтажа фонограммы. Признак монтажа – изменение в фонограмме, которое указывает на недостоверность содержащейся в фонограмме аудиоинформации (искажение акустического события или содержания разговора, исключение либо добавление в запись отдельных эпизодов, реплик, шумов и т.д.).

Развитие и широкое распространение компьютерных средств обработки и монтажа цифровых записей, доступность детальной информации о выполнении таких действий на сегодняшний день

¹ URL : <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/11/09/5a03187e9a7947d88f988f53>

привели к ситуации, когда создание поддельной фонограммы или фотографии может оказаться простой задачей даже для непрофессионала. Именно поэтому совершенствование методик экспертной оценки достоверности цифровых записей является чрезвычайно важной научно-технической и социальной задачей.

Цифровые технологии постепенно охватывают различные стороны жизни людей и значительно ускоряя процессы обработки информации делают более доступными средствами аудио, видео- и фотофиксации, возможности коммуникативного обмена информацией. Цифровые технологии все больше превращается в рабочий инструмент органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, следователей и дознавателей. Современные технические средства фиксации кардинально влияют на совершенствование старых и разработку новых методик, и тактику по обнаружению, фиксации и исследованию доказательств при раскрытии и расследовании преступлений.

Многие вопросы, связанные с комплексным использованием цифровых средств фиксации как одной из возможностей повышения объективности процесса доказывания при расследовании уголовным дел, а также повышения оперативности и эффективности розыскной работы, наглядности и результативности в следственной, экспертной деятельности, требуют детальной проработки как на законодательном, так и на методико-практическом уровне.

*Цацура В.А.,
преподаватель кафедры
уголовного процесса,
ФГБОУВО «КубГУ»*

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ
УСТАНОВЛЕНИЮ СУДОМ
ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ПРОИЗВОДСТВЕ
СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ
В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Законодатель закрепляет перечень следственных действий, проводимых на основании судебного решения, в ст. 29 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Это обусловлено защитой конституционных прав граждан – участников уголовного судопроизводства.

Порядок получения разрешения суда на производство следственного действия закреплен в ст. 165 УПК РФ. Однако законодатель не устанавливает единого перечня обстоятельств, подлежащих установлению по заявленному ходатайству.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)»¹ (далее – Постановление № 19) дается перечень обстоятельств, которые необходимо выяснить по каждому поступившему ходатайству, включая определение наличия или отсутствия материалов, приложенных к ходатайству и подтверждающих наличие оснований для производства следственного действия. Предложенный в постановлении № 19 перечень следует рассматривать как оптимальный для установления судом возможности рассмотреть это ходатайство в судебном заседании. При отсутствии этих обстоятельств суд принимает решение об отказе в принятии к своему производству ходатайства следователя или дознавателя.

Соответственно отсутствие материалов, подтверждающих наличие оснований для производства следственного действия, влечет невозможность рассмотрения судом ходатайства о его производстве.

Этот пункт постановления № 19 представляет особенный интерес, обусловленный теоретическими, законодательными и практическими вопросами.

Законодатель закрепляет основания для производства лишь некоторых следственных действий. К примеру, ст. 176 УПК РФ – «Основания производства осмотра». Минуя основания, законодатель в ст. 176 УПК РФ обозначает цель производства осмотра – обнаружение следов преступления или выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Соответственно,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайства о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Российская газета. – 2017. – № 125.

при обосновании необходимости производства осмотра жилища следователь должен предоставить суду сведения, подтверждающие высокую степень вероятности нахождения следов преступления или иных предметов, документов, имеющих значение для уголовного дела, в жилище.

Вопрос отсутствия регламентации оснований производства осмотра в жилище не является новым. К примеру, есть позиция, согласно которой основания можно разделить на юридические и фактические. Где юридическими являются процессуальные обстоятельства, упомянутые в Постановлении № 19, а фактические обстоятельства «должны определяться совокупностью доказательств и данных, полученных оперативным путем»¹.

Наряду с этим также как основание выделяют «существование реальной угрозы, утраты и (или) уничтожения следов преступления»². Однако установление данного обстоятельства в каждом случае не представляется необходимым, что подтверждает постановление № 19, в тексте которого в качестве примера наличие достаточных данных полагать, что в жилище находятся орудия преступления или иные необходимые предметы документы (см. п. 12), а названное обстоятельство относится только к случаям, не терпящим отлагательства. (см. п. 16)

В качестве оснований производства выемки законодатель указывает:

- необходимость изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела;
- факт нахождения этих предметов и документов у определенного лица (ч. 1 ст. 183 УПК РФ).

Формулировка отдельных законодательных положений не дает четкости представлений об их сути. Например, ст. 182 УПК РФ говорит об основаниях производства обыска как о наличие достаточных данных полагать, что в некотором месте предположительно могут находиться некие предметы, возможно имеющие

¹ Алонцева Е.Ю. К вопросу об основаниях производства осмотра жилища / Е.Ю. Алонцева // Российский следователь. – 2015. – № 21. – С. 5.

² Супрун С.В. Фактические и юридические основания осмотра жилища как места происшествия без согласия проживающих в нем лиц до возбуждения уголовного дела / С.В. Супрун, А.В. Павлов // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: материалы Международ. науч.-практ. конф. VIII Балтийского юридического форума. – СПб., 2020. – С. 129.

отношение к уголовному делу, а также разыскиваемое лицо или труп.

Для производства личного обыска, согласно позиции законодателя, суду необходимо наличие достаточных оснований полагать, что у определенного лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Основанием для наложения ареста на корреспонденцию, ее осмотра и выемки, контроля и записи телефонных и иных переговоров, получения информации о соединении между абонентами или абонентскими устройствами вновь выступает «наличие достаточных оснований полагать...».

Здесь следует отметить, что законодатель конкретизирует обстоятельство для контроля и записи переговоров: наличие угроз преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц возможно производство следственного действия по преступлениям средней тяжести, тяжких и особо тяжких.

Результат анализа законодательства демонстрирует отсутствие четкого подхода к определению оснований производства следственных действий. Это обстоятельство, по нашему мнению, составляет проблему не только законности и обоснованности решений о производстве следственных действий, но и выступает причиной сложностей в правоприменительной деятельности органов предварительного расследования и суда.

Трудности заключены в том, что, как представляется, модель практической деятельности следователя, дознавателя, суда, не имеющая четких установок закона (а также разъяснений) не позволяет определить надлежащие средства выяснения необходимых обстоятельств, которые, в свою очередь дали бы возможность принять соответствующее требованиям закона процессуальное решение.

Законодатель не только не определяет сущность оснований, но и устанавливает оценочную категорию достаточности оснований¹, что в каждом случае может быть сопровождено субъективизмом оценки.

¹ См. об этом: Скабелин С.И. Обоснованность использования термина «Достаточные основания» в уголовно-процессуальном законодательстве / С.И. Скабелин // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 3(22). – С. 82–86.

К примеру, при рассмотрении ходатайства о производстве обыска в жилище в одном случае судом устанавливались: факт возбуждения уголовного дела, событие преступления, *причастность лица, в жилище которого необходимо провести обыск*, место проживания этого лица, согласие прокурора, отсутствие среди собственников, зарегистрированных и проживающих по адресу лиц, относящихся к отдельной категории, в отношении которых в соответствии с гл. 52 УПК РФ применяется особый порядок уголовного судопроизводства.

В другом случае судом устанавливались: факт возбуждения уголовного дела, событие преступления, *факт нахождения похищенного имущества и орудия преступления в жилище*, согласие прокурора, отсутствие специальных субъектов (гл. 52 УПК РФ). Для производства выемки суд установил: факт возбуждения уголовного дела, событие преступления, факт наличия документов, имеющих значение для уголовного дела, в определенном месте, согласие прокурора. При этом не входил в обсуждение вопроса о значении этих документов для уголовного дела, но констатировал это обстоятельство.

При принятии решения о получении информации о соединении между абонентами и абонентскими устройствами суд устанавливал: факт возбуждения уголовного дела, событие преступления, *факт использования абонентского номера в преступных целях*, согласие прокурора. В другом случае такими обстоятельствами являлись: факт возбуждения уголовного дела, событие преступления, *факт использования абонентского номера свидетелем в момент совершения преступного деяния*, согласие прокурора. В третьем случае судом устанавливались: факт возбуждения уголовного дела, событие преступления, *факт использования безвестно пропавшим лицом на момент безвестного исчезновения конкретным абонентским номером*, согласие прокурора. Следует отметить, что при принятии решения в указанных случаях также обозначалась цель получения информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами – установление лица, совершившего преступление.

Результаты обобщения практики показывают отсутствие четкости и единообразия к определению оснований производства

различными судами одних и тех же следственных действий. Это негативное обстоятельство усугубляется ограничением конституционных прав граждан отдельными следственными действиями, в основе производства которых могут отсутствовать не только достаточные, но и основания в целом.

Как представляется, решением проблемы единообразия правоприменительной деятельности в части установления оснований принятия решений о производстве следственных действий может выступить формирование единого перечня обстоятельств, подлежащих установлению судом при рассмотрении ходатайств о производстве следственных действий.

Проведенным обобщением установлено, что, при рассмотрении ходатайства о каждом следственном действии, производство которого разрешено по судебному решению, суд неизменно устанавливает следующую совокупность обстоятельств:

- 1) факт возбуждения уголовного дела;
- 2) событие преступления;
- 3) согласие прокурора;
- 4) отсутствие обстоятельств, препятствующих производству следственного действия.

Применительно к конкретным следственным действиям дополнительно устанавливаются специфические обстоятельства. Например, для производства обыска: характеристики жилого помещения, его собственников и проживающих в нем лиц (правовой статус, отношение к жилищу), возможное местонахождение объектов, имеющих значение для уголовного дела.

Выявленные в практике закономерности позволяют сформулировать следующие предложения.

Во-первых, производство следственных действий должно подчиняться четко сформулированным и законодательно закрепленным правилам. Одним из них следует признать установление обязательного перечня фактических и процессуальных обстоятельств.

Во-вторых, указанный перечень должен состоять из общих (большой частью имеющих процессуальный характер) и частных (отражающих особенности следственного действия) обстоятельств.

В качестве примера, иллюстрирующего высказанные предложения, предлагаем следующую совокупность обстоятельств, установление которых составляет основание для производства обыска:

– общие: факт возбуждения уголовного дела, событие преступления, факт согласования ходатайства на производство следственного действия с руководителем следственного органа и (или) прокурором, отсутствие обстоятельств, препятствующих производству следственного действия;

– частные: высокая степень вероятности нахождения следов преступления или иных предметов, документов, имеющих значение для уголовного дела, а также разыскиваемых лиц или трупов в определенном месте или у определенного лица.

При этом обозначенная ранее в судебном решении причастность лица будет выступать не отдельным обязательным, а промежуточным обстоятельством, подлежащим установлению судом, подтверждающим основное обстоятельство – высокую степень вероятности нахождения каких-либо предметов, имеющих значение для уголовного дела, у определенного лица.

Таким образом, подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Основания производства следственных действий играют важную роль при принятии соответствующих решений. Отсутствие четкого и законодательно определенного перечня оснований не способствует формированию единообразной практической деятельности, в том числе судебной, следствием которой является в том числе ограничение конституционных прав граждан.

2. В качестве оснований мы видим совокупность общих и частных обстоятельств, установление которых необходимо для формирования выводов следователя и суда при принятии соответствующего процессуального решения.

*Чиковани М.А.,¹
адъюнкт второго года очной формы обучения
по кафедре предварительного расследования,
ФПНПиНК ФГКОУ ВО «МосУ МВД РФ»*

*Есина А.С.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры предварительного расследования,
ФГКОУ ВО «МосУ МВД РФ»*

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКЕ

В специальной литературе имеет место мнение о необходимости ликвидации из действующего уголовно-процессуального закона норм, регламентирующих порядок возбуждения и отказа в возбуждении уголовного дела². Свою позицию ученые обосновывают несколькими аргументами и прежде всего тем, что на рассматриваемой стадии процесса имеют место нарушения прав граждан, ограничение доступа граждан к правосудию³. Несовершенство правового регулирования данного этапа уголовного процесса зачастую приводит к нарушению закона⁴, а существенное увеличение объема допустимых следственных действий при проверке сообщения о преступлении размывает границы между стадиями предварительного расследования и возбуждения уголовного дела, что противоречит принятому делению судопроизводства на стадии⁵. Этап возбуждения уголовного дела стал частью предварительного расследования⁶, а само постановление о возбуждении уголовного дела стало «барьером»⁷ в процессе расследования преступления.

¹ Чиковани М.А. – 2020.

² Кожокар В.В. Современное состояние и пути совершенствования института возбуждения уголовного дела / В.В. Кожокар // Российская юстиция. – 2015. – № 4. – С. 37.

³ Каретников А. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела? / А. Каретников, С. Коретников // Законность. – 2015. № 1. – С. 42.

⁴ Гаврилов Б.Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению / Б.Я. Гаврилов // Российский следователь. – 2013. – № 21. – С. 7.

⁵ Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела: pro et contra / И.С. Дикарев // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 1(12). – С. 80.

⁶ Макеева И.В. Досудебное производство по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Украины (сравнительно-правовое исследование) : автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – С. 17.

⁷ Каретников А. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела? / А. Каретников, С. Коретников // Законность. – 2015. – № 1. – С. 42. – С. 44.

Не разделяя мнения о необходимости отказа от стадии возбуждения уголовного дела, и не углубляясь в анализ имеющихся предложений о ликвидации стадии (Т.Н. Москалькова, С.Е. Вицин и др.)¹, более убедительным автору статьи видится мнение о специальном назначении этапа возбуждения уголовного дела как результата процесса становления и совершенствования российского уголовного судопроизводства². Разделяем взгляд на стадию возбуждения уголовного дела как гарантию обеспечения законности при применении мер принуждения³, согласны с утверждением о неисчерпанном потенциале⁴ и необходимости сохранения в современном судопроизводстве этапа возбуждения уголовного дела⁵.

Автор статьи полностью поддерживает мнение о необходимости оптимизации и совершенствования правовой организации рассматриваемой части уголовного процесса. Наиболее уязвимым нам представляются положения закона, определяющие права лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства на его первом этапе. Если процессуальный статус должностных лиц, осуществляющих в пределах полномочий уголовно-процессуальную деятельность на рассматриваемой стадии процесса, определен в соответствующих статьях УПК РФ (глава 6 УПК РФ), то процессуальное положение лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, нуждается в дополнительной регламентации. Заявители, лица, пострадавшие от преступления, явившиеся с повинной, лица, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении – их статус размыт, полного перечня их прав и обязанностей в законе не приводится.

¹ Москалькова Т.Н. О необходимости пересмотра стадии возбуждения уголовного дела / Т.Н. Москалькова // официальный сайт информационного агентства ТАСС. – URL : <https://tass.ru/obshchestvo/6535092> (дата обращения 15.02.2021); Вицин С.Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве / С.Е. Вицин // Российская юстиция журнал. – 2003. – № 6. – С. 54–56.

² Гаджиев Я.А. Стадия возбуждения уголовного дела в системе российского уголовного судопроизводства : автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 10–11.

³ Медведева В.В. Уголовно-процессуальный порядок принятия, рассмотрения в учреждениях уголовно-исполнительной системы и органах внутренних дел сообщений о преступлениях : автореф. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2011. – С. 14.

⁴ Шадрин В. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. – 2015. – № 1. – С. 51.

⁵ Сиверская Л.А. Рассмотрение сообщений о преступлениях: правовое регулирование и процессуальный порядок : дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 11; Шипицина В.В. Обеспечение прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2010.

По мнению Конституционного суда РФ должны учитываться фактические черты и признаки положения уголовно-преследуемого лица, а не только процессуальный статус¹. Считаю такой порядок может быть распространён на всех участников первой стадии уголовного процесса, чей статус не определен четкими границами.

Правовое положение лиц, вовлеченных в стадию возбуждения уголовного дела может быть определено только решением должностного лица, выраженным в соответствующем процессуальном документе. О необходимости составления таких документов закон не упоминает. Полагаю, что положение, закрепленное в п. 1.1 ч. 1. ст. 144 УПК РФ о том, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные Кодексом – сформулировано некорректно. Как может лицо пользоваться правами процессуального статуса участника уголовного судопроизводства, если самого процессуального статуса лицо не имеет? Тот факт, что в этой же норме закона законодатель перечислил некоторые права лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства (в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц) толкуется правоприменителями как определение пределов тех процессуальных полномочий, которыми эти лица наделены, не имея процессуального статуса. И только в рамках этой совокупности прав могут действовать лица, участвующие в доследственной проверки. Отметим, что указанные в ст. 144 ч. 1 п. 1.1 УПК РФ права лиц реализуются в практической деятельности без каких-либо проблем. В правоприменительной практике лицо, от которого получают объяснение, всегда предупреждается о праве, закрепленном в ст. 51 Конституции РФ, никто не ограничивает граждан обратиться в адвокатское сообщество и получить юридическую помощь, тем более ничто и никто не мешает гражданам обжаловать действия и решения должностных лиц в суд. Так может быть проблема о наделении участников доследственной проверки

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

процессуальным статусом надуманна? Мы так не считаем, если смотреть на обозначенную проблему с точки зрения законности действий должностных лиц, осуществляющих доследственную проверку.

Анализ текста п. 1.1 ч. 1. ст. 144 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что положение, закрепленное в данной норме закона, не коррелирует с другими нормами УПК, что не способствует единообразному применению закона в правоприменительной практике. Так, например, в законе предусмотрено право пользоваться помощью адвоката, что полностью соответствует конституционному праву лица на получение юридической помощи. В то же время, в соответствии с п. 6 ч. 3. ст. 49 УПК РФ именно защитник подключается к делу, если в отношении лица проводится доследственная проверка в порядке ст. 144 УПК РФ. Вопрос: кто участвует в ходе доследственной проверки со стороны лица, в отношении которого ведется проверка: адвокат или защитник? Вопрос важный с точки зрения законности действий следователя по обеспечению прав участников судопроизводства на защиту. Если лицо, в отношении которого ведется доследственная проверка, желает воспользоваться правом на адвоката, то он сам обеспечивает себе это право обращаясь в различные организации адвокатского сообщества. Если положение ст. 49 УПК РФ толковать таким образом, что лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, приравнивается к статусу подозреваемого, то право на защитника ему должен обеспечить следователь. Следует ли в таком случае принимать меры к назначению защитника? А главное: каковы полномочия и адвоката, и адвоката-защитника в ходе доследственной проверки? Отдельной нормы закона про адвоката в тексте УПК РФ нет. Все полномочия адвоката определены для него только в рамках возбужденного уголовного дела (ст. 56, ст. 189 УПК РФ). Применять положения ст. 53 УПК РФ (Полномочия защитника) вряд ли законно, поскольку в данной норме закона речь идет о полномочиях в рамках уголовного дела. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» отсылает нас к процессуальному законодательству (ст. 6 ФЗ)¹. В этих условиях, должностное лицо, проводившее проверку сообщения о преступлении, действует исходя из интересов

¹ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

гражданина и допускает адвоката, например, присутствовать при получении объяснения и даже позволяет давать консультации своему клиенту в ходе опроса¹. Но разве такие действия основаны на тексте уголовно-процессуального закона?

Другой пример, сказано, что лица, участвующие в производстве по проверке сообщения о преступлении, могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном статьей 161 УПК РФ. В тексте ст. 161 УПК РФ говорится о участниках уголовного судопроизводства, к которым, безусловно, относятся и лица, участвующие в доследственной проверке, поскольку это досудебный этап уголовного судопроизводства (п. 9 ст. 5 УПК РФ). Но поскольку уголовная ответственность наступает только в случае разглашения данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ), то очевидно, что фраза о предупреждении лиц доследственной проверки о неразглашении материалов доследственной проверки – ничтожна и не влечет никаких обязательств для участников².

С определенной степенью уверенности позволим себе утверждать, что лицо, пострадавшее от преступных действий на стадии возбуждения уголовного дела не имеет правовой возможности в полной мере обеспечивать защиту своих прав³.

В действующем УПК РФ необходимо предусмотреть норму, регламентирующую статус лица, пострадавшего от преступления. Такое предложение встречается на страницах юридической печати⁴, и мы считаем его обоснованным. По нашему мнению, процессуальное положение лиц, пострадавших от преступлений, и заявителей не должны совпадать. Пострадавший – лицо, которому незаконными действиями причинен вред, а заявитель – лицо,

¹ Среди 67 опрошенных должностных лиц, осуществляющих доследственную проверку в системе органов внутренних дел 52 сотрудника отметили, что не препятствуют участию адвоката присутствовать при получении объяснения от граждан в случае, если опрошенные явились с адвокатом.

² Блинова Е.В. Неразглашение данных предварительного следствия: проблемы правоприменения и вопросы толкования / Е.В. Блинова, А.С. Есина // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 113.

³ Синенко С.А. Правовой статус лица, потерпевшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела / С.А. Синенко // Российский следователь. – 2012. – № 2. – С. 25–26.

⁴ Генералова А.С. К вопросу процессуального статуса лица, пострадавшего от преступления, на стадии возбуждения уголовного дела / А.С. Генералова // Адвокатская практика. – 2013. – № 4. – С. 14.

сообщающее об известных ему событиях. Должностному лицу еще предстоит в ходе проверки выяснить, имеют ли изложенные заявителем события признаки преступления.

Приведенные примеры лишь малая часть аргументов свидетельствующих о актуальности и срочной необходимости принятия законодателем решения по вопросу об определении процессуального статуса лиц, участвующих в ходе проверки сообщения о преступлении. Пока идут научные дискуссии, и ученые с диаметрально противоположенными мнениями отстаивают свои позиции за сохранение или ликвидацию стадии возбуждения уголовного дела страдают не только граждане, но и должностные лица, осуществляющие судопроизводство. В сложных ситуациях, которые почти ежедневно возникают в правоприменительной практике, обращение к тексту УПК РФ оказывается бессмысленным. Несовершенство правового регулирования данного этапа досудебного производства отрицательно сказывается на оценке действий должностных лиц с точки зрения соблюдения ими закона.

Полагаем, что главу 8 «Иные участники уголовного судопроизводства» следует добавить отдельной нормой: «Лица, участвующие при проверке сообщения о преступлении», в которой необходимо определить права и обязанности каждого из участников: заявителя; лица явившегося с повинной; лица, которому причинен вред; лица, в отношении которого ведется проверка по сообщению о преступлении; лица, обладающего информацией о событии, по которому проводится проверка. В этой же норме закона следует прописать какими правами должны обладать и такие участники судопроизводства как: понятые, переводчик, специалист, эксперт, адвокат. Могут ли они в полной мере пользоваться правами, которые для них определены в специальных нормах закона, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела? В тексте закона полномочия этих лиц ограничены то указанием на участие в следственных действиях, то на производство по уголовному делу. Необходимо понимание: вправе ли они пользоваться такими же полномочиями в ходе проверки сообщения о преступлении.

Представляется, что высказанное в статье мнение найдет поддержку среди других исследователей, которые занимаются не только изучением прав граждан в сфере уголовного судопроизводства, но радуют и за законность со стороны действий должностных лиц, обеспечивающих эти права.

*Шнак Н.М.,
преподаватель кафедры криминалистики,
ФГБОУВО «КубГАУ»*

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОЧНОЙ СТАВКИ

Расследование преступлений является сложной социальной деятельностью¹. Сложность его обусловлена рядом причин, в том числе противодействием расследованию, которое проявляется в даче ложных показаний во время допроса.

На выявление противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц направлена очная ставка. Являясь самостоятельным следственным действием, очная ставка считается разновидностью допроса. Порядок ее проведения закреплен в ст. 192 УПК РФ, где сказано, что проводится она при наличии в показаниях ранее допрошенных лиц существенных противоречий². Существенными признаются противоречия, возникающие по кругу обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию.

По своему назначению очная ставка призвана устранить возникшие в ходе допроса противоречия и выяснить, кто из ранее допрошенных лиц говорит неправду, установить факт добросовестного заблуждения допрашиваемого. Кроме изобличения виновного, при помощи очной ставки можно исключить возможность необоснованного привлечения обвиняемого к уголовной ответственности, проверить иные интересующие следователя обстоятельства по данному уголовному делу.

Среди следственных действий, направленных на получение доказательств, очную ставку можно отнести к числу производных, проверочных действий. То есть ее назначение не является обязательным, а проводится по усмотрению следователя.

¹ Зеленский В.Д. Основные положения организации расследования преступлений : учеб. пособие / В.Д. Зеленский. – Краснодар : КубГАУ, 2012 – 160 с.

² Головин М.В. Тактика проведения очной ставки / М.В. Головин; Ответств. за выпуск А.Г. Коцаев // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 71-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2015 год. – 2016. – С. 366–367; – С. 366.

Изучив следственную ситуацию, возникающую в расследовании на определенном этапе, следователь определяет необходимость проведения очной ставки, выбирает тактические приемы, которые необходимо применить¹. К числу основных тактических приемов, используемых во время очной ставки, относятся изучение психологии допрашиваемых лиц, их воздействия друг на друга во время проведения очной ставки, а также влияние следователя на участников следственного действия. При подготовке к ее проведению следователь принимает во внимание всю совокупность психологических факторов и фактических обстоятельств уголовного дела².

Приоритетное значение в психологии допрашиваемых лиц имеют субъективные факторы: интеллектуальные способности лица, его отношение к участникам очной ставки и другим участникам уголовного дела.

Сам процесс проведения очной ставки вызывает процесс воздействия общающихся друг с другом лиц друг на друга. В результате этого воздействия и рождается истина по уголовному делу. Немаловажная роль в организации и проведении очной ставки принадлежит следователю. Он как организатор и руководитель всего расследования должен выбрать лучшее время для проведения очной ставки, определить круг вопросов, которые подлежат проверке, а также лиц, участвующих в следственном действии и необходимые технические средства для фиксации хода и результатов ее проведения.

Одним из тактических приемов проведения очно ставки является создание равных условий для всех допрашиваемых по делу лиц. Следователь должен подготовить свидетеля или потерпевшего к допросу, обеспечить его безопасность вовремя и после дачи показаний. Если речь идет о допросе обвиняемого, который придет вместе с адвокатом на очную ставку, целесообразно пригласить для участия в следственном действии еще одного следователя или

¹ Головин М.В. Роль очной ставки в расследовании преступлений / М.В. Головин // В сборнике: Итоги научно-исследовательской работы за 2017 год. Сборник статей по материалам 73-й научно-практической конференции преподавателей. – 2018. – С. 653–654.

² Головин М.В. Тактика очной ставки / М.В. Головин // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 114. – С. 658–670.

криминалиста. Одно их присутствие создаст определенный уровень поддержки для следователя и поможет предотвратить возможные нападки со стороны допрашиваемого лица и его адвоката.

По поводу очерёдности допроса лиц при очной ставке существуют разные мнения. Одни авторы высказывают мнение, что первым надо допрашивать лицо, давшее ранее правдивые показания, после чего услышать ответы второго участника, который, по мнению следователя говорит неправду¹.

Известный криминалист Е.П. Ищенко считает, что первым следует допрашивать лицо, дающее правдивые показания. В тоже время он допускает возможность первоочередного допроса лгущего участника, чтобы подстегнуть возмущение второго участника, который, по мнению следователя, говорит правду². Как показывает следственная практика, допрашиваемые могут договориться между собой о даче ложных показаний. В этом случае следует продемонстрировать путем воспроизведения звуко- или видеозаписи допроса лица, дающего правдивые показания.

Одним из тактических приемов, который используется следователем для получения правдивых показаний от допрашиваемых лиц является «разжигание конфликта». Задавая вопросы обеим сторонам, следователь провоцирует участников очной ставки, в результате чего разгорается конфликт. Не вмешиваясь в конфликтную ситуацию, следователь позволяет допрашиваемым вести свободно диалог. Если появляются какие-то неточности в их показаниях, после окончания диалога следователь вправе задавать уточняющие вопросы.

Очная ставка играет важную роль при установлении механизма преступления. Если в ходе проведения очной ставки удалось получить от одного из допрашиваемых новую информацию об обстоятельствах ранее не известных следователю, то она должна быть проверена.

Каждый ответ допрашиваемого лица в протоколе очной ставки должен быть заверен его подписью.

¹ Головин М.В. Тактика очной ставки / М.В. Головин // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 114. – С. 658–670.

² Ищенко Е.П. Криминалистика в вопросах и ответах : учеб. пособие. – М. : Проспект, 2020. – 304 с. – С. 209.

Особую значимость для фиксации эмоций допрашиваемых лиц, их реакций на задаваемые вопросы имеет применение средств аудио- и видео записи. Для их использования приглашается специально обученный технический помощник.

Тогда следователю при проведении очной ставки не надо отвлекаться на заполнение протокола, которое происходит одновременно с задаванием вопросов допрашиваемым лицам. В случае применения технических средств фиксации показаний темп производства очной ставки не замедляется, а происходит в обычном режиме. У допрашиваемого лица отсутствует дополнительное время на обдумывание своих ответов. Согласно ч. 8 ст. 166 УПК РФ кассеты со звуко- и видеозаписями должны приобщаться к протоколу следственного действия. Таким образом, применение следователем рассмотренных тактических приемов проведения очной ставки способствуют наиболее рациональному и эффективному проведению очной ставки.

Научное издание

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
И КРИМИНАЛИСТИКИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(22 декабря 2020 г.)**

Сборник статей

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор – А.С. Семенов
Компьютерная верстка – М.Н. Гусева
Дизайн обложки – О.Я. Фоменко

Подписано в печать 30.04.2021
Бумага «Снегурочка»
Печ. л. 13,4
Усл. печ. л. 12,5
Уч.-изд. л. 11,3

Формат 60×84 ¹/₁₆
Печать трафаретная
Изд. № 1167
Тираж 101 экз.
Заказ № 2253

ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская 9, литер «Г», оф. 41/3
тел. +7(918) 41-50-571
e-mail: id.yug2016@gmail.com Сайт: <http://id-yug.com>